СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

17376
Пром. 52

№ 4

1907

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій каналъ, д. № 45.
1907.

LA REVUE SLAVE

POLITIQUE, LITTÉRAIRE ET ARTISTIQUE.

Rédaction et Administration: Paris, 50 Rue Molitor (XVI). Prix de l'abonnement: France et Etranger . . . 30 Fr. (un an).

Hrvatska Misao

mjesečnik za narodno gospodarstvo, književnost i politiku u slovenskom i demokratskom duhu. — Vlastnik, izdavač i urednik: Stjepan Radić. — Zagreb Lažćina. Medjašna ul. 12.—Predplata na cjelu godinu 8 kr.

Подписка 8 кронъ (3 р. 50 к.).

Българска Сбирка

списание за книжнина, исторически и обществени знания.

Годишно струва: въ България 8 л., въ чужбина 9 л., въ Русия 3 р.

Адресъ: София, ул. „Славянска“ № 26. Редакторъ *С. С. Бобчевъ.*

SLOVANSKÝ PŘEHELD

Předplatné (i s poštovní zásilkou) do všech zemí Rakousko-Uherska, Bosny a Hercegoviny K 8.—; do Německa K 9.—(8 marek), do celého ostatního starého i nového světa K 9.20 (6 franků, 4 ruble). Administrace Slovanského Prehledu (F. Šimáček), v Praze, Jeruzalémská ul. 11. Všecky zásilky, týkající se **redakce** (rukopisy, knihy k oznámení a časop. na výměnu atd.), budtež zasílány **redaktoru Ad. Černemu (Praha-ul. Karoliny Světlé 9.**

„Świat Słowiański“

miesięcznik poświęcony słowianoznawstwu i przeglądowi spraw słowiańskich. Prenumerata całoroczne wraz z przesyłką pocztową wynosi 10 K., kwartalnie 2 K., 50 hal. **Adres** redakcyi i administracyi: **Kraków, ul. Podzameze 14.**

СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

№ 4 Апрѣль—Май 1907 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

I. *Р-цъ.* Черногорская автократія и конституція. VII . 255

II. *Э. Ю. Мука.* Полабскіе славяне. Очерки. Часть II . . 267

III. *П. А. Заболотскій.* Культурная работа у славянъ. VI. Чехи въ Вѣнѣ 273

IV. *Н. О-ный.* Сербско-турецкая война 1876 г., гл. III . 282

V. *А. А. Башмаковъ.* Новыя данныя по исторіи восточнаго вопроса 293

стр.

VI. *Н. Н. Новичъ.* Изъ славянскихъ поэтовъ. Переводъ . 307

VII. *Л-въ.* Къ характеристикѣ И. В. Кирѣевскаго 310

VIII. *П. А. Заболотскій.* Русскій языкъ у несвободныхъ славянъ 313

IX. *Эль-Эль.* Къ вопросу о польской автономіи 326

IX. Библіографія 329

X. Дѣятельность С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго Общества . . . 338

Слѣдующая книжка **„Славянскихъ Извѣстій“** выйдетъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій каналъ, д. № 45.
1907.

Черногорская автократія и конституція.

VII.

Конституція (6 дек. 1905 г.).

Подготовка.—Княжеская прокламація 18 окт. 1905 г. и указъ о выборахъ въ народную скупштину.—Избирательный законъ 19 окт.—Первая народная скупштина (незаконодательная); предварительное собраніе депутатовъ.—6 дек. 1905 г. торжественное собраніе: князь произноситъ рѣчь и въ заключеніе присягаетъ на вѣрность конституціи.—Общее настроеніе.—Перемѣна всѣхъ министровъ.—Откуда явилась идея конституціи, и какою должна быть черногорская конституція по рѣчи князя.—Связь ея съ внутреннимъ расположеніемъ князя и вліяніе внѣшнихъ отношеній.—Личный составъ скупштины и ея характеръ [1]).

Извѣстно было, что въ высшихъ сферахъ что то готовится и объ чемъ то совѣщаются. Но эти совѣщанія въ послѣднее время были такъ часты, и результатомъ ихъ являлись только новые законы, къ которымъ народъ сдѣлался равнодушенъ, поэтому то они приносили только новыя тяжести и стѣсненія, не внося никакихъ измѣненій въ общее положеніе дѣлъ.

Обратило на себя вниманіе отправленіе одного изъ учителей гимназіи въ Сербію въ такое время, когда послѣ лѣтнихъ вакансій во всѣхъ школахъ началось уже ученіе И пробылъ онъ тамъ довольно долго,—недѣли три. А по его возвращеніи оказалось, что онъ былъ посланъ правительствомъ съ порученіемъ познакомиться съ уставами сербскихъ конституцій изъ различныхъ временъ, чтобы одинъ изъ нихъ усвоить для Черногоріи. Конечно, это можно было сдѣлать и безъ посылки особаго человѣка: сербское правительство охотно прислало бы текстъ всѣхъ своихъ конституцій. Но посланный въ то же время могъ посовѣтоваться съ людьми компетентными, которымъ вполнѣ были извѣстны достоинства и недостатки ихъ конституцій; а также и заручиться впередъ благопріятными отзывами, со

---

[1]) См. „Сл. Изв.“ 1907 г. № 3.

стороны болѣе вліятельныхъ органовъ сербской политической литературы, что и было достигнуто. Имъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ привезенъ готовый проектъ конституціи, на что указываетъ слишкомъ скорое послѣ его пріѣзда ея провозглашеніе. Въ основаніе были положены сербскія конституціи 1869, 1889 и 1893 г.г., составлявшіяся въ моменты, наиболѣе благопріятные для народной свободы.

18 октября, въ день св. Луки, день смерти Влад. Петра I, вышла княжеская прокламація черногорскому народу. Обращаясь словами: „Дорогіе мои черногорцы", князь начинаетъ съ заявленія, что, „если человѣкъ считается членомъ просвѣщеннаго человѣчества, то онъ долженъ быть и свободнымъ гражданиномъ; такъ думаетъ вашъ старый князь и государь, который съ этими чувствами родился, возросъ и остался". Далѣе идетъ восхваленіе „любви къ свободѣ", которая всегда руководила черногорскимъ народомъ, благодаря чему Черногорію уважаютъ и сильные міра сего. Но она должна подняться еще выше, какъ того требуетъ духъ современности. „Я дамъ вамъ достаточно оружія: сабель, пушекъ и боевой муниціи, которымъ, я увѣренъ, вы сумѣете владѣть, когда того потребуетъ честь и безопасность отечества. Но потребуется вамъ и другое оружіе, и я въ продолженіи сорокапятилѣтняго моего управленія постарался воспитать сыновъ, которымъ съ увѣренностью могъ-бы вручить и это другое оружіе для преуспѣянія дорогой мнѣ Черногоріи. Время пришло, дѣти мои,—продолжаетъ князь—вооружить васъ и этимъ оружіемъ сообразно съ нашимъ положеніемъ, обстоятельствами и культурнымъ развитіемъ. Для этого придите ко мнѣ въ день св. Николая, и я васъ сведу съ моимъ правительствомъ, чтобы въ счастливомъ согласіи поговорить съ нимъ передо мною, и всѣ вмѣстѣ изыщемъ, что будетъ самое лучшее для истиннаго и здраваго развитія нашего отечества". Далѣе князь говоритъ, что онъ вполнѣ добровольно даруетъ имъ извѣстныя права для участія въ народныхъ дѣлахъ и управленіи и заключаетъ такъ: „Впервые на этотъ разъ моя щедрость не будетъ очень велика, но и не меньше вашихъ разумныхъ ожиданій, такъ какъ всѣ вы, я увѣренъ, одинаковаго со мною мнѣнія, что мы живемъ въ свободной странѣ свободною гражданскою жизнью, и что намъ нужно съ наибольшею заботливостью охранить нашъ здравый и геройскій лагерь отъ необдуманныхъ скачковъ и вредныхъ понятій, и тогда только мы будемъ крѣпки и сильны.

Въ цѣлой этой прокламаціи ни разу не произнесено слово конституція, а между тѣмъ отъ того же 18 окт. изданъ указъ,

чтобы 14 ноября 1905 г. произведены были по всей Черногоріи выборы посланниковъ (депутатовъ) въ народную скупштину, которая должна открыть свою дѣятельность 4 дек. того же года. И такъ, alea jacta est! 19 окт. изданъ избирательный законъ, а 14 ноября отъ 8 часовъ утра до 5 ч. по полудни выборы были окончены по всей Черногоріи, только въ трехъ мѣстахъ произошла нѣкоторая заминка; но потомъ и тамъ выборы состоялись.

Познакомимся въ главныхъ чертахъ съ избирательнымъ закономъ. Право голоса имѣетъ каждый черногорскій гражданинъ, которому исполнился 21 годъ, а чтобы быть избраннымъ, надо имѣть 30 лѣтъ и при этомъ платить въ казну податей и налоговъ не менѣе 15 кронъ. Не имѣютъ права выбора состоящіе подъ опекой, приговоренные судомъ къ тюремному заключенію и вообще лишенные гражданскихъ правъ.

Каждая капитанія (всѣхъ болѣе 50) выбираетъ одного депутата; города, имѣющіе сверхъ 3000 и до 10.000 душъ, Цетинье, Подгорица, Никшичъ и Ульцинъ выбираютъ также по одному и другіе болѣе мелкіе города соединяются съ капитаніями, въ которыхъ находятся. Такимъ образомъ приходится выборныхъ депутатовъ 61 на 200.000 душъ населенія обоего пола или 1 на 3279. Голосованіе прямое, непосредственное и открытое.

Предварительно составляются списки избирателей и за 5 дней до выборовъ выставляются на видномъ мѣстѣ, чтобы каждый могъ сдѣлать какое либо примѣчаніе о неправильности, и чтобы во время можно было сдѣлать исправленія.

Въ каждомъ избирательномъ мѣстѣ должна быть особая комиссія изъ трехъ членовъ, которыхъ выбираютъ въ городахъ, комитетъ общины, а капитаніяхъ три главныхъ кмета (предсѣдателя сельской общины), избранные всѣми кметами капитаніи Комиссія эта руководитъ выборами, рѣшаетъ споры, наблюдаетъ за порядкомъ и спокойствіемъ, а когда депутатъ выбранъ, даетъ ему мандатъ. При выборахъ присутствуетъ капитанъ, а въ городахъ предсѣдатель общины, обязанность которыхъ сообщить черезъ областное правленіе министерству внутреннихъ д. о ходѣ выборовъ. Мандаты провѣряются скупштиной, ей же направляются жалобы на неправильность выборовъ. Депутаты выбираются изъ своего мѣста, а если бы такового не находилось, то могутъ быть избираемы и изъ другихъ мѣстъ.

Областнымъ правителямъ, предсѣдателямъ общинъ и племенскимъ капитанамъ наказывается никоимъ образомъ не вмѣшиваться въ правильное теченіе выборовъ, относиться къ нимъ совершенно нейтрально, а въ случаѣ надобности оказывать со-

дѣйствіе избирательной комиссіи. Самое строгое наказаніе объявляется лицамъ, власть имѣющимъ, если они не исполнятъ того, что требуется для выборовъ, неправильно запишутъ голосъ, произведутъ какое либо измѣненіе въ спискахъ комиссій, насиліемъ и угрозой помѣшаютъ подачѣ голоса, оказываютъ вліяніе подарками или подкупомъ въ пользу кого либо, выставляютъ своихъ кандидатовъ и т. д. Эти правила имѣютъ, однако, значеніе только для выборныхъ 1905 г., и выборные имѣютъ полномочія только на одинъ годъ. Какъ увидимъ дальше, и скупштина эта была экстренная, незаконодательная, которая созвана была только для объявленія черезъ нее черногорскому народу конституціи. Наконецъ наступило 6-е декабря.

Депутаты за нѣсколько дней собрались уже въ Цетиньѣ, и 3-го дек. было первое ихъ собраніе въ залѣ военнаго министерства, причемъ избрали аккламаціей въ предсѣдателя старѣйшаго изъ членовъ; потомъ назначили ему двоихъ секретарей и ему же переданы манданты; а затѣмъ нужно было ожидать торжественнаго открытія скупштины. Это предварительное собраніе удостоилъ своимъ посѣщеніемъ и князь; но оно нисколько не имѣло оффиціальнаго характера. Князь просто разговаривалъ о положеніи Черногоріи, о томъ, что нужно сдѣлать, а главное, какимъ образомъ организовать выборы, чтобы въ нихъ дѣйствительно была выражена народная воля.

6-е декабря, въ день тезоименитства августѣйшихъ Николаевъ Черногорскаго Князя и Русскаго Императора, утромъ совершены были обычныя въ этотъ день молебствія въ монастырской церкви и въ дворцовой капеллѣ, и затѣмъ слѣдовали поздравленія въ княжескомъ дворцѣ и въ зданіи русской миссіи. Когда все это было конечно, ок. 11 ч. всѣ пошли въ „Зетскій домъ“, въ серединѣ котораго находится помѣщеніе, служащее для театральныхъ представленій, баловъ и вечеринокъ и вообще для народныхъ собраній, съ партеромъ и сценой и съ ложами вокругъ. Въ $11^1/_2$ ч. онъ былъ полонъ. Впереди на сценѣ устроено было возвышеніе въ родѣ трона, по обѣ стороны котораго размѣстились министры и комитетъ скупштины, а остальные члены ея стали въ партерѣ. Позже прибыли наслѣдникъ престола Даніилъ и князь Мирко и стали у трона съ правой стороны, еще позже прибыли княгиня Милена съ остальными членами княжескаго семейства женскаго пола и помѣстились въ своей ложѣ. Остальныя ложи были всѣ заняты дипломатическимъ корпусомъ и черногорскими чиновниками съ семействами. Масса народу была на галлереѣ и толпилась на задней половинѣ партера. Наружѣ передъ до-

момъ выстроилось войско съ оркестромъ музыки. Ровно въ 12 ч. вошелъ князь, встрѣченный бурными криками „живио“, и, спокойно взойдя на престолъ и окинувъ взглядомъ собраніе, сѣлъ и сталъ читать по листкамъ, которые ему подавалъ наслѣдникъ.

Рѣчь длилась около часа и производила сильное впечатлѣніе, а во многихъ мѣстахъ вызывала клики общаго восторга. Закончивъ рѣчь кликомъ: „Да здравствуетъ моя милая Черногорія!“ князь сошелъ и, ставъ передъ митрополитомъ съ крестомъ и евангеліемъ въ рукахъ, продолжалъ: „А чтобы этотъ нашъ нынѣшній актъ закрѣпить и сообщить ему всеобщее довѣріе, подтверждаю его слѣдующею присягою: передъ лицомъ Господа Бога, всѣхъ ангеловъ и святителей и передъ представительствомъ дорогого мнѣ народа клянусь, что буду управлять по конституціи и законамъ страны и во всѣхъ дѣйствіяхъ буду преслѣдовать благо и счастье моего народа. Въ чемъ клянусь по правдѣ, да поможетъ мнѣ Богъ, которому буду отвѣчать на страшномъ судѣ. Аминь“.

Трогательна была сцена, когда оба молодые князя кинулись цѣловать у отца руку, какъ-бы радуясь и благодаря его вмѣстѣ съ черногорскимъ народомъ. Министры, православный митрополитъ, католическій архіепископъ и магометанскій муфтій и другіе, находившіеся близъ князя, также выражали ему благодарность. Въ то-же время слышалась пальба изъ пушекъ; оркестръ исполнялъ гимнъ; войско и народъ кричали „живіо, господарь!“—и князь удалился среди этой горячей и искренней овaціи.

Вечеромъ городъ освѣтили иллюминаціей; на окружающихъ его горахъ также запылали костры; изъ дома городской общины депутаціи съ массою народа съ факелами въ рукахъ и съ пѣніемъ направились ко дворцу, гдѣ предсѣдатель общины держалъ рѣчь. Шумныя толпы народа бродили по улицамъ, выражая свою радость и впервые чувствуя себя совершенно свободными.

Во дворцѣ былъ soiré, на который были приглашены всѣ депутаты скупштины, дипломатическій корпусъ и всѣ чиновники. Молодые князья угощали и занимали гостей; старый князь группировалъ около себя людей, съ которыми у него было объ чемъ поговорить. Въ одномъ залѣ происходили танцы подъ музыку военнаго оркестра; въ другомъ публика группировалась около стола во всю длину зала, заставленнаго массою яствъ и напитковъ, и подъ звуки откупоривающихся бутылокъ и стукъ посуды всюду шли оживленные разговоры. Все было весело и одушевлено; были, однако, люди, которые къ событію дня не

относились сочувственно и не видѣли въ томъ залога лучшей будущности Черногоріи. Это люди стараго режима, хотя и не во всемъ съ нимъ согласные, но искренніе и не считавшіе нужнымъ маскироваться. А были и такіе, которые громко выражали свою радость и въ то-же время иронизировали.

Въ тотъ же день княземъ принята отставка всѣхъ прежнихъ министровъ, и вмѣстѣ съ указомъ объ ихъ оставкѣ наименованы новые министры,—все молодые люди и между ними только одинъ изъ прежнихъ, молодой министръ финансовъ, который наименованъ предсѣдателемъ совѣта министровъ и министромъ иностр. дѣлъ.

Представивъ внѣшнюю сторону объявленія конституціи, обратимся теперь къ сущности этого акта, который въ народной жизни страны совершаетъ совершенное перемѣщеніе центра, вокругъ котораго она до того вращалась. Эту суть мы найдемъ во всей цѣлости въ упомянутой тронной рѣчи.

Цитатами изъ этой рѣчи начали мы нашу статью. Рѣшившись разстаться съ автократіей, князь прежде всего выставляетъ на видъ, что онъ это дѣлаетъ по своей доброй волѣ, а отнюдь не потому, чтобы въ управляемой имъ странѣ чувствовалась ея тяжесть, какъ то отражается во всѣхъ другихъ государствахъ, гдѣ она обычно переходитъ въ абсолютизмъ и деспотію. Въ Черногоріи, напротивъ, она была для народа неощутительна, потому, что автократы сами были, хотя и „божіей милостью“, но люди, не выдѣлявшіе себя изъ народа, не ставившіе себя слишкомъ высоко надъ нимъ; наконецъ эта автократія подняла Черногорію на ту высоту, на которой она находится въ настоящее время. При этомъ князь перечисляетъ заслуги свои и своихъ предковъ. „Но—продолжаетъ онъ—руководясь убѣжденіемъ, что для Черногоріи прошло время самодержавія—которое было и прекрасно, и славно—и считаясь съ духомъ времени, я рѣшилъ дать этому правленію другой обликъ, при которомъ мой народъ будетъ сопричисленъ къ болѣе передовымъ народамъ и достигнетъ еще большаго преуспѣянія и большей славы. А то будетъ достигнуто моимъ призывомъ къ моему заслуженному, способному и проникнутому самосознаніемъ народу, чтобы онъ пришелъ ко мнѣ и своимъ мудрымъ совѣтомъ и содѣйствіемъ помогъ въ работѣ для своего развитія и для устроенія своей судьбы. Способъ содѣйствія опредѣляется самымъ главнымъ государственнымъ закономъ—конституціей, который я обѣщалъ моему дорогому народу въ прокламаціи на день св. Луки.

„Даю конституцію народу, чтобы онъ ею пользовался ра-

зумно и честно, чтобы онъ ею хвалился и гордился, какъ мирнымъ и Богомъ благословеннымъ пріобрѣтеніемъ, о которомъ въ моемъ государствѣ никто и не помышлялъ, и это самымъ краснорѣчивымъ образомъ доказываетъ, что самодержавіе не было тяжело никому, кромѣ меня, вслѣдствіе своей слишкомъ большой отвѣтственности. И тутъ каждый повѣритъ, что конституція эта не есть дѣло одной ночи или уступка современнымъ политическимъ обстоятельствамъ, какъ могли-бы помыслить непосвященные въ это; она исключительно дѣтище моего сердца, дѣтище моего личнаго убѣжденія, предметъ моего давнишняго желанія и наслѣдіе либеральныхъ понятій моихъ въ Богѣ почившихъ предковъ, потому что никому свобода не была дороже, чѣмъ имъ, и никто, какъ они, больше не разжигалъ ее въ сербскихъ сердцахъ. Отнынѣ наше отечество становится конституціонной монархіей, и мы счастливо вступаемъ въ новую политическую жизнь". Разставаясь со старымъ, князь отдаетъ должную благодарность предкамъ, народу и въ отдѣльности своимъ сотрудникамъ и своей супругѣ княгинѣ Миленѣ, которая въ тяжелыя минуты поддерживала его „своими совѣтами, набожностью и разсудительностью".

Увѣренный въ томъ, что конституція принесетъ пользу черногорскому народу, князь допускаетъ, однако, что гдѣ нибудь ее будутъ привѣтствовать и какъ орудіе, чтобы повредить и ослабить ее; но онъ вѣритъ въ здравый смыслъ и твердый характеръ черногорскаго народа и потому на этотъ счетъ можетъ быть спокоенъ, а затѣмъ продолжаетъ:

„Во всякомъ случаѣ, въ продолженіе тѣхъ немногихъ дней, остающихся мнѣ прожить, я неустанно буду слѣдить за умными силами моей страны, чтобы въ ней точно вершились законы и разумно пользовались свободами, которыя обезпечены новою конституціонною жизнію. Если-же носители ея собьются съ пути, и то будетъ клониться къ ущербу трудомъ и страданіями добытыхъ пріобрѣтеній, пусть каждый впередъ знаетъ, что я съ лучшимъ и здравымъ элементомъ страны всегда буду стоять на стражѣ истиннаго конституціализма, готовый всѣми средствами защитить святыя народныя пріобрѣтенія".

„Этой первой, только для этого случая созванной скупштинѣ, мое правительство не будетъ подносить никакихъ проектовъ законовъ, не поднесетъ также и бюджета. Ей будутъ только прочитаны и растолкованы октроированная мною конституція и законъ о печати; всѣ же другіе законы, находящіеся въ связи съ конституціей, будутъ выработаны нашимъ правительствомъ

для слѣдующей скупштины; а до тѣхъ поръ будутъ дѣйствовать законы временные. Прежде всего идетъ регламентъ скупштины, потомъ избирательный законъ и наконецъ законъ о министерской отвѣтственности".

„Нашелъ я потребнымъ дать государству и законъ о свободѣ печати [1]), этотъ законъ подписанъ мною 1 дек. этого года, а вступаетъ въ силу онъ только 1 февр. 1907 г., равно какъ и уголовный законъ".

„Печать есть продолженный отголосокъ рѣчи, а рѣчь имѣетъ значенье только тогда, когда она свободна и правдива. Печать—орудіе мысли. Мысли распространяются печатью; какъ самыя мысли, она должна быть свободна и независима и, какъ таковая, должна помогать власти въ ея управленіи и дѣятельности и должна возстать тотчасъ-же, какъ только увидитъ, что страдаютъ народные интересы. Но не въ этомъ только ея назначеніе; она заключается въ изданіи и публикованіи произведеній ума. Личная вражда, прописки, простое задѣваніе и вообще ничтожные предметы не просвѣщаютъ народъ и не облагораживаютъ публичность. Въ нашей странѣ печать должна быть факторомъ прогресса и здраваго просвѣщенія. Ея призваніе быть публичнымъ учрежденіемъ, какъ источникъ порядка, мира и человѣчности; а также она должна объединять народъ посредствомъ мощной связи идей. Я намѣренъ твердо защищать все возвышенное и свѣтлое, и тогда ея дѣятельность будетъ имѣть благотворное вліяніе и будетъ въ состояніи уноситься впередъ и безъ опасности давать свободу своему полету, такъ какъ ея задача—наблюдать за безопастносью каждаго, предупреждать зло и несчастья. Я много полагаю на свободу печати и радуюсь ей, какъ мудрому моему помощнику въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Дай Богъ, чтобы черногорскія перья, вѣнчая отечество доброю славой, удержали его на той высотѣ, на какую подняли его джевердари (старинныя ружья)".

Далѣе идетъ изложеніе въ яркихъ и свѣтлыхъ краскахъ всего, что сдѣлано правительствомъ для блага и процвѣтанія Черногоріи. Въ томъ числѣ упомянается табачная монополія и новый тарифъ, съ которыми мы уже знакомы; упоминается многое, не приносящее никакой пользы Черногоріи и служащее чуждымъ интересамъ, какъ марконіевъ безпроволочный телеграфъ, служащій только для сообщенія съ Италіей итальянцамъ же,

[1]) Въ оригиналѣ: свободный законъ о печати.

итальянское пароходство по Скадрскому озеру, или-же выставляется забота о подъемѣ экономическаго положенія страны, о народномъ здоровьи и просвѣщеньи, на дѣлѣ находившихся въ крайнемъ пренебреженіи и застоѣ. Все равно, какъ о свободной печати: говорилось такъ много, а дошло до того, что перестало существовать и то немногое, что существовало 10 — 15 лѣтъ назадъ, и остались только оффиціальный „Глас Црногорца“ и размножившееся до крайности печатаніе правительственныхъ законовъ, указовъ и распоряженій, протоколовъ, бланокъ и т. п. канцелярскаго хлама. Упоминаются ссудо-сберегательныя кассы и предположеніе открыть банкъ, что собственно принадлежитъ частной иниціативѣ, и чему то-же правительство ставило препятствія.

Очень легко отзывается рѣчь о задолженности въ послѣдніе годы вслѣдствіе неурожаевъ и казенныхъ построекъ, тогда какъ въ случаѣ неурожаевъ всегда приходила помощь извнѣ, и та никогда не оказывалась народу даромъ, а давалась въ долгъ на срокъ съ возвратомъ, а единственная постройка дорогъ производилась также даровою народною силой. При этомъ умалчивается о многихъ другихъ непроизводительныхъ тратахъ на различныя субсидіи, на заграничныя поѣздки высшихъ чиновниковъ, на участіе въ различныхъ заграничныхъ торжествахъ и съѣздахъ, въ рѣшеніи такихъ вопросовъ, какъ вопросъ объ учрежденіяхъ св. Іеронима въ Римѣ. А чего стоитъ самый правительственный аппаратъ, который достаточно великъ и для государства гораздо большихъ размѣровъ и съ болѣе осложненною жизнью!

И, не смотря на это, предстоитъ еще увеличеніе расходовъ на его расширеніе и усовершенствованіе. „Разныя реформы — говорится въ рѣчи—по всѣмъ отраслямъ государственной администраціи были причиною увеличенія расходовъ, такъ какъ писанные законы для примѣненія ихъ требуютъ людей науки; а этихъ людей за ихъ трудъ нужно и прилично вознаграждать, если мы хотимъ, чтобы они вполнѣ отвѣчали своему призванію. Конституція, которая потребуетъ столько новыхъ законовъ, повлечетъ за собою также и извѣстные расходы. Объ этомъ будетъ разсуждаться въ слѣдующей скупштинѣ“.

Не будемъ останавливаться на отношеніяхъ Черногоріи къ другимъ государствамъ, которыя также довольно обширно излагаются въ концѣ рѣчи,— такъ какъ въ нихъ нѣтъ ничего новаго и особеннаго, и удовольствуемся приведенными мѣстами изъ нея, изъ которыхъ намъ станетъ понятнымъ, какъ побужденія, подъ вліяніемъ которыхъ князь рѣшилъ дать своему народу

конституцію, такъ и характеръ самой конституціи, какой намѣренъ придать ей ея авторъ.

Что у князя всегда была мысль дать своему государству форму, усвоенную передовыми просвѣщенными государствами Европы, это мы видѣли въ первыхъ его попыткахъ преобразованій въ періодъ его юности, которыя, по независящимъ отъ его личной воли обстоятельствамъ, ограничились только измѣненіемъ способа управленія государственными финансами, который по его словамъ, „не практикуется нигдѣ у народовъ, опередившихъ Черногорію въ просвѣщеніи“. Во всей его дѣятельности по внутреннему устройству Черногоріи красною нитью проходитъ желаніе дать ей, по крайней мѣрѣ, видъ современнаго европейскаго государства. Правда, при этомъ переносилось на черногорскую почву много такого, что и въ Европѣ отжило свой вѣкъ и держалось только на исторической традиціи, а для Черногоріи было не только не нужно, но имѣло послѣдствія худшія, чѣмъ въ другихъ государствахъ, откуда оно заимствовано. Военно-патріархальный характеръ черногорскаго народа сообщилъ этимъ европейскимъ формамъ болѣе суровый характеръ и своему правительству предоставлялъ абсолютную власть, какой не было нигдѣ въ Европѣ. Абсолютизмъ этотъ создавался самимъ народомъ, который его не понималъ и не сознавалъ, считаясь только съ его проявленіями и послѣдствіями, и тѣ, однако, приписывалъ частнымъ личнымъ злоупотребленіямъ со стороны власть имѣющихъ. О политической-же свободѣ, дающей народу не только право личнаго самоопредѣленія, но и право на участіе въ правительственныхъ дѣлахъ, у черногорца не было и понятія, а потому не было и стремленія къ ней. Черногорецъ считалъ себя вполнѣ свободнымъ, видя рядомъ своего брата австрійскаго подданнаго, который, пользуясь свободой политической, жалуется на притѣсненіе его народности и вѣры, пользующихся полною свободой въ его отечествѣ, при томъ наравнѣ со всѣми другими вѣроисповѣданіями, отправляющимися въ Черногоріи.

Лично для князя имѣла значеніе тѣсная связь съ Россіей, доходившая до нѣкоторой зависимости отъ нея. Вводя у себя конституціонную форму, въ то время какъ въ Россіи царитъ абсолютизмъ, князь рисковалъ прійти въ разладъ съ абсолютнымъ монархомъ, чего не желалъ ни онъ самъ, ни его народъ.

Ужасная смерть Александра II, такъ много сдѣлавшаго для юго-славянства, само собою разумѣется, произвела на князя самое удручающее впечатлѣніе. И, думая о томъ, что могло въ то время произойти въ Россіи, князь въ интимной бесѣдѣ выражался, что

дѣйствительно, послѣ благополучно совершившагося освобожденія крестьянъ, Россія не могла остаться при старыхъ формахъ, а между тѣмъ возобладала такая реакція, что почуялось какъ будто возвращеніе къ прежнему, что, по мнѣнію его, погубило императора. Подъ вліяніемъ этихъ первыхъ впечатлѣній князь намѣревался, что-то произвести и у себя. „Мы созовемъ—говорилъ онъ—скупштину, но скупштину настоящую черногорскую, юнацкую.“ Намъ не выяснилось тогда, что разумѣлъ князь подъ именемъ юнацкой скупштины, а потомъ объ этомъ не было и помина.

Теперь же, когда и въ Россіи началось и достигло уже значительнаго успѣха освободительное движеніе, князь свободно можетъ вводить у себя самыя либеральныя учрежденія, соображаясь только съ духомъ и потребностями своего народа, въ полной увѣренности, что это въ Россіи найдетъ самое горячее сочувствіе и еще больше закрѣпитъ историческую связь ея съ Черногоріей.

Возвратимся теперь къ скупштинѣ, которую мы оставили въ моментъ ея конституированія и потомъ, когда всѣ ея члены въ торжественномъ собраніи изъ устъ своего господаря услышали, что самодержавіе въ Черногоріи само ограничиваетъ себя конституціей.

Въ тронной рѣчи опредѣленно говорится, что скупштина эта создана только для объявленія ей конституціи, которая и вручается ей вмѣстѣ съ закономъ о печати, которые будутъ ей прочитаны и растолкованы, а затѣмъ она распускается. Такъ оно и было. Нѣсколько собраній было посвящено чтенію и толкованію конституціи, тѣмъ болѣе необходимому, что большинство членовъ не имѣло о томъ никакого понятія. Послѣ всего былъ устроенъ обѣдъ, на которомъ присутствовалъ и князь и съ которымъ, какъ въ семейномъ кругу, говорили объ общемъ дѣлѣ, произносились здравицы и выражались различныя благія пожеланія князю, народу и отечеству.

Какъ ни ограниченъ былъ кругъ дѣятельности этой первой черногорской скупштины, она имѣла нѣсколько собраній, на которыхъ до нѣкоторой степени и выразился ея характеръ.

Но мы ничего еще не сказали о результатахъ выборовъ, по которымъ можно судить, какъ о личномъ составѣ скупштины, такъ и о самомъ избирательномъ законѣ.

Больше всего выбрано военныхъ, именно 22 офицера, затѣмъ 12 капитановъ (административныхъ), въ числѣ 11 гражданскихъ чиновъ: 6 судебнаго вѣдомства, 1 предсѣдатель городской общины, 1 врачъ, 1 инженеръ, 1 учитель и 1 бывшій начальникъ полиціи; 4 православ. свящ. и 1 католич., и наконецъ 11 изъ торговцевъ и другихъ черногорцевъ незанимающихъ никакихъ должностей въ государственной службѣ, въ томъ числѣ 3 магометанина и 1 католикъ. Въ общемъ, кромѣ одного десятка, всѣ чиновники, къ числу которыхъ въ Черногоріи нужно причислить учителей и священниковъ.

Неизвѣстно, съ какимъ характеромъ оказался-бы этотъ составъ на дѣлѣ; но въ нѣсколькихъ собраніяхъ было высказано много такого, что правительству не было пріятно, и пока не выяснилась настоящая роль скупштины, она приготовляла отвѣтъ на тронную рѣчь, въ которомъ также была критика дѣятельности правительства.

Когда читался и комментировался текстъ конституціи, то дѣлались замѣчанія на нѣкоторыя статьи, напр. на статью, по которой князю дается право отложить или роспустить скупштину, а затѣмъ созвать новую; возникаетъ вопросъ, можетъ-ли онъ роспустить и эту, и сколько разъ это можетъ повториться. Точно также говорится о бюджетѣ, что онъ долженъ быть одобренъ скупштиной, а если скупштина не согласится и будетъ распущена, то онъ остается въ силѣ и безъ одобренья.

Замѣчанія подобнаго рода вытекали вовсе не изъ противоправительственнаго настроенія, а чисто изъ желанія, чтобы въ томъ актѣ, на основаніи котораго должна была создаваться новая жизнь Черногоріи, не было какихъ-либо неопредѣленностей и противорѣчій. Тѣмъ не менѣе замѣченный въ членахъ скупштины духъ критицизма въ глазахъ правительства представлялъ ее оппозиціонною, съ чѣмъ оно и рѣшилось считаться, когда будутъ другіе выборы.

Р-цъ.

Продолженіе слѣдуетъ.

Полабскіе славяне.

Очерки Э. Ю. Муки.

Часть II.

Празднества и праздничные обычаи [1]).

Въ древнѣйшее время полабскіе славяне постоянно отмѣчали свои церковные и свѣтскіе праздники веселой попойкой; при этомъ заслуживаетъ упоминанія то обстоятельство, что во времена Гильденбранда и Геннига между 1670 г. и 1710 г. они, хотя и были уже болѣе 100 лѣтъ сплошь протестантами, все же ставили праздники Св. Дѣвы и разныхъ святыхъ такъ же высоко, какъ остальные большіе церковные праздники, и даже считали Успеніе Богородицы наиглавнѣйшимъ праздникомъ. Всякій приходъ, всякая деревня имѣли заступникомъ какого-нибудь апостола или святого и праздновали его день торжественно посѣщеніемъ церкви и попойкой; эти такъ называемые „Kapel-feste (праздники часовни?) можно сравнить съ „Kirmes-feste“ (кирмашами, ярмарками послѣ церковной службы) у лужицкихъ сербовъ. Вообще у вендовъ при церковныхъ праздникахъ соблюдается и соблюдалось много обычаевъ, которые встрѣчаются и у лужицкихъ сербовъ: напр., на рождествѣ или наканунѣ новаго года фруктовыя деревья обвязываются веревками, плетеными изъ соломы; на широкой масляницѣ молодые парни ходятъ по всей деревнѣ и собираютъ колбасы и др. съѣстные припасы (отсюда и терминъ Wurstbruderschaft, kolbasnica); „охота за вѣнкомъ“ (Kranzjagen) молодыхъ парней на троицу, т.-е. скачки (ср. Stallenreiten въ Нижнихъ Лужицахъ и верховую ѣзду на Троицу въ Моравіи); въ Иванову ночь зажигаются огни, а въ Ивановъ день охотятся за пѣтухами и бьютъ ихъ; празднуется тотъ день, въ который когда либо

[1]) См. „Слав. Изв.“ 1907 г. № 3.

поразилъ деревню градъ, какъ это дѣлается хотя бы въ Шлейфанскомъ приходѣ Верхнихъ Лужицъ. Праздникъ Успенія Богородицы (15 го августа) получилъ свое великое значеніе благодаря почитанію „дерева-креста“ (Kreuzbaum), а Ивановъ день благодаря ежегодному воздвиженію „дерева съ вѣнцомъ“ (Kronenbaum). „Деревомъ-крестомъ“ являлся дубъ не ниже 6 метровъ; его приносили изъ лѣсу домохозяева и воздвигали съ соблюденіемъ многихъ церемоній на деревенской площади; тамъ онъ стоялъ въ теченіе многихъ лѣтъ, и только когда онъ самъ по себѣ начиналъ гнить, обрушивался и случайно опрокидывался, воздвигали новый (ср. Jugler, Wörterbuch Einleitung, стр. 4 и слѣд. Tetzner Globus, 1902 г., стр. 272). „Деревомъ съ вѣнцомъ“ являлась высокая стройная береза; ее ежегодно приносили изъ лѣсу съ ликованіемъ, въ Ивановъ день, женщины и дѣвушки; до самой верхушки ее очищали отъ сучьевъ и воздвигали на деревенской площади; ея верхушка предварительно украшалась пестрыми лентами, платками и вѣнками, затѣмъ вокругъ нея танцовали; это и есть „майское дерево“ (meja) лужичанъ и прочихъ славянъ (см. Tetzner, Globus, 1902 г. стр. 171; Hennings, Hann. Wendland, стр. 74 и слѣд. Jugler Wörterbuch Einleitung стр. 6 и слѣд.). Воздвиганіе деревъ-крестовъ и деревъ съ вѣнцами прекратилось съ вымираніемъ полабскаго языка и съ уничтоженіемъ „деревенскихъ клубовъ“ (Bauernstuben) около 1750 г.; но празднества въ эти два дня, въ особенности попойка (Bauernbier) сохранились до XIX в. и отчасти въ немъ еще; ихъ праздновали по очереди у всѣхъ домохозяевъ, съ музыкой, пѣніемъ и танцами, и большею частью 3 дня подъ рядъ, при чемъ въ сравнительно большихъ деревняхъ выпивали—по преданію—до 20 бочекъ темнаго пива (по 104 литра въ каждой). Послѣ продолжительной борьбы властей съ крестьянами эти крестьянскія попойки въ настоящее время почти совсѣмъ прекратились. Подобной же пирушкой являлось такъ называемое „Pageleitzenbier“, которое у Гильдебранда (см. Archiv für Slav. Phil стр. 117) названо „крестьянскимъ правомъ“: всегда тотъ членъ молодой супружеской четы, который вновь прибывалъ въ деревню, долженъ былъ купить право вступленія въ деревенское общество—въ древнѣйшее время 8—9 (см. Гильдебранда), а въ новѣйшее 3—4 (см. Геннига) бочками пива, которыя выпивались сообща всегда въ первое воскресенье послѣ свадьбы и при этомъ ѣли печенье (булку) въ формѣ подковы „Pageleitzensemmel“ (на полабскомъ яз. pa°k'üláica или wa°küláicá (старослав. поколица или околица). Подобнымъ же образомъ праздновалось и рожденіе перваго мальчика, наслѣд-

ника, пожертвованіемъ со стороны родителей общинѣ вышеназваннаго числа бочекъ темнаго пива. Даже прислуга имѣла свой пивной праздникъ—„воронье пиво“: за уничтоженіе воронъ, столь вредныхъ для посѣва, она въ сравнительно еще недавнее время получала отъ домохозяевъ черезъ недѣлю послѣ пасхи нѣсколько бочекъ пива, которыя затѣмъ выпивала съ пѣніемъ и веселыми танцами.

Свадьба.

Самымъ большимъ семейнымъ праздникомъ полабовъ являлась и нынѣ еще является свадьба, которая во многомъ похожа на вендскія свадьбы въ Лужицахъ. Ее празднуютъ, какъ и у католическихъ вендовъ Верхнихъ Лужицъ, не только всѣ родственники до самыхъ отдаленныхъ ступеней включительно, но вмѣстѣ съ ними и вся деревня, и всякаго незнакомца принимаютъ весьма ласково и угощаютъ, если только онъ приноситъ съ собою ножъ и вилку. Во время Гильдебранда и Геннига ее праздновали цѣлые 8 дней отъ воскресенья до воскресенья; теперь свадьба длится обыкновенно 3—4 дня.

Посредниками являются здѣсь не какъ въ Лужицахъ сваты („Hochzeitsbitter“), а по большей части женщины, называемыя „de Friwerbersche“—Freiwerberinnen, т.-е. свахи. До обрученія родители обѣихъ сторонъ ведутъ переговоры и осматриваютъ оба двора; обыкновенно только послѣ того встрѣчаются лица, которымъ предстоитъ обручиться и при томъ на ярмаркѣ, обыкновенно весною на пасхальной ярмаркѣ въ Люховѣ или на крестьянской ярмаркѣ въ Требелѣ, рѣже на пожинкахъ въ Вустровѣ и на праздникѣ стрѣлковъ въ Люховѣ. До 1850 г. въ этомъ отношеніи пользовалась величайшимъ почетомъ крестьянская ярмарка въ Затеминѣ, которая сопровождалась танцами и всякаго рода увеселеніями въ каждомъ крестьянскомъ домѣ и продолжалась тамъ же 3 цѣлыхъ дня. Эти ярмарки называются поэтому „Kikelmärkte“ (ярмарками—смотринами). Затѣмъ слѣдуетъ обрученіе (по-нижненѣмецки „Löfft“) съ большимъ угощеніемъ и поднесеніемъ подарковъ всѣмъ членамъ дома, какъ и въ Лужицахъ; а нѣкоторое время спустя общая поѣздка въ городъ (по большей части въ Люховъ), во время которой женихъ и невѣста покупаютъ себѣ обручальныя кольца и взаимно себя одаряютъ. Въ началѣ ноября, въ особенности въ день св. Мартина, обыкновенно происходитъ свадьба („Köst“), но до этого заключается брачный договоръ у нота-

ріуса или въ волостномъ судѣ. На свадьбу приглашаетъ, какъ и въ Лужицахъ, der Hochzeitsbitter—„приглашатель на свадьбу“, одѣтый по праздничному, обыкновенно оригинальными сладкими стихами поднося при этомъ бѣлый хлѣбъ („Kubbel“). Заключаются почти исключительно равные браки; сынъ изъ крестьянскаго дома предпочитается у богатой наслѣдницы, даже когда онъ ничѣмъ не владѣетъ, и нерѣдко при обычной системѣ двухъ дѣтей изъ 2 семей оба сына женятся на сестрахъ другъ друга для того, чтобы все имущество осталось въ рукахъ родственниковъ.

Въ день свадьбы происходитъ настоящее переселеніе народовъ по направленію къ деревнѣ, гдѣ происходитъ свадьба; при чемъ тамъ нерѣдко собираются отъ 500—700 гостей. Къ вѣнчанію ѣдутъ или идутъ съ музыкой при торжественныхъ выстрѣлахъ и съ форейторами, какъ въ Лужицахъ. Деревенскіе музыканты, числомъ отъ 7—10, играютъ, привязавъ подаренные имъ красные или желтые носовые платки къ своимъ инструментамъ, до самыхъ дверей церкви, а послѣ вѣнчанія они играютъ оттуда до дома, гдѣ справляется свадьба Въ Вустровѣ до 1880 года играли только на духовыхъ инструментахъ до того момента, пока молодая не успѣетъ кругомъ протанцовать танецъ невѣсты и окончить его, затѣмъ лишь доставали 4 струнныя скрипки. Во время Хр. Геннига скрипка только начала входить въ употребленіе у полабовъ, но барабанъ (Bumbän, т.-е. buban, бубенъ), докладываетъ Геннигъ, при всѣхъ ихъ увеселеніяхъ и встрѣчахъ усиленно слышиться. Гости, приглашенные на свадьбу, даютъ въ качествѣ подарковъ на покрытіе расходовъ по свадьбѣ, подобно тому, какъ и въ Лужицахъ, муку, масло, сыръ, деньги и т.-д. Разумѣется, на свадьбахъ много ѣдятъ и пьютъ, поютъ и танцуютъ, шутятъ и шумятъ. При прощаніи гости получаютъ пирожное и пряные орѣхи, которые уносятъ домой въ принесенныхъ съ этой цѣлью корзинахъ или въ платкахъ.

Рожденіе и смерть.

Торжества при крестинахъ и церемоніи при похоронахъ, равно какъ и суевѣрные обычаи при рожденіи, болѣзни и смерти во многомъ соприкасаются съ подобными же обычаями въ сербскихъ Лужицахъ. Такъ напр. послѣ рожденія ставятъ фонарь передъ ребенкомъ и кладутъ рядомъ ножницы, чтобы „подземные“ кар-

лики его не взяли. Дѣятельность кумовей во время совершенія обряда крещенія и праздниковъ по поводу его очень легко переходитъ на крещаемаго, поэтому здѣсь, какъ и въ Лужицахъ, кумовья должны соблюдать много суевѣрныхъ обычаевъ.—Во время Гильдебранда, пока въ деревнѣ былъ трупъ покойника, жители ея не работали, но праздновали какъ это дѣлается отчасти еще нынѣ въ Лужицахъ; священникъ при выносѣ покойника не смѣетъ оглянуться, иначе вскорѣ еще кто-нибудь умретъ въ домѣ. Очень многочисленны предчувствія смерти, т. называемыя „Vorlauts“. Болѣзни приходятъ, какъ полабы и нынче по большей части думаютъ, обыкновенно извнѣ или же происходятъ отъ нечистой силы; а когда заболѣваетъ скотъ, то онъ во всякомъ случаѣ заколдованъ. Вѣра въ колдовство въ отношеніи скота такъ глубоко и нынче еще коренится въ духѣ полабовъ, что 13-го августа 1883 г. одинъ домохозяинъ въ Зеллинѣ въ газетной публикаціи обѣщалъ 50 марокъ награды тому, кто укажетъ лицо, заколдовавшее его стадо овецъ. Подобнымъ же образомъ въ 1903 г. въ Верхнихъ Лужицахъ одинъ домохозяинъ серьезно обвинялся сосѣдомъ въ томъ, что онъ заколдовалъ его скотъ, такъ что дѣло дошло до судебнаго разбирательства. Противъ колдовства, „причиненія (зла)“ и „дурного глаза“ помогаютъ лишь заговоры со стороны умныхъ женщинъ и мужчинъ. Нынѣ заговоры какъ противъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ болѣзней очень въ ходу и пользуются любовью. Формулы заговоровъ очень многочисленны и въ Лужицахъ и весьма разнообразны. Благопріятнымъ временемъ для заговоровъ считается здѣсь послѣдняя четверть луны, полнолуніе, время до восхода солнца и послѣ захода солнца; они должны имѣть мѣсто только подъ открытымъ небомъ, и всѣ участвующіе должны быть съ непокрытой головой.

Прочіе нравы и суевѣрные обычаи.

Кромѣ вышеуказанныхъ есть еще много суевѣрныхъ обычаевъ, соблюдаемыхъ и въ домѣ и на дворѣ, въ полѣ и на лугу, при томъ нерѣдко соприкасающихся съ обычаями Лужицъ. На Срѣтеніе (2-го февраля) ни въ вендской землѣ, ни въ Лужицахъ скота еще не выгоняютъ. Въ началѣ каждой четверти года, какъ и въ нѣкоторые другіе дни еще въ началѣ XIX в. окропляли пивомъ и водкой домъ и дворъ, хлѣвъ и скотъ, садъ и поле. По четвергамъ въ вендской землѣ нельзя было прясть, а въ нѣкоторыхъ деревняхъ и по субботамъ. Вѣра въ упырей, вам-

пировъ и нынѣ еще очень распространена; они здѣсь называются „Dubbelsässer“ (т.-е. Doppelsauser, двойной сосунъ), и при похоронахъ исполняются особыя церемоніи (см. Теднеръ, Slawen. стр. 376 и слѣд.). Очень распространена и нынѣ здѣсь, какъ и въ Лужицахъ, вѣра въ маленькихъ земныхъ карликовъ, называемыхъ „Unererdsche (т.-е. Unterirdische подземные). Они появлялись при рожденіи ребенка и въ др. случаяхъ то какъ вредящіе (по обычному представленію), то какъ помогающіе духи. На перекресткѣ между Бюлитцемъ (Бѣлица) и Цетце (Сѣче), какъ мнѣ самому разсказали, для нихъ въ видѣ жертвоприношенія зарывался ежегодно въ опредѣленный день боченокъ пива. Тамъ, какъ и кое гдѣ въ Лужицахъ, вѣрятъ, что они особенно охотно жили семьями на кладбищахъ.

Продолженіе слѣдуетъ.

Культурная работа у славянъ.

Очерки.

VI.

Чехи въ Вѣнѣ.

Помимо сплошного чешскаго населенія въ земляхъ короны св. Вячеслава, а также въ Моравіи и въ значительной части Силезіи, представителей чешской національности можно встрѣтить по различнымъ странамъ славянскаго, романскаго и германскаго міровъ; такъ, чешскихъ дѣятелей въ области музыкальнаго искусства, въ сферѣ педагогіи, торговли, повивареннаго производства и т. д. можно встрѣтить, какъ извѣстно, на всемъ пространствѣ отъ Петербурга до Иркутска и Владивостока, отъ Ледовитаго океана до Адріатики, Чернаго и Каспійскаго моря.

Но если въ самыхъ различныхъ пунктахъ романо-германо-славянскаго міра представители чешской національности встрѣчаются или какъ единичныя личности, пріобрѣтающія порой славную, порой печальную извѣстность, или какъ болѣе или менѣе многолюдныя колоніи, то имѣются и весьма крупные оазисы чешской народности въ средѣ преобладающаго не-чешскаго населенія. На первое мѣсто среди такихъ крупныхъ оазисовъ чешской народности должно быть поставлено чешское населеніе австро-венгерской столицы—Вѣны.

Ознакомленіе съ положеніемъ и культурной работой—борьбой вѣнскихъ чеховъ даетъ какъ картину „австрійской свободы“, такъ и образецъ жизнедѣятельности и непоколебимой энергіи одного изъ славянскихъ народовъ.

По даннымъ оффиціальной статистики число вѣнскихъ чеховъ исчисляется въ размѣрѣ около 105.000 человѣкъ, тогда какъ, по указаніямъ спеціалистовъ (д-ръ Meiningen, prof. Čipera), эта цифра должна быть утроена, если не держаться того неправильнаго метода статистики, котораго держались ея представи-

тели, записывая всѣхъ владѣющихъ нѣмецкимъ языкомъ — нѣмцами.

Обиліе чешскихъ фамилій на вывѣскахъ вѣнскихъ магазиновъ, чешская рѣчь на улицахъ, многочисленность чешскаго элемента среди студенчества и рабочаго люда, разнообразіе чешскихъ кружковъ и организація обществъ, имѣющихъ задачей поддерживать чешскую національность, невольно обращаютъ на себя вниманіе наблюдателей.

Не мало, конечно, найдется среди вѣнскихъ чеховъ отступниковъ своей національности, не только измѣнившихъ своему народу, его языку, историческимъ традиціямъ, но въ рядахъ его враговъ, наносящихъ удары чешскому національному дѣлу: эти ренегаты, конечно, въ большинствѣ случаевъ пользуются житейскими благами, занимаютъ высокія чиновническія мѣста, пополняютъ собою кадры явной и особенно тайной полиціи и, однимъ словомъ, являются для своего народа въ той роли, въ какой являлись нѣкогда „янычары“ для юго-славянъ.

Долгіе вѣка зависимости отъ іезуитско-нѣмецкаго господства Рима и Вѣны, несомнѣнно, не могли пройти безслѣдно для чешскаго народа въ его массѣ: худшіе его элементы проникались сами принципами своихъ учителей изъ „черной братіи“ и изъ чиновниковъ, служащихъ „по-австрійски, по-австрійски“, какъ сказалъ нашъ гр. А. Толстой въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи; эти худшіе элементы не только сплошь и рядомъ являлись послушнымъ антиславянскимъ орудіемъ въ рукахъ австрійскаго правительства, но не рѣдко отправлялись въ поискахъ жизненныхъ удобствъ, почестей, денегъ въ чужія страны, и составляли печальную извѣстность и себѣ, и своему народу среди всѣхъ живыхъ и прогрессивныхъ элементовъ тѣхъ странъ, которыя имѣли несчастіе познакомиться съ ихъ іезуитско-латинскимъ низкопоклонничествомъ передъ высшими и капральски-высокомѣрнымъ отношеніемъ къ низшимъ.

Если однако подобные отбросы чешскаго народа унижали и унижаютъ имя того народа, съ которымъ они въ сущности утратили всякую связь, если они подвизаются въ Вѣнѣ, въ разныхъ другихъ крупныхъ центрахъ Австріи, Венгріи, Босніи, Россіи и др. земель, то чешскій народъ давно уже выставилъ и выставляетъ и у себя дома въ Чехо-Моравіи, и въ Вѣнѣ, въ Австро-Венгріи вообще, и за-границей, въ томъ числѣ и у насъ въ Россіи, массу высокихъ и самоотверженныхъ дѣятелей, убѣжденныхъ славянъ и патріотовъ. Такихъ достойныхъ сыновъ чешскаго народа, высоко несущихъ славянское знамя, находимъ

мы много въ Австрійской столицѣ, гдѣ, какъ было сказано, чешскій оазисъ особенно великъ. Безъ этихъ благородныхъ дѣятелей, „стражей чешской народности“, положеніе вѣнскихъ чеховъ въ австрійской столицѣ было бы далеко не завидно съ національной, а отчасти и матеріальной точекъ зрѣнія. Особенно видную роль въ германизаторскомъ смыслѣ и особенно большую опасность для сохраненія чешской національности играетъ въ Вѣнѣ школа. На все многотысячное чешское населеніе въ Вѣнѣ не имѣется не одной правительственной чешской школы, хотя, какъ извѣстно, обученіе въ Австро-Венгріи общеобязательное, и слѣдовательно чешскіе родители въ Вѣнѣ не по личному желанію, а по обязанности должны посылать своихъ дѣтей въ нѣмецкія школы, гдѣ, конечно, не можетъ быть и рѣчи о развитіи у дѣтей знакомства съ своимъ роднымъ чешскимъ народомъ и съ остальнымъ славянскимъ міромъ. Чехи еще недавно хлопотали объ открытіи 20 чешскихъ школъ въ Вѣнѣ, при чемъ они исходили изъ закона, по которому „школы должны устраиваться такъ, чтобы для представителей каждаго многочисленнаго народа являлась возможность обучаться на своемъ родномъ языкѣ безъ принужденія къ обученію языку другого народа“. Если принять во вниманіе тѣ огромные налоги, которые приходится уплачивать австро-венгерскимъ гражданамъ на государственныя нужды, въ томъ числѣ и на народное образованіе, то станетъ еще болѣе ясной справедливость указаннаго требованія вѣнскихъ чеховъ. Просьба ихъ однако удовлетворена не была; отказъ былъ обоснованъ тѣмъ, что чешское населеніе Вѣны не можетъ считаться „осѣдлымъ“ (kmen v zemi usedly). Вслѣдствіе этого правительственнаго отказа „не менѣе, чѣмъ 10,998 чешскихъ дѣтей въ Вѣнѣ читаемъ мы въ статьѣ „Ceske spolky ve Vidni“, осуждено на дальнѣйшее посѣщеніе школъ, преподавательскаго языка которыхъ они не понимаютъ“. Для широкихъ народныхъ массъ, помимо школы, несомнѣнно, весьма важна въ національномъ отношеніи и церковь съ богослуженіемъ на родномъ языкѣ или по крайней мѣрѣ съ проповѣдью на немъ; если въ силу особенностей католическаго культа, котораго придерживается громадное большинство чеховъ, лишь латинскій языкъ соотвѣтствуетъ святости католическаго богослуженія, если так. об. чехи Вѣны, какъ и чехи Чехо-Моравіи, лишены возможности слышать богослуженіе на родномъ или вообще на удобопонятномъ языкѣ, то католическая церковь не возбраняетъ проповѣди на языкѣ той или иной націи; при той видной роли, которую играетъ проповѣдь въ католическомъ обрядѣ, проповѣдь на чешскомъ языкѣ могла

бы имѣть весьма важное національно-воспитательное значеніе для широкихъ массъ чешскаго населенія Вѣны". А между тѣмъ вотъ что говорятъ сами вѣнскіе чехи: „у поляковъ, хотя ихъ по послѣднимъ статистическимъ даннымъ числится въ Вѣнѣ только 3,798 человѣкъ, есть свой костелъ; 238 итальянцамъ, проживающимъ въ Вѣнѣ, отведенъ въ распоряженіе миноритскій костелъ: только у чешскаго католическаго населенія Вѣны нѣтъ своего костела, и тѣ духовные, которые по происхожденію—чехи, не смѣютъ этого открыто заявлять".

Если ни низшая, ни средняя школа, ни церковь не содѣйствуютъ въ Вѣнѣ воспитанію и образованію въ національномъ духѣ многотысячнаго чешскаго населенія, то тѣмъ болѣе, конечно, не найдемъ мы каѳедръ съ чешскимъ языкомъ преподаванія въ высшей школѣ, не встрѣтимъ пьесъ на чешскомъ языкѣ въ репертуарѣ правительственныхъ театровъ, не встрѣтимъ чешскаго языка въ парламентскихъ засѣданіяхъ, хотя процентное отношеніе чеховъ къ нѣмцамъ въ Австріи не меньше, чѣмъ хорватовъ къ мадьярамъ въ Венгріи, гдѣ хорваты имѣютъ право своего языка въ парламентѣ.

Лучшіе представители и представительницы чешскаго общества Вѣны работаютъ однако, не покладая рукъ, надъ своимъ національнымъ дѣломъ. Организовавши „общество Коменскаго для основанія и поддержки чешскихъ школъ въ нижней Австріи", они создали прекрасную по организаціи, помѣщающуюся въ большомъ красивомъ зданіи частную семиклассную школу для мальчиковъ и дѣвочекъ, названную школой Ам. Коменскаго. Эта школа посѣщается свыше 800 чешскими дѣтьми, располагаетъ хорошей библіотекой, кабинетами, естественно-научными коллекціями. Пока дѣти учатся и пользуются руководствомъ горячо преданныхъ своему дѣлу педагоговъ школы А. Коменскаго, они, несомнѣнно, находятся въ самыхъ благопріятныхъ для національнаго развитія условіяхъ, но по окончаніи не имѣющей правъ школы они принуждены ѣздить для испытаній въ пользующіяся правами чешскія школы Моравіи и Чехіи. Общество имени А. Коменскаго не ограничилось однако созданіемъ школы и заботами о ней; оно, постоянно расширяя рамки своей дѣятельности, основало еще два чешскихъ дѣтскихъ пріюта и четыре школы чешскаго языка.

Чешская женщина, выставившая изъ своей среды св. Людмилу, Любушу, Кар. Свѣтлу, Соф. Подлипску, Е. Красногорску, Г. Прейссову и т. д., не отстаетъ отъ чешскаго мужчины въ заботахъ о прогрессѣ національно-чешскаго дѣла; такъ, въ Вѣнѣ

чешскія женщины берутъ на себя попеченіе о бѣдныхъ дѣтяхъ въ школахъ и пріютахъ имени А. Коменскаго; этой цѣли служатъ два общества чешскихъ дамъ и дѣвицъ въ Вѣнѣ: общество „Людмила“, существующее съ 1885 г., и общество „Любуша“, возникшее въ 1896 г.

Тѣмъ же просвѣтительнымъ цѣлямъ, что и общество Коменскаго, служитъ у вѣнскихъ чеховъ „Česky spolek pro šireni lidove osvěty“ (чешское общество для распространенія народнаго просвѣщенія); это общество имѣетъ въ виду главнымъ образомъ духовныя нужды низшихъ классовъ чешскаго населенія Вѣны, на стражѣ матеріальнаго обезпеченія котораго стоитъ „Česky spolek pro zaopatrovani služeb ve Vidni (чешское общество для предоставленія работы въ Вѣнѣ). Если имѣть въ виду ту массу пришлаго чешскаго населенія, которая ежегодно является въ столицу монархіи въ поискахъ заработковъ, то заслуга указанныхъ обществъ объ удовлетвореніи духовныхъ нуждъ пришельцевъ при посредствѣ народныхъ чешскихъ библіотекъ и при помощи устройства публичныхъ чтеній и объ удовлетвореніи матеріальныхъ нуждъ путемъ предоставленія заработковъ является внѣ всякаго сомнѣнія.

Весьма благотворной для вѣнскихъ чеховъ должна быть признана также дѣятельность „клуба австрійскихъ народностей“, который, помимо сближенія австрійскихъ подданныхъ между собою, оказываетъ обыкновенно солидныя услуги духовному и матеріальному преуспѣянію пришельцевъ австрійской столицы.

Въ интересахъ взаимнаго сближенія и развитія своего національнаго самосознанія вѣнскіе чехи основали цѣлый рядъ общественныхъ собраній, носящихъ названіе „beseda“; изъ такихъ „бесѣдъ“ старшей и наиболѣе почтенной является существующая около 40 лѣтъ „Slovanska beseda“, имѣющая не только спеціально чешскій, но и общеславянскій характеръ; во главѣ ея стоитъ извѣстный чешскій патріотъ гр. Я. Гаррахъ. Помимо этого общества, состоящаго изъ представителей чешской интеллигенціи и молодежи и располагающаго отвѣтчающимъ своимъ задачамъ помѣщеніемъ, чехи Вѣны создали еще 19 подобныхъ общественныхъ собраній, изъ которыхъ многія носятъ имена значительныхъ чешскихъ дѣятелей, какъ-то „Святополкъ Чехъ“, „Колларъ“, „Галекъ“, „Палацкій“, „Юнгманнъ“ и др.

Какъ всюду по лицу чехо-моравской земли, такъ и въ столицѣ габсбургской монархіи свилъ себѣ гнѣздо и чешскій „Соколъ“, это важное и спеціально чешской и съ общеславянской точки зрѣнія учрежденіе, преслѣдующее цѣли какъ физи-

ческаго развитія своихъ членовъ, такъ и нравственнаго сближенія между собою представителей великой славянской семьи. Вѣнскій „Sokol“ имѣетъ 8 отдѣленій въ различныхъ частяхъ города, при чемъ мѣстопребываніемъ старѣйшаго изъ отдѣленій, существующаго съ 1867 г., является покинутая іезуитская каплица.

Слѣдуя примѣру старшихъ, чешская учащаяся молодежь Вѣны, преимущественно зрѣлая, университетская, создала рядъ содѣйствующихъ саморазвитію и самообразованію обществъ, каковы напр. „Akademicky spolek“ (университетское общество, съ 1868 г.), „Literárni spolek českych posluchaču zverolekarstvi (литературное общество чешскихъ студентовъ-ветеринаровъ) и др. Кромѣ того въ интересахъ изученія русскаго языка и русской литературы чешская студенческая молодежъ является однимъ изъ усерднѣйшихъ посѣтителей „Вѣнскаго кружка любителей русскаго языка“, принимаетъ дѣятельное участіе въ славянскихъ празднествахъ въ Вѣнѣ, а для изученія французскаго языка посѣщаетъ „Cercle francoslave“, преслѣдующій между прочимъ задачу романо-славянскаго сближенія.

Помимо вышеупомянутыхъ просвѣтительныхъ, воспитательныхъ, благотворительныхъ и т. д. учрежденій, стоящихъ на стражѣ чешской народности въ Вѣнѣ, имѣются въ ней и политическіе клубы и кружки, ставящіе своею цѣлью объединеніе чешскихъ политическихъ дѣятелей и направленіе въ чешскихъ интересахъ парламентской борьбы, какъ напр. „Narodni rada Čechu dolnorakouskych (народный совѣтъ нижне-австрійскихъ чеховъ), „Prvni česká poiltičká jednota (первый чешскій политическій союзъ) и т. д. Успѣшной и дружной работѣ этихъ политическихъ клубовъ чехи обязаны достигнутыми за послѣднее время своими успѣхами въ парламентѣ и проведеніемъ къ министерскимъ постамъ какъ бывшаго предсѣдателя чешскаго клуба, такъ и другого виднаго чешскаго дѣятеля (Pačak, Foršt).

Богато одаренный въ музыкальномъ отношеніи чешскій народъ создалъ въ Вѣнѣ цѣлый рядъ музыкальныхъ, пѣвческихъ кружковъ и частный чешскій театръ. Изъ пѣвческихъ обществъ отмѣтимъ спеціально чешское общество „Lumir“, которое съ 1865 года знакомитъ чеховъ съ родными музыкальными и вокальными мотивами; а также общеславянское общество „Slovansky zpěvačky spolek“, которое съ 1861 года исполняетъ славянскія пѣсни и принимаетъ участіе въ торжествахъ въ честь великихъ славянскихъ дѣятелей. Изъ спеціально музыкальныхъ обществъ укажемъ „Narodni hudba Volankova“, „Hudba Melicharova“, и др

Отмѣтимъ, что постояннымъ жителемъ Вѣны является и

свѣтило чешскаго музыкальнаго міра Фр. Ондржичекъ, двери дома котораго всегда радушно открываются для славянскихъ гостей; маэстро, хорошо извѣстный и у насъ въ Россіи благодаря своимъ концертамъ въ Петербургѣ, Павловскѣ и т. д., овладѣлъ нашимъ языкомъ и охотно на немъ изъясняется, если представляется случай. Вѣнскіе чехи даютъ значительный процентъ пѣвчихъ въ хоръ посольской русской церкви.

Чехи же являются виднѣйшими участниками музыкально-вокальныхъ вечеринокъ, устраиваемыхъ вѣнскими славянами, и участниками общеславянскаго большого бала, на которомъ исполняются музыкальныя произведенія славянскихъ народовъ и въ національныхъ костюмахъ исполняются національные славянскіе танцы: „русская камаринская“ (рѣдко), малороссійскіе „казачекъ“ и „коломійка“, чешская „бесѣда“, польская „мазурка“, сербско-хорватское „коло“, болгарское „хоро“.

Учрежденіемъ, объединяющимъ служителей чешскаго искусства, является созданный заботами чешскаго театральнаго общества „Pokrok“ любительскій чешскій театръ, на которомъ съ большимъ успѣхомъ выполняются пьесы на чешскомъ языкѣ.

Приближается постепенно къ осуществленію и давнишнее желаніе чеховъ Вѣны основать достойный своего назначенія чешскій народный домъ, среди задачъ котораго просвѣтительныхъ, художественныхъ и т. д. выставляется между прочимъ „пришлыхъ въ Вѣну нашихъ соотечественниковъ-чеховъ сохранять для своей народности“.

Строго и вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасно организованнымъ является общество вѣнскихъ православныхъ чеховъ, число которыхъ постепенно растетъ; къ сожалѣнію, эти православные чехи не имѣютъ еще средствъ для построенія собственной церкви, въ которой могло бы отправляться богослуженіе на народномъ языкѣ, но они встрѣчаютъ всегда радушный пріемъ въ мѣстныхъ русской и сербской церквахъ, гдѣ Кирилло-Меѳодіевскій языкъ богослуженія во всякомъ случаѣ имъ болѣе понятенъ, чѣмъ латинскій языкъ католическаго богослуженія. Многіе праздники православные чехи справляютъ въ обществѣ другихъ православныхъ славянъ Вѣны, и т. обр. религіозная связь содѣйствуетъ усиленію связей племенныхъ.

Какъ народъ практичный, чехи Вѣны обратили серьезное вниманіе на промышленность, торговлю, создали рядъ банковъ, изъ которыхъ особенно выдѣляется „živnostenska banka“. Хорошо поставлено въ Вѣнѣ и книжное чешское дѣло. Здѣсь имѣется богато обставленное и образцово организованное отдѣленіе из-

вѣстной чешской издательской и книгопродавческой фирмы Отто; этой фирмѣ, о которой мы уже упоминали, когда шла рѣчь о Прагѣ, принадлежитъ честь изданія капитальнаго чешскаго энциклопедическаго словаря „Ottuv slovnik naučny“; ежегодно эта фирма обогащаетъ чешскій книжный рынокъ цѣлымъ рядомъ новыхъ цѣнныхъ изданій. Съ нашей же русской точки зрѣнія книгоиздательство Отто заслуживаетъ особаго вниманія потому, что оно систематически знакомитъ чешскую читающую публику съ русскими классическими писателями, произведенія которыхъ въ удачныхъ переводахъ издаются фирмою г. Отто въ такъ называемой „Ruska knihovna“ (русская библіотека).

Весьма богаты въ Вѣнскомъ, какъ и въ Пражскомъ книжномъ магазинѣ Отто отдѣлы художественныхъ, музыкальныхъ и т. д. произведеній. На достойной высотѣ стоитъ и другой чешскій книжный магазинъ въ Вѣнѣ г. Вилимка. Въ обоихъ чешскихъ книжныхъ магазинахъ Вѣны можно получить, помимо важнѣйшихъ пражскихъ газетъ, и вѣнскія чешскія газеты; среди послѣднихъ особенно выдѣляются „Vestnik“, „Slavie“, „Česka Viden“, „Delnicke Listy“.

Чехи въ Вѣнѣ зарекомендовали себя съ выгодной стороны и въ ученомъ мірѣ; такъ напр. на философскомъ факультетѣ съ честью несутъ свое научное знамя извѣстный профессоръ К. Иречекъ, бывшій одно время болгарскимъ министромъ народнаго просвѣщенія проф. В. Вондракъ, состоящій помощникомъ библіотекаря Придворной библіотеки и хорошо извѣстный и въ нашей научной литературѣ; проф. Менчикъ, изслѣдователь Тургеневскаго вопроса, состоящій теперь завѣдывающимъ рукописнымъ отдѣломъ „Hofbibliothek“. Въ Вѣнѣ же работалъ долгое время и одинъ изъ видныхъ теперь профессоровъ Пражскаго университета г. Пастернекъ, авторъ многочисленныхъ цѣнныхъ трудовъ по славяновѣдѣнію. Въ качествѣ „частнаго ученаго“ проживаетъ въ Вѣнѣ и работаетъ на научно-литературномъ поприщѣ молодой чешскій д-ръ І. Карасекъ, не мало поработавшій надъ ознакомленіемъ чешскаго общества съ русской литературой и журналистикой.

Стремленіе вѣнскихъ чеховъ, какъ по идейнымъ, такъ и по практическимъ соображеніямъ къ изученію русскихъ языка, литературы, жизни, должно быть признано очень значительнымъ. Чешскій элементъ являлся самымъ крупнымъ въ процентномъ отношеніи въ числѣ членовъ „Вѣнскаго кружка любителей русскаго языка“; изученіемъ русскаго языка занимаются и студенческая, и гимназическая молодежь, и торговцы, и ремесленники.

Помимо посѣщенія упомянутаго кружка, вѣнскіе чехи создали и другой очагъ для ознакомленія съ русскимъ языкомъ, а именно „русско-чешскій отдѣлъ клуба австрійскихъ народностей“; ставя своей задачей духовно-культурное и торгово-промышленное сближеніе русскаго и чешскаго народовъ, эта секція съ успѣхомъ ведетъ свое дѣло, и благодаря такимъ дѣятельнымъ своимъ членамъ, какъ секретарь секціи г. В. Манъ, несомнѣнно, будетъ и впредь высоко нести свое знамя.

Однимъ словомъ, вѣнскіе чехи неутомимо работаютъ надъ отстаиваніемъ своей народности, и своей энергіей, настойчивостью, систематичностью въ созданіи своихъ національныхъ очаговъ даютъ поучительный примѣръ другимъ находящимся въ подобномъ ихъ положеніи народностямъ австрійской столицы.

П. Заболотскій.

Сербско-турецкая война 1876 года.

III.

Сосредоточеніе и численность сербскихъ войскъ при объявленіи войны съ турками.—Расположеніе моравской арміи и ея наступленіе.—Битва на Бабиной Главѣ.—Неудачныя попытки овладѣть Бѣлой Паланкой и взятіе Св. Николы.—Движенія къ Прокуплью и Нишу.—Наступленіе турокъ и отходъ сербовъ съ Тимока.—Битвы на Моравѣ.—Новая оборонительная линія.—Десятидневный перерывъ въ военныхъ дѣйствіяхъ и переговоры о перемиріи—Pronunciamento.

Согласно принятому военнымъ совѣтомъ плану о наступленіи главныхъ силъ къ Нишу, дѣйствующая сербская армія наканунѣ войны должна была быть расположена слѣдующимъ образомъ.

1. Главная—моравская—армія, въ составѣ 4-хъ дивизій (южно-моравской обоихъ классовъ, западно-моравской I класса, дунайской обоихъ классовъ, и шумадійской обоихъ классовъ), имѣетъ авангардъ (18 тыс.) у Алексинаца, главныя силы (32 тыс.) между Іовановацомъ и Крушевацомъ (центръ въ Делиградѣ и резервъ (18 т.) въ Ягодинѣ и Чуприи-Парачинѣ. Числительность главной арміи: 87 батал. пѣхоты (58 т.), 20 эскадроновъ конницы (2.500 ч.), 26 батарей, или 128 орудій (3.500 ч.), осадный паркъ (500 ч.), 4 саперныхъ батал. (2.500 ч.) и мелкія части (1000 ч.); всего—68 тыс. ч. Цѣль дѣйствій—Нишъ.

2. Восточная армія, состоящая изъ 3-хъ отдѣловъ: неготинскаго (8 т.), зайчарскаго (10 т.) и княжевацкаго (7 т.), имѣетъ главной задачей охранять восточную границу. Княжевацкій отдѣлъ долженъ, сверхъ того, подкрѣплять лѣвое крыло арміи, дѣйствующей противъ Ниша. Составъ: 29 пѣх. бат., 6 батарей, 3 эск. и 1 сапер. б.; всего 25 тыс. чел.

3. Западная армія состоитъ изъ: а) дринской дивизіи съ вспомогательными частями, имѣющей задачу охранять западную границу, а затѣмъ вторгнуться въ Боснію и овладѣть ею (составъ:

21 бат. пѣх. 1 отрядъ добровольцевъ въ 2.500 ч. 1 полкъ артиллеріи, 1 дивиз. конницы, 1 сап. б. и мелкія части; итого 20 тыс. ч.), и б) яварскаго отряда, предназначенною для обороны границы и дѣйствій противъ Сѣницы (14 бат. пѣх., 2 батареи, 1 отдѣленіе осаднаго парка, 1 сап. рота, 1 дивиз. артил. и мелкихъ частей; итого 11.500 ч.), Всего въ западной арміи—31.450 чел.

Слѣдовательно, численность всѣхъ сербскихъ вооруженныхъ силъ простиралась до 124.450 чел.

Однако первоначальный планъ военнаго совѣта потерпѣлъ потомъ измѣненіе въ виду того, что рѣшено было, вмѣсто открытаго нападенія, подвергнуть предварительно Нишъ обложенію. Пришлось сдѣлать перемѣны и въ планѣ сосредоточенія войскъ. Такъ, вмѣсто того, чтобы всю моравскую армію—лишь съ отдѣленіемъ одной обходной колонны противъ Грамады—направить отъ Алексинаца прямо противъ нишской арміи, эта армія была раздѣлена на нѣсколько колоннъ, которыя должны были изъ центральной позиціи разойтись въ разныя стороны, чтобы пресѣчь главныя сообщенія Ниша съ Турціей. Эти колонны были настолько удалены одна отъ другой, что не только не могли поддерживать другъ друга, но даже долго не могли установить взаимной связи.

Мѣняя такимъ образомъ характеръ дѣйствій главной арміи, рѣшено было также придать наступательный характеръ и дѣйствіямъ на Яворѣ. Вслѣдствіе этого западно-моравская дивизія не вошла въ составъ главной дѣйствующей арміи, какъ это было предположено въ планѣ военнаго совѣта, а осталась въ составѣ восточной арміи, которую стали звать ибарской.

Такимъ образомъ измѣнился и составъ моравской арміи. Въ день открытія военныхъ дѣйствій (20 іюня) въ ней было: 77¼ бат. пѣх. I и II класса, 10 тяжелыхъ батарей, 11 легкихъ батарей, 18 эскадроновъ, 10 саперныхъ ротъ и 8 батал. III класса.

Дѣйствія главной арміи должны были происходить въ долинѣ Моравы съ поперечными долинами Нишавы и Топлицы. На лѣвой сторонѣ Моравы находится возвышенность Ястребацъ, по которой шла граница княжества Сербіи. Восточные отроги Ястребаца круто спускаются къ Моравѣ, а сѣверные и южные, которые подходятъ съ одной стороны къ Джунису, а съ другой къ Прокуплью, образуютъ длинныя узкія косы и только у береговъ Моравы и Топлицы образуютъ крутые спуски. Съ правой стороны Моравы, между Моравицей и Нишавой, поднимаются скалистыя возвышенности—Озренъ, Лѣсковикъ и Оштра Чука, отроги которыхъ круто спускаются къ Моравицѣ и полого къ

Топольницѣ. Отъ Оштрой Чуки горный хребетъ направляется къ югу и, обойдя истоки Топольницы, подъ именемъ Лютаго Верха, Грамады, Плеша, Зеленаго Верха, Бабине и Церове Главы образуютъ южную границу Сербіи съ Турціей. Всѣ эти горы имѣютъ или оголенный видъ, или покрыты мелколѣсьемъ, а болѣе пологіе спуски и подножія отроговъ испещрены пашнями и пахотными полями. Пути проложены по долинамъ рѣки, но и по пологимъ склонамъ возможно движеніе обозовъ и артиллеріи. Нишава отъ Бѣлой Паланки до Баньи течетъ узкимъ ущельемъ. Близъ Бѣлой Паланки, у Темской и Пирота, ея долина расширяется и образуетъ три плодородныя равнины. И нижнее теченіе Нишавы, на которомъ лежитъ Нишъ, тоже отличается равнинностью и плодородіемъ. Долиной Нишавы была проложена хорошая шоссейная дорога къ Нишу, а изъ верхней Нишавы, отъ Бѣлой Паланки и Пирота шли шоссейные пути къ сербской границѣ—къ Пандирало и Княжевацу; отъ нихъ же отдѣлялась вѣтвь черезъ Старую Планину (возлѣ ущелья св. Николы) къ Бѣлградчику и Видину. Крѣпость Нишъ служила туркамъ для защиты отъ вторженія со стороны Сербіи и была опорнымъ пунктомъ для дѣйствій противъ нея съ турецкой стороны. Поэтому Нишъ, какъ важный стратегическій пунктъ, служилъ узломъ многихъ путей, изъ которыхъ главнѣйшіе вели: къ Прокуплью и далѣе на Косово поле, къ Алексинацу, черезъ Грамаду къ Княжевацу и на Лѣсковацъ-Вранью въ Скоплье. На Мраморѣ, для охраны моста черезъ Мораву, находилось предмостное укрѣпленіе, входившее уже въ раіонъ оборонительныхъ сооруженій Ниша.

За три дня до открытія военныхъ дѣйствій, именно 17-го іюня, князь Миланъ переѣхалъ изъ Бѣлграда въ Парачинъ и объявилъ по телеграфу мобилизованнымъ войскамъ, что принимаетъ на себя верховное командованіе дѣйствующими вооруженными силами. Въ тотъ же день онъ переѣхалъ въ Делиградъ и 18-го числа объявилъ войну Турціи. 20-го же іюня послѣдовало объявленіе войны и со стороны Черногоріи.

Для моравской арміи главною цѣлью дѣйствій было взятіе Ниша. Сверхъ того объектомъ ея дѣйствій были Коршумлье и Прокупье въ долинѣ Топлицы, а также Бѣла Паланка и Пиротъ съ передовымъ укрѣпленіемъ на Бабиной Главѣ, какъ главные пункты въ верхней Нишавѣ. Сообразно этой цѣли, командовавшій моравской арміею генералъ Черняевъ издалъ передъ открытіемъ военныхъ дѣйствій письменную диспозицію, въ которой роль отдѣльныхъ частей его арміи была опредѣлена слѣдующимъ

образомъ. Правое крыло, подъ начальствомъ подполковника Бучовича имѣло задачей овладѣть городомъ Прокупьемъ и очистить долину Топлицы отъ непріятеля; затѣмъ—войти въ связь съ колонной суповацкой и дѣйствовать съ нею за одно. Въ колоннѣ образующей правое крыло, было 10 пѣх. батал., 2 батареи и 2 эскадрона; резервъ ея въ Крушевацѣ состоялъ изъ 4-хъ баталіоновъ. Центральный, или суповацкій отрядъ, состоявшій изъ 15-ти бат., 8-ми батарей и 7-ми эскадроновъ съ понтоннымъ транспортомъ, подъ начальствомъ полковника Іовановича, долженъ былъ овладѣть предмостнымъ укрѣпленіемъ на Мраморѣ и прервать сообщенія между Нишемъ и Лѣсковацемъ. Наконецъ лѣвая, грамадская колонна, состоявшая изъ 20 бат., 6 батарей и 5 эскадроновъ, подъ начальствомъ полковника Узунъ-Мирковича, имѣла задачей дѣйствовать противъ Ниша демонстративно, не ввязываясь въ серьезное дѣло, для того чтобы облегчить выполненіе задачи центра. При лѣвомъ крылѣ имѣлъ находиться и самъ Черняевъ.

Но вслѣдствіе полученнаго 19-го іюня невѣрнаго (какъ потомъ оказалось) извѣстія о движеніи изъ Софіи къ Нишу 5 тыс. турокъ, генералъ Черняевъ взялъ изъ грамадской колонны 10 бат. и 3 батареи и поспѣшилъ съ ними къ Бабиной Главѣ, куда двинулъ также полковника Хорватовича съ двумя княжевацкими бригадами и одной тяжелой полевой батареей. По взятіи укрѣпленія на Бабиной Главѣ, имѣлось въ виду овладѣть Бѣлой Паланкой и такимъ образомъ пресѣчь доступъ къ Нишу подкрѣпленіямъ, прибывающимъ отъ Видина или Софіи.

На разсвѣтѣ 20-го числа по всей пограничной линіи загрохотали пушки, огласившія переходъ сербской арміи на турецкую территорію. Упорное сопротивленіе, выказанное турками въ пограничныхъ караулахъ, и дождливая погода задержали исполненіе плана генерала Черняева относительно овладѣнія Бабиной Главой. Укрѣпленіе, находившееся на вершинѣ этой возвышенности, защищалось нѣсколькими таборами пѣхоты съ отрядомъ черкесовъ и стальной Крупповской батареей. Медленное поступленіе сербовъ повело еще къ усиленію гарнизона Бабиной Главы подкрѣпленіемъ, прибывшимъ изъ Пирота. Овладѣть этимъ укрѣпленіемъ была для сербовъ задача не изъ легкихъ. Полковникъ Хорватовичъ, начавшій бой на разсвѣтѣ 20 числа, уже пустилъ въ ходъ свой послѣдній резервъ, и дѣло принимало для сербовъ дурной оборотъ, но прибытіе вспомогательной колонны съ Черняевымъ во главѣ рѣшило бой въ ихъ пользу. Удачныя и смѣлыя дѣйствія сербской артиллеріи, лично воодушевляемой Чер-

няевымъ, заставили турокъ поспѣшно отступить къ Пироту и Бѣлой Паланкѣ. Много снарядовъ палатокъ и съѣстныхъ припасовъ досталось сербамъ; внутренность укрѣпленій была завалена турецкими трупами. Сербы же потеряли въ этомъ дѣлѣ 17 убитыхъ, 56 раненыхъ и 53 безъ вѣсти пропавшихъ.

Съ взятіемъ Бабиной Главы, для сербовъ былъ открытъ путь къ Бѣлой Паланкѣ и Пироту. Но Черняевъ медлилъ занятіемъ ближайшаго и слабо охраняемаго перваго изъ этихъ пунктовъ, такъ какъ не имѣлъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ колоннъ Узунъ-Мирковича и Іовановича, а также изъ тимокской арміи, состоявшей подъ начальствомъ полковника Лѣшанина. Затѣмъ два раза посылалъ онъ назначеннаго въ его распоряженіе и служившаго прежде въ австрійской арміи генерала Стратимировича, но послѣдній ограничился демонстраціями противъ Бѣлой Паланки и не только ничего рѣшительнаго не предпринималъ, но даже во второй разъ возвратился въ лагерь съ своимъ отрядомъ въ большомъ безпорядкѣ. За это онъ былъ отчисленъ отъ командованія, и отрядъ его былъ переданъ другому добровольцу, полковнику Деспотовичу, служившему прежде въ русскихъ войскахъ. Но послѣдній не желалъ исполнить приказанія Черняева и по выступленіи изъ лагеря выразилъ желаніе идти вмѣсто Бѣлой Паланки къ Пироту, для чего требовалъ подкрѣпленій. Смѣнивъ и этого отряднаго начальника, Черняевъ поручилъ отрядъ, предназначенный для дѣйствій противъ Бѣлой Паланки Хорватовичу, который и выступилъ 24-го числа. Но черезъ часъ послѣ его отхода Черняевъ передумалъ и, опасаясь за свой лѣвый флангъ въ виду отсутствія извѣстій отъ Лѣшанина, прислалъ приказъ Хорватовичу возвратиться. Это обстоятельство вызвало большое неудовольствіе въ лагерѣ. 25-го числа генералъ Черняевъ отбылъ съ своимъ начальникомъ штаба Беккеромъ въ Алексинацъ, гдѣ находился князь Миланъ. Во время отсутствія командующаго арміей сербы заняли 28-го іюня лѣвофланговый перевалъ Св. Николы, черезъ который шелъ путь отъ Виддина къ Нишу *) Черняевъ возвратился на Бабину Главу уже какъ командующій Моравско-Тимокской арміей, и въ помощь ему прибыли двѣ вальевскія бригады. На слѣдующій день Черняевъ поручилъ Хорватовичу овладѣть Бѣлой-Паланкой, защищаемой 3—4 таборами и стальной батареей, а Узунъ-Мирковичу произвести демонстрацію противъ Пирота. Но Хорватовичъ произвелъ только бомбардировку города и затѣмъ возвратился въ лагерь безъ потерь. Эти нерѣшительныя дѣйствія повліяли на турокъ столь ободряющимъ образомъ, что они на слѣдующій же день перешли въ наступленіе и потѣснили передовыя части сербской арміи.

Одновременно съ походомъ къ Бѣлой Паланкѣ и Пироту было сдѣлано моравской арміей движеніи къ Прокуплью и Нишу, причемъ главною цѣлью было обложеніе этой крѣпости Наиболѣе укрѣпленъ былъ сѣверный фронтъ ея, а потому трудно было расчитывать на успѣшность наступленія со стороны Алексинаца и Грамады. Удобнѣе всего было наступать съ юго-востока какъ потому, что съ этой стороны не было укрѣпленій, такъ и въ виду того, что сюда спускались горные отроги, дававшіе наступающему доминирующее положеніе. Значеніе Ниша увеличивалось еще въ томъ отношеніи, что онъ служилъ складомъ оружія и военныхъ принадлежностей. Обложеніемъ его были бы связаны главныя турецкія силы, и такимъ образомъ для сербовъ открылась бы свобода дѣйствій въ другихъ направленіяхъ. Въ виду важности этой задачи, для обложенія Ниша были назначены лучшія части моравской арміи въ слѣдующемъ составѣ: 86 бат. пѣхоты, 19 батарей, 17 эскадроновъ и 10 саперныхъ ротъ; всего—61.360 чел. и 8.250 коней при 104 орудіяхъ. Эти силы были раздѣлены на три главныя и одну вспомогательную колонну, а пятая (самостоятельная) колонна должна была произвести развѣдку по направленію къ Софіи, имѣя цѣлью помѣшать прибытію подкрѣпленій къ Нишу; небольшой отрядъ былъ поставленъ у подножія Копаоника и въ Янковой клисурѣ (ущельи), чтобы воспрепятствовать движенію албанцевъ изъ долины Топлицы.

Главная, или суповацкая колонна (10 батал. I класса, 4 бат. II класса и $4^1/_2$ эскадрона и при 5-ти орудіяхъ) перешла, на разсвѣтѣ 20-го іюня, сербскую границу у Суповаца, гдѣ послѣ короткаго обстрѣла разрушила турецкій блокгаузъ. Затѣмъ она направилась къ предмостному укрѣпленію у Мрамора, которымъ старалось овладѣть. Но приступъ ея, подготовленный дѣйствіемъ артиллеріи, былъ отбитъ. Къ ночи 22-го числа потерявъ убитыми и ранеными до 60 человѣкъ, сербы отступили и остановились на ночлегъ, между Тешицей и Суповацомъ. Причины этой неудачи, по мнѣнію г. Грунча, заключались во 1-хъ, въ слабости суповацкой колонны сравнительно съ предпоставленной ей цѣлью дѣйствій, такъ что она даже не имѣла резерва, и во 2-хъ, въ крайнемъ недостаткѣ офицеровъ: въ нѣкоторыхъ баталіонахъ офицеровъ вовсе не было. Притомъ во время боя оказался недостатокъ и въ патронахъ. Хотя подвозъ патроновъ и былъ произведенъ своевременно, но они годились для ружей системы Грина, тогда какъ большая часть этой колонны была вооружена ружьями Шибоди. Правая, или вуканьская колонна, состоявшая

изъ 3-хъ батал. I класса, 5-ти бат. II класса, саперной роты и $1^1/_3$ эскадрона при 1 тяжелой батареѣ, двинулась къ Прокуплью, но успѣха не имѣла и возвратилась на границу. Вспомогательная катунская колонна, хотя тоже перешла границу, но въ виду неуспѣшнаго дѣйствія другихъ колоннъ должна была возвратиться, не видѣвъ непріятеля. Лѣвая, грамадская колонна сдѣлала диверсію по направленію къ Нишу и отступила снова къ Грамадѣ, разрушивъ турецкій блокгаузъ на границѣ. На Янковой Клисурѣ была небольшая стычка съ турками.

Окончившіяся столь неудачно попытки обложить Нишъ предполагалось возобновить 25-го іюня, но полученныя тревожныя извѣстія съ Тимока заставили отказаться отъ этого намѣренія. По полученнымъ свѣдѣніямъ, турецкая армія, находившаяся въ Видднпѣ, усилилась частями, прибывшими по Дунаю, и, подъ начальствомъ Османа-паши, перешла въ наступленіе. Въ виду этого въ главной княжеской квартирѣ въ Алексинацѣ держался, 27 и 28 іюня военный совѣтъ, на которомъ присутствовалъ и Черняевъ. Рѣшеніемъ этого совѣта было постановлено—прекратить наступательныя дѣйствія на Моравѣ и дать сначала рѣшительную битву туркамъ на Тимокѣ, чтобы такимъ образомъ отвратить опасность, грозящую съ лѣваго фланга. Въ то же время были сдѣланы нѣкоторыя перемѣны, въ командномъ отношеніи, и на другихъ театрахъ войны. Заболѣвшій генералъ Захъ былъ переведенъ съ Ибара въ Чупрію, гдѣ съ полковникомъ Орешковичемъ долженъ былъ занятыя формированіемъ резервныхъ войскъ. На его мѣсто на югъ предполагаютъ назначить генерала Алимпича, который долженъ былъ соединить въ своемъ лицѣ званіе командующаго ибаской и дринской арміями; но потомъ эта мысль была оставлена, и генерала Заха временно замѣнилъ маіоръ Бориславлевичъ, а затѣмъ подполковникъ Чолокантичъ.

Тимокская армія состояла изъ большей части тимокской и всей дунайской дивизіи, при 24-хъ тяжелыхъ и 20 легкихъ орудіяхъ. Три ея бригады I класса были вооружены ружьями системы Пибоди, 4 бригады II класса—системы Грина, а остальныя войска—ружьями, заряжающимися съ дула. Конницы было 4 эскадрона. Укрѣпленій на Тимокѣ съ сербской стороны почти не было. Задачей тимокской арміи, находившейся сначала подъ начальствомъ полковника Лѣшанина, а потомъ Черняева, было занять выгодную позицію на высотахъ по другую сторону границы и держаться на оборонительномъ положеніи. У турокъ въ этомъ краѣ было при объявленіи войны: дивизія Османа-паши въ Видднпѣ (15—20 тыс. чел.) и дивизія Фазли-паши въ Нико-

полѣ (15 тыс.); съ третьей дивизіей, находящейся въ Нишѣ, эти войска составляли корпусъ Ахмедъ-Эюба-паши. Для передвиженія войскъ по Дунаю турки обладали достаточнымъ количествомъ транспортныхъ пароходовъ.

Послѣ объявленія войны, прежде чѣмъ сербы предприняли наступленіе на Тимокъ, 21-го іюня 10 таборовъ турокъ при 6—8 полевыхъ орудіяхъ перешли границу и, оттѣснивъ 3 сербскихъ баталіона у селенія Великаго Извора, заняли высоты, господствующія надъ всей долиной Тимока. Сербская пѣхота состояла здѣсь большею частью изъ мѣстнаго румынскаго по народности населенія, которое оказалось мало устойчивымъ: два баталіона изъ трехъ бывшихъ въ авангардѣ разбѣжались послѣ первыхъ турецкихъ выстрѣловъ.

30-го числа полковникъ Лѣшанинъ перешелъ въ наступленіе, имѣя въ виду обойти турокъ съ лѣваго фланга и заставить очистить позицію подъ В. Изворомъ, но сербская тимокская армія оказалась слишкомъ слабой для выполненія этой задачи; потерявъ 180 челов. ранеными и 80 убитыми, сербы должны были отступить. Для сербской арміи являлось необходимымъ—во что бы то ни стало выбить турокъ изъ занятой ими доминирующей позиціи и освободить отъ опасности городъ Зайчаръ. Поэтому 2-го іюля генералъ Черняевъ съ колонной моравской арміи двинулся на помощь къ полковнику Лѣшанину съ Бабиной Главы. Вторая вспомогательная колонна, подъ начальствомъ полковника Бучовича, выступила частями изъ Крушеваца, Алексинаца и Делиграда. Въ это время турки спѣшно укрѣпляли занятую ими позицію, усиливъ ее нѣсколькими редутами, батареями и траншеями. Подъ личнымъ начальствомъ Османа-паши, здѣсь находилось 16 таборовъ и 3 эскадрона при 15—18 орудіяхъ. 4 табора были расположены въ Кулѣ, а къ Виддину подплывала по Дунаю дивизія Фазли-паши.

Бой на В. Изворѣ произошелъ 6-го іюля. Имѣлось въ виду выбить турокъ съ занятой и укрѣпленной ими позиціи двумя колоннами. Но и тутъ успѣха не было. Послѣ удачнаго начала, лѣвое крыло, составленное изъ зайчарскихъ войскъ (здѣсь преобладаетъ румынское населеніе), послѣ полудня дрогнуло и въ большомъ безпорядкѣ побѣжало, преслѣдуемое огнемъ турокъ. Дольше держалась лѣвая колонна, но и она, тѣснимая турками, перешла въ наступленіе въ $3^1/_2$ ч. пополудни, потерявъ 5 орудій. Убыль въ людяхъ была значительна: сербы потеряли въ этотъ день 440 убитыми, 1027 ранеными и 449 безъ вѣсти пропавшими. Турецкими войсками руководилъ самъ Османъ-паша, у котораго

было 8—10 тыс. чел. пѣхоты, полкъ конницы и три крупповскія батареи.

По мнѣнію ген. Грунча, главныя причины неудачнаго исхода этой битвы заключались въ слѣдующемъ: 1) не было главнаго распорядителя боя, такъ какъ хотя ген. Черняевъ и принималъ участіе въ сраженіи, но онъ не руководилъ войсками и даже не имѣлъ при себѣ общаго резерва, который могъ-бы поддержать ослабѣвшія части въ рѣшительный моментъ; 2) начальники колоннъ (Лѣшанинъ и Бучовичъ) слишкомъ рано израсходовали свои резервы; 3) артиллерія, значительно превосходившая непріятельскую (у турокъ—18 орудіи, а у сербовъ—46), не была согласована въ дѣйствіяхъ, не группировалась для сосредоточенія огня, а дѣйствовала въ раздробъ; 4) при войскахъ не было достаточно конницы, для дѣйствія которой были удобныо моменты; 5) сербскія войска были разбросаны на огромномъ пространствѣ; 6) наступленіе лѣваго крыла не было ведено съ надлежащей энергіей.

Для облегченія наступленія на позиціи турокъ у Великаго Извора были назначены Черняевымъ диверсіи съ лѣваго и праваго фланга. Наканунѣ битвы у В. Извора посланъ былъ отрядъ изъ 3 баталіоновъ занять позицію у С. Косова на пути къ Кулѣ. Но высоты надъ Косовымъ занимали 2—3 табора турокъ съ 1 эскадрономъ, и они отбили нападеніе сербовъ. На правомъ флангѣ былъ посланъ отрядъ изъ 6-ти бат. пѣхоты съ легкой батареей и двумя тяжелыми орудіями, подъ начальствомъ русскаго маіора Н. Кирѣева, въ помощь которому былъ назначенъ капитанъ Цвѣтковичъ. Отряду приказано было занять с. Раковицу и угрожать такимъ образомъ туркамъ на ихъ пути отступленія къ Кулѣ. 6-го іюля сербы стали наступать на Раковицу, гдѣ турки на господствующихъ высотахъ занимали укрѣпленную позицію. Отрядъ оказался слишкомъ слабымъ для того, чтобы выбить турокъ изъ занятой ими позиціи, и долженъ былъ отступить послѣ 5-ти часового боя. Въ этомъ дѣлѣ погибъ и начальникъ отряда маіоръ Кирѣевъ, одѣтый въ бѣлую блузу и потому рѣзко отличавшійся отъ сербскихъ войскъ [1]).

Послѣ неудачнаго исхода велико-изворской битвы сербы не могли уже думать о наступательныхъ дѣйствіяхъ. Тимокская армія должна была защищать длинную линію отъ Вратарницы

1) Въ память о немъ селеніе Раковица было потомъ переименовано въ Кирѣево.

до Вражогернаца и охранять путь отъ Зайчара на Чупрію. Отрядъ, занявшій Бабину Главу, былъ ослабленъ отдѣленіемъ части своего состава въ помощь тимокской арміи; притомъ началось сосредоточеніе турецкой арміи въ Нишѣ; вслѣдствіе этого сербамъ вскорѣ пришлось оставить Бабину Главу и отойти къ Пандиралу. Не было сомнѣнія, что турки, по сосредоточеніи у Ниша, двинутся въ долину Моравы, чтобы проникнуть въ глубь Сербіи, а потому моравская армія заняла позиціи у Алексинаца и Делиграда. Черняевъ сдѣлался снова командующимъ только моравской арміи, а тимокская была ввѣрена вновь полковнику Лѣшанину. Турки послѣ битвы у Великаго Извора сильно укрѣпили свои позиціи у Тимока. Соединенныя дивизіи Османа и Фазли-паши заняли по фронту линію въ 12—16 километровъ. Естественно было ожидать, что при наступленіи нишской арміи турки на Тимокѣ постараются открыть себѣ путь къ Чупріи, чѣмъ-бы конечно значительно облегчилась задача первой арміи. Но по непонятной причинѣ Османъ-паша не тронулся съ мѣста, и обѣ арміи, сербская и турецкая на Тимокѣ оставались въ своихъ укрѣпленныхъ позиціяхъ.

Малоуспѣшныя и нерѣшительныя дѣйствія сербовъ въ области Верхней Нишавы, длившіяся двѣ недѣли, дали туркамъ возможность усилиться. Турецкія войска этой области находились подъ начальствомъ Сулеймана-паши, который съ двумя бригадами занималъ Пиротъ, а авангардъ его, состоявшій изъ одной бригады, подъ начальствомъ Гафиза-паши, находился въ Бѣлой Паланкѣ. Эта бригада, усиленная 6-ю таборами низама и артиллеріей, первая начала наступательныя дѣйствія, а именно 30 іюля, послѣ неуспѣшнаго выступленія къ Бѣлой Паланкѣ Хорватовича. Турки двинулись въ обходъ Бабиной Главы и, послѣ стычки съ сербами въ Ключевомъ Долѣ, стали угрожать правому флангу сербовъ. Когда ген. Черняевъ отбылъ съ частью войскъ къ Великому Извору, оставивъ свой отрядъ на Бабиной Главѣ подъ начальствомъ полковника Узунъ-Марковича, турки 3 іюля перешли снова въ наступленіе. Правый флангъ сербовъ былъ отброшенъ, вслѣдствіе чего турки стали угрожать пути отступленія ихъ къ Пандиралу. Въ это же время отошли въ безпорядкѣ и сербскія войска, дѣйствовавшія противъ Ниша. Тогда всѣ команды бригадъ держали военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено единогласно оставить Бабину Главу и отступить къ Пандиралу. Войска отошли къ этому пункту въ большомъ безпорядкѣ, но, благодаря туману, безъ потерь. Настроеніе у всѣхъ было сильно угнетенное. Тѣмъ не менѣе въ виду продол-

жавшагося наступленія турокъ, сербы подтянулись [1]) и 8 іюля отбили непріятеля отъ пандиральской позиціи. Послѣ этого часть сербскихъ войскъ съ генераломъ Черняевымъ отошла къ Делиграду, хотя турки на нихъ уже не нападали. Остальные 13 баталіоновъ съ 1 эскадрономъ и 2½ батареями подъ начальствомъ Хорватовича остались на пандиральской и грамадской позиціяхъ.

Такимъ образомъ инпціатива въ наступательныхъ дѣйствіяхъ была потеряна сербами, и они окончательно перешли къ оборонѣ. Остается непонятной нерѣшительность Черняева послѣ занятія Бабиной Главы, когда, казалось, такъ нетрудно было овладѣть Бѣлой Паланкой, а можетъ быть и Нишемъ. Между тѣмъ успѣшныя дѣйствія здѣсь сербовъ имѣли бы весьма важное значеніе, такъ какъ отрѣзали бы сообщенія Ниша съ Виддиномъ и Софіей. По всей вѣроятности, Черняевъ ждалъ извѣстій о возстаніи болгаръ, на что возлагались большія надежды передъ войною [2]). Объ этомъ заставляетъ также думать то, что при переходѣ черезъ границу онъ издалъ прокламацію къ болгарамъ, въ которой призывалъ ихъ къ возстанію противъ турокъ. Генералъ велъ также переговоры съ болгарскими войводами (главарями отрядовъ, или четъ), снабжалъ ихъ деньгами и оружіемъ.

Н. О—ный.

Продолженіе слѣдуетъ.

---

[1]) Начальствовавшій надъ ними полковникъ Узунъ-Марковичъ приписываетъ этотъ результатъ заслугѣ офицеровъ, которые 6 разъ возвращали на мѣста отступавшихъ нижнихъ чиновъ.

[2]) Этотъ пунктъ недостаточно выясненъ въ трудѣ г. Групча. И. С. Ивановъ (болгаринъ по происхожденію), бывшій Кишиневскій исправникъ и уполномоченный Московскаго Славянскаго комитета во время сербско-турецкой войны по организаціи болгарскихъ добровольцевъ, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ (см. Сборникъ сочин. И. С. Иванова. Кишиневъ 1896 г.), что сербамъ слѣдовало передъ войною отвлечь турецкія силы подальше отъ границы, и лучшимъ средствомъ для этого было-бы поднять возстаніе гдѣ-нибудь въ Тырново, въ центрѣ Болгаріи; но сербы и не думали объ этомъ, считая себя очень храбрыми, а турецкія силы малочисленными. Во время войны 1876 г. г-мъ Ивановымъ было отправлено въ Сербію всего 1500 добровольцевъ—болгаръ, да и тѣхъ сербы во всемъ стѣсняли. По окончаніи войны имъ было принято возвратившихся въ Кишиневъ болгаръ-добровольцевъ до 1000 человѣкъ, которые и составили потомъ кадры Болгарскаго ополченія, принявшаго славное участіе въ русско-турецкой войнѣ 1877—1878 гг. Болгарскія четы, по словамъ г. Групча, имѣли задачей послѣ перехода границы двинуться впередъ на Балканы и поднять возстаніе въ Болгаріи. Но изъ этихъ затѣй ничего не вышло. Зачѣмъ болгарскіе добровольцы дѣйствовали въ составѣ сербской арміи (объ этомъ будетъ сказано ниже).

Новыя данныя по исторіи восточнаго вопроса.

I.

Въ недавнее время вышла новая книга директора архива министерства иностранныхъ дѣлъ С. М. Горяйнова, подъ заглавіемъ: „Босфоръ и Дарданеллы“ (СПБ. 1907 г., 355 страницъ). Она представляетъ изслѣдованіе вопроса о проливахъ по дипломатической перепискѣ, хранящейся въ государственномъ и с.-петербургскомъ главномъ архивахъ.

Личность автора извѣстна уже по предшествовавшей его неутомимой дѣятельности въ разработкѣ для науки и литературы тѣхъ данныхъ, которыя содержатся въ нѣдрахъ архивнаго хранения нашего министерства иностранныхъ дѣлъ; его же перу принадлежитъ капитальная сводка нашего консульскаго права и относящейся къ нему практики, вышедшая въ 1903 году подъ заглавіемъ: „Руководство для консуловъ“; книга эта удостоена академіею наукъ награды графа Уварова.

Побудительнымъ поводомъ къ составленію полнаго историческаго очерка вопроса о проливахъ послужила для автора та неопредѣленность, которая, казалось, царила во время русско-японской войны въ международныхъ постановленіяхъ, касающихся нашихъ отношеній къ проливамъ. Въ повременной печати, въ концѣ 1904 года, появились разсужденія, иныя устанавливавшія, другія оспаривавшія обязательную силу для Россіи международныхъ постановленій, признавшихъ закрытіе проливовъ Босфора и Дарданеллъ для военныхъ судовъ всѣхъ державъ.

Правильное рѣшеніе возникшихъ тогда въ печати принципіально важныхъ споровъ было возможно не иначе, какъ на основаніи коренного изученія всѣхъ архивныхъ данныхъ, имѣвшихся въ распоряженіи автора, по занимаемой имъ должности. Онъ тогда же приступилъ къ изученію всей дипломатической переписки по этому вопросу за большую часть девятнадцатаго столѣтія и пришелъ къ выводу о безусловной обязательности ска-

занныхъ постановленій не только для Россіи, но и для всѣхъ державъ, ихъ подписавшихъ, причемъ отвѣтственность сторонъ за соблюденіе этихъ постановленій должна быть признана круговой.

Письменныя доказательства къ этому выводу авторъ приводитъ въ подлинныхъ выраженіяхъ источниковъ, переходя къ ихъ обозрѣнію въ исторической послѣдовательности, начиная съ первоначальнаго разрѣшенія, даннаго Россіи еще при Екатеринѣ, на то, чтобы пропускать русскія торговыя суда черезъ проливы (по XI ст. Кучукъ-Кайнарджинскаго договора 1774 г.) Обзоръ дипломатическихъ матеріаловъ доведенъ до Берлинскаго трактата 1878 года.

Прежде всего важно установить, въ чемъ изслѣдованіе С. М. Горяйнова даетъ новыя данныя, не опубликованныя до сихъ поръ въ общеизвѣстныхъ спеціальныхъ трудахъ, посвященныхъ вопросу о проливахъ, какъ-то—въ сочиненіяхъ Татищева, Жигарева, Mischeff, Debidour, Choublier и друг.

Съ этой точки зрѣнія наибольшій интересъ въ ревизіи, произведенной С. М. Горяйновымъ—дипломатическимъ и историческимъ матеріаламъ, сосредоточивается на новыхъ данныхъ, коими освѣщаются:

1) тотъ моментъ, съ котораго русское правительство перестало настаивать на пропускѣ нашихъ военныхъ судовъ черезъ проливы, какъ было нѣкоторое время разрѣшено по договору 1805 года (ср. дипломатическую переписку, опубликованную на стр. 13, 14, 20 и 23);

2) подробности переговоровъ, между державами, при ближайшемъ участіи Россіи, передъ заключеніемъ международнаго соглашенія 3—15 іюля 1840 г., по египетскимъ дѣламъ (стр. 58—67);

3) нѣкоторыя стороны дипломатической компаніи, предшествовавшей крымской войнѣ и парижскому трактату 1856 года (гл. XI);

4) подробная и впервые въ полномъ видѣ опубликованная дипломатическая переписка, сопровождавшая знаменательную декларацію Россіи отъ 19—31 октября 1870 г., которою односторонне отвергнуты были всѣ ограниченія нашихъ верховныхъ правъ на Черномъ морѣ, созданныя парижскимъ трактатомъ (гл. XII);

5) весьма важныя данныя о переговорахъ и соглашеніяхъ между державами предшествовавшихъ русско-турецкой войнѣ 1877—78 годовъ (гл. XIV); здѣсь въ особенности важно опубли-

кованіе дипломатической переписки, приведшей къ конвенціи о восточныхъ дѣлахъ между Россіею и Австро-Венгріею, подписанной 6-го (18-го) марта 1877 г., текстъ которой былъ до сей поры мало извѣстенъ, такъ какъ объ этомъ нигдѣ еще не было документальныхъ данныхъ, кромѣ нѣкоторыхъ указаній въ сочиненіи С. С. Татищева о царствованіи Александра II.

Указанные здѣсь рельефные пункты изслѣдованія С. М. Горяйнова заслуживаютъ того, чтобы мы къ нимъ возвратились, прибѣгнувъ при этомъ къ нѣкоторымъ цитатамъ изъ богатаго запаса его дипломатическаго матеріала.

II.

Прежде всего посмотримъ, что сообщаетъ намъ С. М. Горяйновъ о томъ, когда и какъ утрачено было нами право прохода нашихъ военныхъ судовъ черезъ проливы?

Порта подписала 11-го (23-го) сентября 1805 года договоръ съ Россіею, въ которомъ статья VII (тайная) была изложена въ слѣдующемъ видѣ:

„Обѣ высокія договаривающіяся стороны соглашаются считать Черное море какъ бы закрытымъ и не допускать появленія никакого военнаго или вооруженнаго судна какой бы то ни было державы. Въ случаѣ же если бы какая-либо изъ нихъ попыталась явиться туда вооруженною, то обѣ высокія договающіяся стороны обязуются считать такую попытку поводомъ къ союзу (casus foederis) и ей препятствовать всѣми своими морскими силами, признавая въ томъ единственное средство для обезпеченія своей взаимной безопасности. При этомъ разумѣется что свободный переходъ черезъ Константинопольскій каналъ не перестанетъ быть открытымъ для военныхъ судовъ и транспортовъ Е. В. Императора Всероссійскаго, которымъ Блистательная Порта, насколько отъ нея будетъ зависѣть, во всякомъ случаѣ окажетъ всякую помощь и предоставитъ всякое облегченіе“.

Договоръ этотъ заключенъ на девять лѣтъ; но въ скоромъ времени Наполеонъ одержалъ надъ нами побѣду при Аустерлицѣ, и на берегахъ Босфора стали внимать настойчивымъ совѣтамъ французскихъ представителей, всячески стремившихся къ тому, чтобы Порта не допускала прохода русскихъ военныхъ судовъ черезъ проливы (приведены здѣсь инциденты съ русскими судами: бригомъ „Ясонъ“ и фрегатомъ „Кильдумъ“—стр. 7 и 8). Нако-

нецъ Порта отказывается отъ исполненія договора и наступаетъ разрывъ и война съ Россіею (11—23 декабря 1806 года). Но вскорѣ, подъ вліяніемъ Тильзитскаго мира, возобновляются переговоры наши съ Турціею (Перемиріе въ Слободзіе—12—24 августа 1807 года). Фельдмаршалу князю Прозоровскому дается порученіе вести переговоры въ Яссахъ, и препровождается ему отъ нашего правительства проектъ договора о мирѣ, для требованія его подписанія Портою. Въ статьѣ 2-й этого проекта упоминалось о возобновленіи всѣхъ предыдущихъ договоровъ съ Турціей, но о договорѣ 1805 г. не было никакихъ указаній, равнымъ образомъ умалчивалось о правѣ русскихъ военныхъ судовъ на проходъ черезъ проливы; очевидно, это преимущество, предоставленное русскому военному флоту по договору 1805 г. для борьбы съ Франціею и прохода судовъ на Іоническіе острова, перешедшіе во власть французовъ, не согласовалось съ условіями Тильзитскаго договора.

Готовясь къ конференціи, созванной въ Яссахъ, князь Прозоровскій начерталъ инструкцію нашимъ уполномоченнымъ генералъ- лейтенанту Милорадовичу, сенатору тайному совѣтнику Кушникову и инженеру генералъ-маіору Гартингу и передалъ имъ выработанныя условія мира, которыя они должны были предложить турецкимъ делегатамъ. Какъ было замѣчено выше, въ проектѣ договора, препровожденномъ князю Прозоровскому, не выговаривалось въ пользу русскихъ военныхъ судовъ право на проходъ черезъ проливы, такъ какъ съ точки зрѣнія Министра Иностранныхъ Дѣлъ условія мира должны были быть согласованы съ договоромъ, заключеннымъ въ Тильзитѣ. Князь Прозоровскій не упустилъ, однако, важнаго преимущества, предоставленнаго нашему флоту Портою въ 1805 г. въ виду усиленнаго настоянія посланника Италинскаго, и включилъ въ условія, подлежащія предложенію турецкимъ уполномоченнымъ на предстоявшей конференціи, статью VIII, по которой:

„Высокая Оттоманская Порта предоставляетъ всякаго рода военнымъ судамъ Русской Имперіи, какихъ бы то ни было размѣровъ и величины, свободный проходъ черезъ Константинопольскій каналъ и Дарданеллы въ Средиземное море и для обратнаго его слѣдованія съ единственнымъ ограниченіемъ, чтобы за разъ не проходило черезъ Константинопольскій каналъ и черезъ Дарданеллы болѣе трехъ военныхъ судовъ. Имъ, однако, будетъ разрѣшено тамъ останавливаться въ случаѣ нуждъ, съ цѣлью чиниться или запасаться, въ чемъ имъ никогда не будетъ оказано препятствій кѣмъ бы то ни было изъ высокой Порты“.

Данная княземъ Прозоровскимъ инструкція и проекты предварительныхъ условій мира была Высочайше одобрены. Въ инструкціи князь Прозоровскій пояснилъ относительно вышеуказанной VIII ст. условій, что она не могла Портѣ причинить ни вреда, ни опасенія, тѣмъ болѣе, что число проходящихъ судовъ крайне ограничено. Въ депешѣ отъ 9-го февраля 1809 г. № 28 на имя графа Салтыкова фельдмаршалъ князь Прозоровскій высказывалъ, что Россія открытыхъ портовъ, кромѣ Архангельска, не имѣетъ, прочіе всѣ состоятъ въ зависимости: балтійскія отъ Зунда, а черноморскіе отъ Дарданеллъ (стр. 14).

Однако переговоры въ данномъ направленіи не привели къ благопріятному результату ни въ 1807, ни въ послѣдующихъ ближайшихъ годахъ. Въ скорости наступили еще другіе парализующіе факторы. Англія вынудила Порту къ подписанію съ нею мирнаго трактата 5-го Января 1809 года, въ коемъ уже предусмотрѣно было (въ ст. XI) правило, безусловно противорѣчившее пропуску военныхъ судовъ, какой бы то ни было державы черезъ проливы. Въ статьѣ этой было сказано: „Въ виду того, что во всякія времена было запрещено военнымъ судамъ входить въ Константинопольскій каналъ, а именно въ проливъ Дарданеллы и Черпаго моря, и такъ какъ это древнее правило Оттоманской имперіи должно быть точно такъ же и впредь соблюдаемо въ мирное время въ отношеніи войскъ державы, какой бы то ни было, то британскій дворъ обѣщаетъ подчиниться равнымъ образомъ этому правилу“.

Однако этотъ новый факторъ не устранилъ сразу возможность и основательность нашихъ стремленій къ возстановленію силы нашихъ правъ по договору 1805 г.

Сближеніе Англіи съ Турціей на почвѣ договора, заключеннаго въ Константинополѣ, вызвало требованіе, предъявленное Россіей къ Портѣ о высылкѣ англійскаго посланника изъ турецкой столицы. Вслѣдствіе неисполненія этого требованія, переговоры о мирѣ были прерваны въ Яссахъ, и приступлено къ военнымъ дѣйствіямъ, продолжавшимся нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ возобновлялись переговоры о мирѣ. Одному изъ главнокомандующихъ, графу Каменскому, былъ высланъ (въ февралѣ 1810 г.) проектъ условій; въ числѣ ихъ приведена ст. XI о правѣ военныхъ судовъ на переходъ черезъ проливы:

„Блистательная Порта Оттоманская дозволяетъ россійскимъ военнымъ судамъ всякаго рода, какого бы названія и какой бы величины они ни были, свободно проходить черезъ Константинопольскій каналъ и Дарданеллы въ Средиземное море, равно

какъ и на возвратномъ оттуда пути, съ тѣмъ только, чтобы черезъ Константинопольскій каналъ и Дарданеллы никогда не проходило вдругъ болѣе трехъ кораблей или другихъ военныхъ судовъ. Имъ не будетъ, впрочемъ, возбраняемо въ случаѣ нужды тамъ останавливаться для починки ли судовъ, или для запасенія себя всѣмъ нужнымъ, въ чемъ никогда не повстрѣчаютъ никакого препятствія со стороны блистательной Порты Оттоманской".

Окончательные переговоры о мирѣ были начаты генераломъ-отъ-инфантеріи Голенищевымъ-Кутузовымъ, который и заключилъ миръ въ Бухарештѣ 16-го мая 1812 года.

При переговорахъ, которые велись съ нашей стороны тайнымъ совѣтникомъ Италинскимъ, генералъ-майоромъ Сабанѣевымъ и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Фонтономъ, не было никакого упоминанія о проливахъ и правѣ прохода русскихъ военныхъ черезъ нихъ. О проливахъ ничего не говорилось уже въ этомъ трактатѣ, такъ что можно считать 1812-й годъ тѣмъ моментомъ, съ котораго вопросъ объ отстаиваніи права прохода нашихъ военныхъ судовъ черезъ проливы утрачиваетъ уже практическое значеніе въ дипломатической перепискѣ. Въ Адріанопольскомъ договорѣ 2-го сентября 1829 г. вовсе не упоминается о правѣ русскаго военнаго флота проходить черезъ проливы. Вопросъ этотъ оставленъ былъ до Ункіаръ-Искелесскаго договора 1833 г.

III.

Мы не будемъ здѣсь касаться изложенія событій: возстанія египетскаго паши Мегемета-Али противъ Порты, дружеской поддержки, оказанной ему Франціею, и энергическаго вмѣшательства Россіи въ турецкія дѣла по личному настоянію Императора Николая Павловича, наконецъ заключенія въ Ункіаръ-Искелесси договора 26-го іюня 1833 года между Россіею и Турціею, по которому Россія обязывалась помогать Турціи съ тѣмъ, что Порта (секретною статьею договора) обязывалась закрывать Дарданеллы для иностранныхъ военныхъ судовъ.

Этотъ договоръ вызвалъ значительную тревогу со стороны западныхъ державъ. Дипломатическая дѣятельность иностранныхъ представителей въ послѣдующихъ годахъ отражаетъ въ себѣ это настроеніе ихъ правительствъ и постепенно подготовляетъ событіе, знаменующее еще разъ поворотъ въ отношеніи Россіи къ вопросу о проливахъ. Мы говоримъ о Лондонской

конвенціи 1—13-го іюля 1841 года, установившей (главнымъ образомъ, по настоянію Англіи) полное закрытіе проливовъ для военныхъ судовъ всѣхъ странъ, съ гарантіею этого начала совокупнымъ обязательствомъ европейскихъ державъ. Исторія этого акта была и раньше достаточно выяснена. Интересъ книги С. М. Горяйнова, при изложеніи періода этихъ годовъ, сосредоточивается на дипломатической перепискѣ, предшествовавшей другому акту, именно—первой Лондонской конвенціи, $^{3}/_{15}$-го іюля 1840 года, которою державы принудили египетскаго пашу къ соглашенію съ Султаномъ. Выдающуюся роль играли здѣсь—баронъ Бруновъ и Пальмерстонъ. Отмѣтимъ мимолетно двѣ мѣткія мысли, попадающіяся попутно и высказанныя двумя выдающимися людьми того времени. Меттерниха, котораго особенно огорчала всякая попытка къ творческой инпціативѣ въ дѣлахъ Востока, остроумно сказать: „Voulons-nous faire vivre la Porte, laissons la tranquille“. Другое глубокое слово—принадлежитъ доживавшему тогда свой вѣкъ фельдмаршалу Веллингтону, который опредѣлилъ надлежащее, съ англійской точки зрѣнія, рѣшеніе вопроса о проливахъ. Когда лордъ Пальмерстонъ спросилъ его, какой системы придерживаться въ восточномъ вопросѣ: стремиться ли къ открытію Мраморнаго моря англійскимъ судамъ, а слѣдовательно, и судамъ другихъ державъ, или къ закрытію его всѣмъ, въ томъ числѣ и англійскимъ? Герцогъ отвѣтилъ Пальмерстону безъ колебанія: „Къ закрытію; мы въ этихъ странахъ слишкомъ отдалены отъ своихъ запасовъ, а у Россіи они подъ рукою“. Это изреченіе очень поразило тогда лорда Пальмерстона.

Въ сущности и русское правительство и государственные люди Англіи стояли за начало закрытія проливовъ всѣмъ военнымъ судамъ; мы требовали закрытія со стороны Средиземнаго моря, охраняя побережье Чернаго моря отъ нападенія флота морскихъ державъ; англичане настаивали на закрытіи Босфора, опасаясь нападенія русскихъ силъ на Константинополь и прорыва ихъ въ Средиземное море (ст. 59).

IV.

Впрочемъ, была еще интересная попытка Горчакова добиться провозглашенія обратнаго начала свободнаго прохода черезъ проливы для всѣхъ націй, съ предоставленіемъ Султану по своей доброй волѣ измѣнять объемъ даруемыхъ каждой націи правъ. Этотъ проектъ былъ заявленъ Горчаковымъ на Вѣнской конфе-

ренціи 1855 года, во время Крымской войны. Очевидецъ происшедшей на конференціи сцены передаетъ довольно пикантныя подробности:

„Какъ пишетъ Титовъ, по прочтеніи проекта князя Горчакова, послѣдовало общее молчаніе которое прервалъ лордъ Джонъ Россель заявленіемъ, что онъ не уполномоченъ своими инструкціями обсуждать проектъ, основанный на началѣ открытія проливовъ; то же самое подтвердили Друэнъ де-Люисъ и австрійцы. Аали-паша объявилъ, что Порта желала бы держаться древняго правила Оттоманской имперіи. Русскіе уполномоченные замѣтили, что нашъ проектъ былъ основанъ на открытіи проливовъ со всѣми существенными выгодами закрытія, тогда какъ союзники подъ видомъ закрытія предложили открытіе, сопряженное съ условіями, попиравшими власть Султана, такъ какъ они были произвольны и клонились исключительно въ выгоду нѣсколькихъ державъ. Друэнъ де-Люисъ вновь заговорилъ о безсмысленной нейтрализаціи Чернаго моря, а затѣмъ вмѣстѣ съ Росселемъ объявилъ, что они уѣзжаютъ, такъ какъ ихъ задача окончена".

„Пятнадцать лѣтъ спустя, а именно въ 1870 году, князь Горчаковъ писалъ относительно сдѣланнаго имъ конференціи предложенія объ открытіи проливовъ, что Англія и Франція его не приняли, желая унизить Россію ограниченіемъ верховныхъ правъ Государя, а турецкій уполномоченный отозвался неимѣніемъ наставленія по сему предмету отъ своего правительства. „Послѣ засѣданія,—продолжаетъ князь Горчаковъ,—я выразилъ Аали-пашѣ свое удивленіе въ томъ, что онъ не поддержалъ моей мысли, которая, если бы осуществилась, предоставила бы Султану такую громадную власть; онъ мнѣ отвѣтилъ, пожимая плечами: „Чего вы хотите? У васъ столько друзей!" (стр. 99).

* * *

Не можемъ не указать на ту юридическую квалификацію договорныхъ отношеній державъ по вопросу о проливахъ, которую даетъ С. М. Горяйновъ при изложеніи значенія Парижскаго трактата 1856 года, въ которомъ эти отношенія окончательно уложились, съ повтореніемъ въ нихъ тѣхъ же началъ, какъ и въ Лондонской конвенціи 1841 года.

Вотъ какъ характеризуетъ авторъ эти договорныя отношенія.

„Обращаясь къ разсмотрѣнію правового характера Парижскаго договора и особой приложенной къ нему конвенціи о про-

ливахъ, мы находимъ, что они, какъ и конвенція 1841 года, должны быть причислены къ договорамъ коллективнымъ. Въ нихъ не заключаются пять отдѣльныхъ обязательствъ пяти великихъ державъ въ отношеніи къ Оттоманской имперіи, но одно обязательство, принятое ими на себя совокупно и нераздѣльно, какъ одна сторона по отношенію къ Султану, какъ къ другой сторонѣ, обязательство, которое онѣ положили соблюдать не только передъ нимъ, но ручаясь другъ за друга между собою, такъ что каждая держава отвѣчала передъ остальными за нарушеніе постановленій договора. Если бы каждая держава отдѣльно обязывалась передъ Портою, то каждая изъ нихъ согласившись съ послѣдней, могла бы отмѣнить заключенный съ нею договоръ, но, въ виду совокупнаго и нераздѣльнаго обязательства, положеннаго въ основаніе Парижскаго трактата, каждая держава связана общимъ поручительствомъ, и отмѣна безраздѣльнаго обязательства могла бы послѣдовать только съ согласія совокупности всѣхъ пяти державъ съ одной стороны и Оттоманской имперіи—съ другой" (стр. 123).

Наконецъ, подводя итогъ всему ходу дипломатической исторіи за время между Ункіаръ-Искелесскимъ договоромъ и Крымской кампаніей, авторъ приходитъ къ тому заключенію, что Россія ничего не выиграла отъ того, что сошла съ того пути, по которому она шла въ 1833 году.

„Призвавъ западныя державы къ совмѣстному охраненію Турецкой имперіи, Россія вызвала противъ себя коалицію, завершившуюся севастопольскимъ погромомъ, вслѣдствіе котораго она потеряла не только всѣ исключительныя преимущества, пріобрѣтенныя ею договорами съ Портою и покровительство надъ единовѣрцами, подданными Султана, но сама лишилась части своихъ владѣній въ Бессарабіи и должна была подчиниться условіямъ, унизившимъ ея достоинство, какъ государства, и препятствовавшимъ ея самостоятельному развитію. Вся внѣшняя политика начала царствованія Императора Александра въ теченіе 15 лѣтъ была устремлена къ выходу изъ этого порабощенія" (стр. 125).

V

Нигдѣ, до сихъ поръ, не было еще столь полнаго и подробнаго опубликованія дипломатическихъ матеріаловъ, относящихся къ декларации Россіи о возстановленіи ея верховныхъ правъ на Черномъ морѣ, какъ въ книгѣ С. М. Горяйнова. Эта

въ высшей степени цѣнная часть сочиненія занимаетъ болѣе 150 страницъ и содержитъ подробнѣйшую исторію Лондонской конференціи, предшествовавшей заключенію договора 1-го (3-го марта) 1871 года, по подлиннымъ протоколамъ, реляціямъ и дипломатическимъ депешамъ. Тщательно обрисована здѣсь личная роль каждаго изъ выдающихся нашихъ дипломатовъ того времени. Генералъ Игнатьевъ, тогдашній русскій посолъ въ Константинополѣ, сочувствуя отмѣнѣ ограничительныхъ постановленій, направленныхъ противъ Россіи на Черномъ морѣ, тѣмъ не менѣе скептически относился къ той формѣ, въ которой послѣдовала наша декларація. Баронъ Брунновъ, получившій за успѣшное окончаніе этого дѣла графскій титулъ (1871 г.), будучи нашимъ посломъ въ Лондонѣ выразилъ съ самаго начала опасеніе и тревогу, и это состояніе духа отразилось на нѣкоторыхъ фазисахъ дѣла, въ которыхъ онъ не сумѣлъ проявить желательную настойчивость. Авторъ выясняетъ, что дѣло увѣнчалось успѣхомъ, благодаря главнымъ образомъ прозорливости нашего тогдашняго Министра Иностранныхъ Дѣлъ, канцлера—князя Горчакова, который съ самаго начала конфликта предвидѣлъ, что все разрѣшится одною канцелярскою войною („une guerre de plume“, стр. 258). Интересно, что эту сторону дѣла вѣрно оцѣнилъ государь Александръ Николаевичъ, какъ видно изъ Высочайшихъ отмѣтокъ на поляхъ нѣкоторыхъ донесеній. Нашъ посланникъ въ Вѣнѣ Новиковъ писалъ тогда канцлеру: „Le Nestor de notre diplomatie a vaillamment combattu a Londres“—(Несторъ нашей дипломатіи [т. е. Брунновъ]—отважно сражался въ Лондонѣ); Государь же отмѣтилъ на поляхъ этого письма: „pas trop“ (не особенно).

Авторъ, анализируя обширное письмо барона Жомини, въ коемъ онъ старается выяснить вліяніе этихъ противорѣчивыхъ факторовъ на исходъ конференціи, задается вопросомъ: гдѣ слѣдуетъ искать сокровенную причину нѣсколько неожиданнаго поворота къ блестящему нашему успѣху, не смотря на отсутствіе должной энергіи со стороны барона Бруннова?

„Податливость русскаго уполномоченнаго на конференціи отразилась въ Константинополѣ не въ нашу выгоду. Турецкіе министры не могли понять, чего мы желали; оттоманскій уполномоченный въ Лондонѣ защищалъ интересы Россіи, а русскій держался противнаго мнѣнія и жаловался на дѣйствія своего коллеги. Прусскій посланникъ въ Константинополѣ, графъ Кайзерлингъ, выражалъ генералу Игнатьеву свое удивленіе въ виду того, что намъ не удавалось достигнуть самыхъ выгодныхъ для

насъ условій, и мы наталкивались на постоянныя препирательства даже при отсутствіи французскаго уполномоченнаго, такъ какъ, если таковой бы принималъ участіе, наше положеніе было бы еще затруднительнѣе".

„Баронъ Жомини въ письмѣ своемъ недоумѣваетъ, подъ какимъ вліяніемъ совершился переворотъ въ умахъ англійскихъ министровъ, которые, сперва воспылавъ воинственною отвагою, затѣмъ притихли и пошли на компромиссъ. Баронъ Жомини приписываетъ эту перемѣну умѣнію посла и его успокоительнымъ рѣчамъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что баронъ Брунновъ былъ отчасти виновникомъ переворота своею уступчивостью англійскимъ преданіямъ и мнѣнію не только въ формѣ, но и по существу вопроса. Намъ кажется, однако, что означенный переворотъ совершился, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что прусскій король Вильгельмъ сталъ открыто на нашу сторону и потребовалъ отъ германскаго канцлера, графа Бисмарка, чтобы онъ содѣйствовалъ всѣмъ своимъ авторитетомъ Императору Александру. Самъ графъ Бисмаркъ принялъ не совсѣмъ доброжелательно русское сообщеніе. Онъ былъ поглощенъ войной съ Франціей и находилъ, что оно было заявлено несвоевременно. Исполняя, однако, волю короля, графъ Бисмаркъ оказалъ Императору существенную поддержку въ своихъ объясненіяхъ съ помощникомъ англійскаго статсъ-секретаря Одо Росселемъ, когда послѣдній прибылъ къ нему на совѣщаніе въ Версаль. Съ этого момента замѣчается переворотъ во взглядахъ англійскаго министерства; оно убѣдилось, что поддержка Пруссіи обезпечена окончательно за Россіей, и склонилось на нашу сторону" (стр. 263).

„Прусскій король сдержалъ свое слово, говоритъ С. М. Горяйновъ, и безъ его дѣятельнаго участія, можно смѣло сказать, Императоръ Александръ II едва ли могъ бы достигнуть мирнымъ путемъ отмѣны стѣснявшихъ его постановленій парижскаго договора" (стр. 264).

VI.

Дипломатической исторіи послѣдней русско-турецкой войны посвящено, въ книгѣ С. М. Горяйнова, не менѣе 70 страницъ (стр. 284—355).

Капитальный интересъ принадлежитъ здѣсь изложенію переговоровъ, происходившихъ между Россіею и Австріею, начиная съ осени 1876 года.

Императоръ Александръ II написалъ 11-го (23-го) сентября 1876 года изъ Ливадіи собственноручное письмо императору Францу-Іосифу, въ коемъ онъ предлагалъ въ случаѣ непринятія султаномъ преобразованій, намѣченныхъ державами, приступить къ понудительнымъ средствамъ, а именно къ занятію австрійскими войсками Босніи и Герцеговины совмѣстно съ занятіемъ русскими Болгаріи и вступленіемъ эскадръ великихъ державъ въ Босфоръ для защиты христіанскаго населенія. Самымъ важнымъ предметомъ обсужденія являлся вопросъ о совмѣстномъ дѣйствіи австрійскихъ и русскихъ войскъ.

Императоръ Францъ-Іосифъ отвѣтилъ Александру II письмомъ 2-го октября (20-го сентября) того же года, въ коемъ высказалъ, что онъ преимущественно разсчитывалъ на дѣйствія эскадръ, а въ случаѣ, если эта мѣра не могла осуществиться, то онъ допускалъ вмѣшательство австрійскихъ и русскихъ войскъ, но въ видѣ окончательнаго занятія областей, предусмотрѣнныхъ рейхштадтскимъ соглашеніемъ. Временное занятіе Босніи и Герцеговины Францъ-Іосифъ отвергалъ. Если-бъ увлеченный народнымъ движеніемъ Александръ II рѣшился одинъ напасть на Турцію, то Францъ-Іосифъ обѣщалъ ему въ этомъ не препятствовать, но выговаривалъ себѣ право двинуть свои войска къ границамъ Босніи для защиты интересовъ своей имперіи (стр. 297).

Изъ дальнѣйшей переписки, въ октябрѣ и ноябрѣ 1876 г., видно, что Александръ II продолжалъ настаивать на идеѣ союза съ Франценъ-Іосифомъ и писалъ ему:

„Опытъ прошлаго времени и прошедшаго года доказали совершенную безполезность совѣщаній изъ шести державъ. Договоры, связывающіе великія державы, составлены какъ будто съ тою мыслью, чтобы обезпечить за турками полную безнаказанность въ виду отсутствія всякаго единодушія Европы. Нѣтъ никакого основанія надѣяться, чтобы наступилъ конецъ этому состоянію вещей, которое съ каждымъ днемъ становится нестерпимѣе. Я, съ своей стороны, рѣшился съ нимъ покончить и совершить то, что всѣ нашли, въ принципѣ, справедливымъ, человѣчнымъ и необходимымъ. Признаюсь, я сожалѣю, что ты не желаешь открыто дѣйствовать сообща со мною. Я разсчитываю на твое косвенное участіе, чтобы устранить неудобства, происходящія отъ слѣдованія отдѣльными путями, вслѣдствіе чего событія могутъ чередоваться противъ нашей воли, безъ всякаго порядка (à la dérive)“ (стр. 301).

Въ скорости послѣ того было приступлено къ обсужденію проекта военной конвенціи между Россіею и Австріею.

По этой конвенціи Австрія согласилась на участіе сербскихъ и черногорскихъ войскъ въ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ съ нашими внѣ предѣловъ ихъ княжествъ, а занятіе Сербіи было положительно воспрещено нашимъ войскамъ. Подписаніе этой первой конвенціи состоялось 3-го (15-го) января 1877 года (стр. 304).

Вслѣдъ затѣмъ былъ изготовленъ графомъ Андраши проектъ второй конвенціи по вопросамъ территоріальнымъ. Суть этого соглашенія сводилась къ тому, что „въ случаѣ передѣла Турецкой имперіи вслѣдствіе войны, Россія получала обратно, согласно рейхштадтскому уговору, часть Бессарабіи, отошедшую отъ нея въ 1856 г., и взамѣнъ Босніи и Герцеговины, занимаемыхъ Австріею, Батумъ и территорію въ Азіи, равную пространствомъ Босніи и Герцеговинѣ. Подробности изложены у С. М. Горяйнова на стр. 305—308.

Указанная (вторая) конвенція была подписана Новиковымъ и графомъ Андраши въ Пештѣ 6-го (18-го) марта 1877 года, но значится подъ числомъ 3-го (15-го) января.

* * *

Берлинскій трактатъ утвердилъ, по вопросу о проливахъ, тѣ положенія, которыя были уже раньше выражены въ международныхъ актахъ 1841 и 1856 годовъ. Задаваясь, въ заключеніи своей книги, критической оцѣнкой этихъ положеній, С. М. Горяйновъ находитъ, что они одобренія, съ нашей точки зрѣнія, не заслуживаютъ. Закрытіе проливовъ иностраннымъ судамъ никакой пользы намъ не приноситъ. Въ мирное время оно только мѣшаетъ движеніямъ нашихъ судовъ. Въ военное же оно не имѣетъ никакого значенія: въ случаѣ нашей борьбы съ одной изъ западныхъ державъ, когда строгое соблюденіе начала закрытія должно обезпечивать безопасность нашихъ владѣній на Черномъ морѣ, мы не можемъ быть увѣрены, какъ этому учатъ насъ примѣры прошедшаго, въ томъ, что проливы не будутъ открыты нашимъ противникамъ, для слѣдованія ихъ судовъ въ Черное море. При такомъ характерѣ существующей силы конвенцій, которыхъ, конечно, нельзя измѣнить иначе, какъ съ общаго постановленія всѣхъ державъ Европы, авторъ задается вопросомъ, не было ли бы для насъ прямо выгоднымъ добиваться обратнаго начала—полнаго открытія проливовъ всѣмъ и каждому? Рѣшеніе этого вопроса стоитъ, конечно, въ тѣсной связи съ положеніемъ дѣла нашей южной береговой обороны.

„Со стороны Россіи согласіе ея на введеніе новаго порядка было бы равносильно признанію присущаго ей могущества не нуждающимся для защиты береговъ Чернаго моря и черногорскаго флота въ искусственной мѣрѣ, преграждающей доступъ иностранныхъ военныхъ судовъ къ морю, омывающему богатѣйшую часть Россійской Имперіи“ (Стр. 355).

Этими словами С. М. Горяйновъ заканчиваетъ свое изслѣдованіе. Опредѣливъ высокое значеніе этого труда, съ точки зрѣнія дипломатической исторіи, укажемъ еще на то, что книга иллюстрирована прекрасно исполненными портретами: графа Нессельроде, Италинскаго, Бутенева, графа Орлова, князя Горчакова, барона Бруннова, графа Шувалова, Нелидова и графа Игнатьева. Кромѣ того приложена виньетка: „Подписаніе предварительнаго мира въ Санъ-Стефано“.

А. Башмаковъ.

ИЗЪ СЛАВЯНСКИХЪ ПОЭТОВЪ.

Я. Верхлицкій.

Испытанія Вицвамитры.

Былъ Вицвамитра полонъ доброты,
Участливъ, деликатенъ, неспособенъ
Обидѣть даже мухи, даже травки,
Не говоря ужъ про людей!—И что же?
Судьба надъ нимъ какъ будто издѣвалась:
Всѣ лучшія мечты его и планы
Народомъ истолковывались ложно:
За доброту его тираномъ звали;
За ласку—хитрымъ деспотомъ онъ слылъ;
Участье въ немъ считали лицемѣрьемъ.

Да что народъ! жена его—и та
Въ невѣрности его подозрѣвала
И на него смотрѣла съ недовѣрьемъ,
Хоть былъ онъ чистъ, какъ лотосъ, что цвѣтетъ
На глади водъ, отъ берега далеко.
Она его двуличнымъ называла,
Тогда какъ онъ, стараясь угодить ей,
Дарилъ ей все, что только могъ въ богатой
Странѣ своей найти. Все было даромъ!
Измѣнникомъ онъ былъ въ ея глазахъ,
Какъ ни грустилъ онъ, какъ о томъ ни плакалъ.

И на него уныніе нашло.
Безъ отдыха трудился онъ день цѣлый,
Безъ сна на ложѣ ночи проводилъ
И осыпалъ упреками супругу

И свой народъ, да только все безъ толку,
И каждый оставался при своемъ.
Какъ листъ осенній, тихо увядалъ онъ
Подъ игомъ незаслуженнаго горя,
Какъ тѣнь блуждая по садамъ роскошнымъ
И переходамъ пышнаго дворца.

И вотъ къ нему приходитъ знаменитый
Браманъ съ сѣдой почтенной бородою,—
Нарада, житель дѣвственныхъ лѣсовъ.
Онъ слылъ премудрымъ. Съ первыхъ словъ признанья
Онъ понялъ скорбь, гнетущую царя,
И, руки на груди своей скрестивши,
Сказалъ ему, упорно глядя въ землю:
„Мой добрый царь, я дамъ тебѣ совѣтъ.
Перемѣнись—и все пойдетъ иначе;
Будь къ людямъ твердъ, отдѣлывайся гордымъ
Пинкомъ ноги отъ нищаго при встрѣчѣ,
Тѣла рабовъ, упавшихъ предъ тобою
На землю ницъ, дави подъ колесницей,
Предъ сиротами длань свою сомкни,
Будь деспотомъ, какимъ тебя прозвали,
Обманывай не только свой народъ,
Но и жену—они того хотѣли.
Приблизь къ себѣ наложницъ-баядерокъ—
На это ты какъ царь имѣешь право!
Рви безъ пощады свѣжіе цвѣты,
Казни какъ можно болѣе головъ
(Хотя бы и ни въ чемъ невиноватыхъ)
Топчи страдальцевъ на смерть, ежедневно
Слоновъ своихъ ногами,—и повѣрь,
Что о тебѣ заговоритъ повсюду
Стоустая молва: Великій царь!
У тѣхъ, кто съ нимъ, душа уходитъ въ пятки,
Въ изгибахъ платья смерть съ собой онъ носитъ
И грозной мощи длань его полна!
И будутъ люди падать на колѣни,
Едва твой паланкинъ вдали завидятъ,
И тигра королевскаго жена
Припять къ себѣ на ложѣ будетъ рада.
Такъ поступай, и ты покой обрящешь.
Вотъ мой совѣтъ!“

И съ этими словами
Хотѣлъ онъ уходить, но на порогѣ
Еще разъ оглянулся на царя:
Какъ тяжкій грѣшникъ голову понуривъ,
Въ унынiи онъ сидѣлъ; слезы градомъ
По бѣлому лицу его катились,
Уста его безпомощно дрожали.

Спасибо за совѣтъ тебѣ, Нарада!
Его—я знаю—опытность твоя
И знанiе людей продиктовали,
И къ цѣли онъ привелъ бы несомнѣнно,..
Но—ты меня прости!—я не сумѣю,
Я не смогу инымъ быть, чѣмъ теперь.
Ужъ лучше выносить непониманье
И ненависть народа и жены
И умереть отъ скорби и болѣзней,
Дождавшись преждевременныхъ сѣдинъ,
Чѣмъ дѣлать зло, насилуя себя.
Прости меня за жалобы и ропотъ.
Кто измѣнить характера не можетъ,
Тотъ и роптать на свой удѣлъ не вправѣ".
Порогъ переступалъ уже Нарада,
Но, увидавъ царя въ слезахъ, вернулся
И голосомъ дрожащимъ произнесъ:
„Я вижу, что совѣтъ мой не годится.
Терпи и впредь, но оставайся добрымъ,—
Вотъ высшiй подвигъ,—и въ своемъ несчастьи
Ты счастiе найдешь".
И онъ упалъ
Къ ногамъ царя и сталъ съ нимъ вмѣстѣ плакать.

Съ чешскаго перевелъ
Н. Н. Новичъ.

Къ характеристикѣ И. В. Кирѣевскаго.

Въ первомъ номерѣ „Русскаго Архива“ за нынѣшній годъ напечатаны письма И. В. Кирѣевскаго изъ чужихъ краевъ, въ бытность его тамъ въ 1830 году. Эти письма передаютъ тѣ впечатлѣнія, которыя переживалъ ихъ авторъ при созерцаніи западноевропейскаго ученаго міра. Собиратель „Русскаго Архива“ въ своемъ примѣчаніи къ нимъ, справедливо отмѣчаетъ самостоятельность сужденій И. Кирѣевскаго и, главное, отсутствіе того слѣпого благоговѣнія передъ свѣтилами европейской науки, какое зачастую наблюдается въ сужденіяхъ позднѣйшихъ поколѣній, которыя безоглядно набирались западной мудрости, и про которыхъ Тютчевъ мѣтко выразился, что въ глазахъ Европы они не слуги просвѣщенія, а его холопы. Для будущаго составителя біографіи И. В. Кирѣевскаго эти письма послужатъ въ разрѣшеніи вопроса о томъ, насколько сознательно было въ немъ въ ту пору увлеченія западничествомъ, тѣмъ болѣе, что его сужденія о состояніи нѣмецкой науки и нѣкоторыхъ ея представителей удивительно сходятся съ сужденіями о томъ же другого свидѣтеля, до конца дней своихъ пребывшаго вѣрнымъ западника.

Въ письмѣ изъ Берлина отъ 20 февраля И. Кирѣевскій пишетъ: „Историческія лекціи здѣсь не стóятъ ни гроша, не потому, чтобы профессора не были люди ученые, и особенно въ своей части, но потому, что они читаютъ отмѣнно дурно... Раумеръ, славный ученый Раумеръ, всю лекцію наполняетъ реляцій и другихъ выписокъ изъ публичныхъ листовъ. Эти реляціи и выписки по большей части на французскомъ языкѣ; вообразите же, какъ пріятно передаютъ ихъ нѣмецкія уста. Нѣмéцкія остроты ихъ еще пріятнѣе. Особенно острятся Штуръ и Раумеръ. Когда удается имъ сказать что-нибудь соленое, т. е. соленое на нѣмецкій вкусъ, то они такъ обрадуются этой находкѣ, что жуютъ и пережевываютъ свою соль до тѣхъ поръ, пока она совершенно распустится, а между тѣмъ вся аудиторія хохочетъ. Вообще исторія здѣсь не въ большомъ уваженіи, и тогда какъ въ университетѣ больше 2000 студентовъ, у профессоровъ исторіи ихъ бываетъ

отъ 40 до 50 человѣкъ. У Раумера на предпослѣдней лекціи было 37, вмѣстѣ съ нимъ и со мной"...

Черезъ семь лѣтъ былъ въ Берлинѣ Грановскій и о Раумерѣ онъ писалъ приблизительно то же самое. „Я въ восторгѣ отъ лекцій Ранке. О Раумерѣ нельзя этого сказать. Онъ много знаетъ, но холоденъ и мелоченъ. Говоритъ о пустякахъ, которые всякому извѣстны, и сверхъ того не имѣетъ рѣшительно никакого твердаго мнѣнія отъ желанія быть безпристрастнымъ. Я прочелъ его Гогенштауфеновъ, многому научился изъ этой книги, но нашелъ въ ней тѣ же недостатки, какъ и въ лекціяхъ его. Впрочемъ, предметъ такъ хорошъ, что забываешь историка и дѣлаешься зрителемъ и участникомъ страшной драмы... Раумеръ читаетъ очень плохо"... [1]).

Въ томъ же письмѣ П. Кирѣевскій выражаетъ совершенно иное отношеніе къ другому профессору—Риттеру. „Есть однако здѣсь одинъ профессоръ, который одинъ можетъ сдѣлать чтенье въ Берлинѣ полезнымъ и незамѣнимымъ—это Риттеръ профессоръ географіи. Каждое слово его дѣльно, каждое соображеніе ново и вмѣстѣ твердо, каждая мысль всемірна. Малѣйшій фактъ умѣетъ онъ связать съ бытіемъ всего земного шара. Присоедините къ этому простоту, ясность, легкость выраженія, краснорѣчіе истины, и вы поймете, отчего я не пропускаю почти ни одной его лекціи"...

Отзывъ Грановскаго въ томъ же родѣ. „Изъ профессоровъ слушаю прилежно только Риттера и Ранке. Какіе люди! О Риттерѣ говорить много нечего, онъ довольно извѣстенъ вездѣ" [2]).

Помѣщенныя во второмъ номерѣ письма И. В. Кирѣевскаго любопытны и важны въ другомъ отношеніи. Правда, нѣкоторыя изъ нихъ (письма къ А. И. Кошелеву) появляются въ печати не впервые (они перепечатаны изъ приложеній къ книгѣ Н. Колюпанова „Біографія А. И. Кошелева"). Но одно изъ нихъ имѣетъ непосредственное отношеніе къ предыдущимъ письмамъ изъ чужихъ краевъ и характерно для общей обрисовки отношенія славянофиловъ къ западному просвѣщенію. Это письмо относится уже къ той порѣ, когда И. В. Кирѣевскій сдѣлался ярымъ славянофиломъ, а между тѣмъ его отношеніе къ Западу вырисовывается вовсе не въ томъ враждебно-партійномъ смыслѣ, какъ обыкновенно, съ диллетантской точки зрѣнія, принято трактовать

[1]) Т. Н. Грановскій и его переписка. Т. II, стр. 395 и 398.
[2]) Тамъ же, стр 395.

это отношеніе славянофиловъ. По поводу какой-то неизвѣстной статьи Кошелева И. Кирѣевскій—писалъ ему. „Мнѣ кажется, что у тебя не довольно развита главная мысль, мелькомъ сказанная въ концѣ, т. е. что просвѣщеніе западное только вредною стороною своею противно русскому православному духу, но существенная сторона его не только не противна духу русскому, но еще необходима для его полнѣйшаго развитія, какъ и православное направленіе необходимо для полнѣйшаго развитія самаго западнаго просвѣщенія, что начала русской основной образованности только потому особенны отъ западныхъ, что они высшая ихъ ступень, а не по тому, чтобы были совершенно иныя. Но этой то причинѣ русская особенность и можетъ своимъ развитіемъ задушить вредную сторону западной образованности, что направитъ ее въ сторону истинную; по этой же причинѣ и сама русская особенность можетъ быть задушена западнымъ просвѣщеніемъ, если ей не дадутъ развиться во́ время, прежде чѣмъ ложное направленіе Запада возьметъ совершенно верхъ надъ русскою особенностью въ Россіи. Оттого совершенно справедливо говоришь ты, что упустить благопріятное время было бы ошибкою, можетъ быть, неисправимою. Недостаточность и даже вредность мѣръ запретительныхъ очевидна изъ того, что русская особенность не есть развитое и готовое просвѣщеніе, но только его основаніе, только направленіе, дрожжи, которыя должны перебродить въ мукѣ, чтобы вышелъ хлѣбъ. Если бы возможно было остановить входъ въ Россію западнаго просвѣщенія, то изъ этого вышло бы то послѣдствіе, что русскій умъ пришелъ бы въ еще бо́льшую подчиненность Западу, котораго вліяніе сдѣлалось бы еще сильнѣе“...

На основаніи всего изложеннаго вполнѣ можно согласиться съ почтеннымъ собирателемъ интересныхъ матеріаловъ, составляющихъ содержаніе „Русскаго Архива“, что И. В. Кирѣевскій, равно какъ и его братъ, навсегда останутся въ исторіи нашего просвѣщенія свѣтлыми представителями Россіи какъ личности, одаренныя широтой побужденій и понятій и въ силу этого выразившія печатнымъ путемъ лишь крохотную долю умственнаго и душевнаго богатства: у кого слишкомъ широки объятья, тотъ плохо сжимаетъ.

Л. Л—въ.

Русскій языкъ у несвободныхъ славянъ.

Когда въ первой половинѣ прошлаго вѣка раздались въ славянскихъ земляхъ голоса о необходимости для славянской семьи народовъ остановиться на одномъ изъ славянскихъ языковъ, избравши его въ качествѣ междуславянскаго языка въ политическихъ, экономическихъ, даже научныхъ и литературныхъ сношеніяхъ, то голоса раздѣлились. Одни стояли за необходимость составленія искусственнаго междуславянскаго языка на почвѣ существующихъ уже славянскихъ нарѣчій; другіе искали спасенія въ обращеніи къ старославянской стихіи; третьи считали полезнымъ избрать наиболѣе распространенный, четвертые—наиболѣе благозвучный изъ славянскихъ языковъ; иные наконецъ стояли за избраніе въ качествѣ междуславянскаго—языка наиболѣе культурнаго славянскаго народа. Среди юго-славянъ, частью боровшихся тогда противъ турецкаго юга, частью стонавшихъ подъ этимъ игомъ, указанная идея была довольно слаба; зато у славянъ, находившихся подъ западно-европейскимъ господствомъ, какъ то у чеховъ, словаковъ, поляковъ, словенцевъ, хорватовъ и австрійскихъ сербовъ эта идея получила широкое распространеніе и вызывала массу споровъ. Среди передовыхъ горячихъ борцовъ противъ распространенія у славянъ нѣмецкаго языка въ роли языка междуславянскаго все громче и яснѣе стали раздаваться голоса, требующіе не платоническихъ мечтаній, а реальнаго противопоставленія всеславянскому, т. е. нѣмецкому языку достойнаго и надежнаго для отпора орудія; такимъ орудіемъ представлялся многимъ русскій языкъ; за него горячо стояли, какъ за междуславянскій чехи Ганка. А. Марекъ и І. Юнгманнъ, словаки Л. Штуръ и его единомышленники словенецъ М. Маяръ, хорватъ И. Кукулевичъ и др. Главнымъ ихъ мотивомъ въ пользу русскаго языка была мощь Россіи и распространенность русскаго языка въ Европѣ и Азіи; многіе изъ нихъ были даже не противъ насильственнаго введенія русскаго языка въ случаѣ, если бы тѣ или иные славяне не захотѣли принять его добровольно; благіе результаты этой суровой мѣры были

бы оцѣнены лишь потомками. Какъ бы то ни было, но горячая проповѣдь указанныхъ сторонниковъ русскаго языка, не приведшая, какъ и всякая проповѣдь, къ особенно осязательнымъ результатомъ, подготовила почву для ихъ преемниковъ, продолжавшихъ дѣло своихъ учителей при измѣнившихся условіяхъ. А условія постепенно измѣнялись въ сторону, благопріятную для междуславянской, а тѣмъ самымъ и міровой роли русскаго языка. Если въ началѣ XIX вѣка можно было легко возражать противъ благозвучія и красоты русскаго литературнаго языка, то послѣ Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Крылова, Тургенева и т. д., враговъ русскаго языка съ этой точки зрѣнія становилось все меньше и меньше; если при недостаточномъ развитіи науки, а слѣдовательно и научной терминологіи въ XVIII и началѣ XIX в. русскій языкъ являлся мало совершеннымъ съ указанной точки зрѣнія, то университеты, академія и научныя изданія и журналы значительно измѣнили картину къ лучшему за XIX вѣкъ; природныя богатства и гибкость русскаго языка получили признаніе авторитетныхъ дѣятелей западноевропейскаго слова, какъ Гакстхаузена, Боденштедта, Варнгагенафонъ-Энзе, Мериме, Вогюэ и др.; школа русскаго художественнаго реализма не прошла безъ вліянія на французскую, нѣмецкую, скандинавскую и итальянскую литературы, а съ появленіемъ Л. Толстого міровое значеніе русской литературы достигло небывалой высоты. Развитіе русскихъ желѣзныхъ дорогъ, торговли, промышленности стало все сильнѣе и сильнѣе содѣйствовать и успѣхамъ русскаго языка въ западной Европѣ, гдѣ его стали преподавать въ коммерческихъ школахъ, изучать частнымъ путемъ теоретически и при путешествіяхъ въ Россію практически. Въ университетахъ Германіи, Франціи, Англіи, Австріи стали заводиться лектуры русскаго языка и каѳедры по русской литературѣ и исторіи; даже въ средней общеобразовательной школѣ, особенно во Франціи и въ Германіи, стало вводиться преподаваніе русскаго языка въ качествѣ необязательнаго предмета. Если сама жизнь содѣйствовать такимъ образомъ завоеваніямъ русскаго языка въ земляхъ германскаго міра, то въ единоплеменномъ славянскомъ мірѣ можно было бы ожидать еще большихъ успѣховъ русскаго языка, но за немногими исключеніями на первый взглядъ этого не наблюдается.

Начнемъ съ офиціальной школы въ славянскихъ земляхъ Австро-Венгріи. Въ университетахъ необходимо признать положеніе русскаго языка стоящимъ на надлежащей высотѣ; первое въ данномъ случаѣ мѣсто занимаетъ чешская Прага, гдѣ имѣется

два лектора русскаго языка д-ръ Коларжъ и д-ръ Штепанекъ, и гдѣ профессора Поливка, Махалъ, Пастрнекъ, Бидло и др. въ курсахъ литературы и исторіи отводятъ надлежащее мѣсто русскому элементу, а извѣстный дѣятель профессоръ Масарикъ и редакторъ журнала „Slov. Pregled (Слав. обзоръ) д-ръ Черный знакомятъ университетскую молодежь съ современной Россіей [1]). Въ Загребскомъ университетѣ дѣло ознакомленія съ русскимъ языкомъ и литературой находится въ рукахъ хорошо знающаго русскій языкъ проф. Маретича; кромѣ того касаются Россіи въ своихъ чтеніяхъ и профессора сербо-хорватской исторіи и литературы; наконецъ въ Загребѣ же профессорствуетъ и извѣстный составитель руководства для изученія русскаго языка проф. Будмани. Въ Краковскомъ университетѣ съ недавняго времени введена лектура русскаго языка, находящаяся въ рукахъ молодого отлично владѣющаго русскимъ языкомъ поляка г. В. Наконечнаго. Въ Львовскомъ университетѣ до сихъ поръ изученія русскаго языка не было. Изъ полу-славянскихъ по составу учащихся и нѣмецкихъ по языку преподаванія университетовъ Австріи на первое мѣсто какъ по ученымъ силамъ, такъ и по отношенію къ русскому языку долженъ быть поставленъ Вѣнскій университетъ; здѣсь читаетъ лекціи и ведетъ славянскій семинарій такой знатокъ Россіи, какъ нашъ академикъ проф. И. В. Ягичъ, изъ подъ пера котораго вышла масса цѣнныхъ трудовъ для Россіи и всего славянства, и изъ подъ руководства котораго вышло и, надо надѣяться, еще долго будетъ выходить много славистовъ; благодаря И. В. Ягичу постоянно растетъ русскій отдѣлъ библіотеки славянскаго семинарія, и имѣются постоянныя сношенія Вѣнскаго университета съ университетами русскими, такъ какъ русскіе и солидные, и начинающіе ученые не рѣдко посѣщаютъ знаменитаго слависта, его лекціи и семинаріи и сотрудничаютъ въ его журналѣ „Archiv für slavische Philologie“; другой извѣстный ученый, проф. Иречекъ, являясь знатокомъ не только южнаго и западнаго славянства, но и Россіи, тоже сообщаетъ слушателямъ порой свѣдѣнія и по ея исторіи; ознакомленіемъ университетской молодежи съ русскимъ языкомъ занимается владѣющій имъ молодой, но уже извѣстный въ наукѣ проф. Решетаръ; сотрудникомъ русскихъ научныхъ изданій является и четвертый Вѣнскій профессоръ славистики г. Вондракъ. Постоянной лектуры рус-

1) Не всегда, впрочемъ, съ должнымъ безпристрастіемъ. Прим. Редакціи.

скаго языка въ Вѣнѣ однако же до послѣдняго времени не было, хотя за знающими хорошо русскій языкъ и бывавшими въ Россіе молодыми докторами Вѣнскаго университета дѣло бы, конечно, не стало. Въ Грацкомъ университетѣ съ русскимъ языкомъ и литературой знакомитъ слушателей бывшій въ научной командировкѣ въ Россіи и владѣющій русскимъ языкомъ проф. Мурко. О положеніи русскаго языка въ Черновицкомъ университетѣ свѣдѣній пока не удалось добыть. Въ венгерскомъ университетѣ въ Будапештѣ знакомитъ съ Россіей и русскимъ языкомъ слушателей проф. Ажботъ. Что касается университетовъ Германіи, то полу-славянскимъ мы назвали бы Бреславльскій университетъ, въ которомъ не только значительная часть слушателей—поляки, но и славянскій семинарій ведется маститымъ проф. Нерингомъ на польскомъ языкѣ; въ этомъ университетѣ не только проф. Нерингъ читаетъ курсы по русской литературѣ и касается въ семинаріи русскихъ научныхъ трудовъ, но имѣется и спеціальный лекторъ русскаго языка проф. Абихтъ, очень хорошо говорящій по русски, составившій цѣнное руководство для учащихся русскому языку и съ успѣхомъ обучающей ему польскую и нѣмецкую молодежь. Въ Варшавскомъ университетѣ постановка изученія Россіи стояла, какъ извѣстно, до сихъ поръ особенно высоко, располагая каѳедрами исторіи русскаго языка, исторіи русской литературы, 2 каѳедрами русской исторіи и лектурой русской языка; было бы большой потерей съ славянской точки зрѣнія, еслибы съ перенесеніемъ университета изъ Варшавы въ центръ имперіи пало на этой славянской окраинѣ Россіи научное, чуждое всякаго политиканства ознакомленіе съ нею.

Оставляя пока въ сторонѣ свободныя славянскія земли Сербію, Черногорію и Болгарію въ ихъ отношеніи къ изученію русскаго языка, обратимся отъ высшей школы въ несвободныхъ славянскихъ земляхъ къ школамъ средней и низшей. Въ данномъ случаѣ мы увидимъ, что славянскія земли Чехія, Польша (кромѣ русской ея части), Словакія, Хорватія, Словенія и австрійская Сербія, а равно Далмація, Боснія, Герцеговина и земля лужицкихъ сербовъ стоятъ по постановкѣ изученія русскаго языка гораздо ниже Франціи и Германіи. Во всей Чехо-Моравіи намъ извѣстна одна лишь средняя школа, гдѣ есть необязательное преподаваніе русскаго языка; это—высшая женская школа въ Прагѣ; преподавательницей русскаго языка была тамъ до послѣдняго времени нынѣ уже покойная г-жа Грачкова; въ польской, словенской и сербской школѣ изученія русскаго языка,

какъ и въ чешской и хорватской мужской школѣ нѣтъ совсѣмъ; у словаковъ, какъ извѣстно, либеральный мадьярскій парламентъ отнялъ совершенно право имѣть національную среднюю школу, такъ что слѣдовательно о ней не можетъ быть и рѣчи; въ одной изъ хорватскихъ женскихъ среднихъ школъ, именно въ загребскомъ лицеѣ, ведется изученіе русской литературы въ курсѣ литературѣ общей, но изученія русскаго языка нѣтъ и здѣсь.

Въ низшей школѣ несамостоятельныхъ славянскихъ земель объ ознакомленіи съ русскимъ языкомъ и подавно не было рѣчи, коль скоро средняя школа съ этой точки зрѣнія представляетъ такую печальную картину, какъ вышеуказанная. Винить однако славянъ подневольныхъ земель въ худшей, чѣмъ у нѣмцевъ и французовъ, постановкѣ школьнаго изученія русскаго языка не приходится, такъ какъ это происходитъ обыкновенно не отъ ихъ нежеланія, а отъ политики ихъ правительствъ; правительственная опека даже въ школьныхъ учебникахъ доводитъ свѣдѣнія по исторіи и географіи Россіи до minimum'а, и не отъ нея, конечно, ожидать введенія русскаго языка въ школьныя программы.

Изученіе русскаго языка въ оффиціальной школѣ несвободныхъ славянскихъ земель встрѣчаетъ, какъ было отмѣчено, препятствіе со стороны правительственныхъ сферъ; однако сознаніе славянскими народами важности для нихъ знанія русскаго языка и желаніе при помощи этого языка съ одной стороны получить въ руки ключъ къ сокровищамъ русской литературы, этого зеркала русской жизни, а съ другой стороны найти средство для взаимнаго пониманія другъ друга при междуславянскихъ отношеніяхъ побудили славянъ Австріи искать иного, чѣмъ школа, пути къ удовлетворенію вышеуказанной потребности; этимъ путемъ оказалось созданіе „кружковъ любителей русскаго языка", число которыхъ съ каждымъ годомъ растетъ. Починъ дали неутомимые труженики на почвѣ развитія идеи славянской взаимности—чехи [1]), которые, не смотря на рядъ препятствій, добились еще въ концѣ 70 годовъ разрѣшенія Пражскаго русскаго кружка; имена даровитыхъ и полныхъ вѣры въ Россію основателей этого учрежденія съ д-ромъ Браунеромъ во главѣ должны остаться навсегда памятными въ исторіи Пражскаго кружка любителей русскаго языка и друзей русскаго народа, а въ мѣстѣ съ тѣмъ и въ памяти всѣхъ друзей чешско-русскаго сближенія; помимо обученія русскому языку, въ праж-

1) Подробнѣе см. наши очерки о чехахъ въ Слав. Изв. 1905 и 1907 г.

скомъ, какъ и въ послѣдовавшихъ за нимъ кружкахъ, устраиваются лекціи о Россіи, бываютъ конверзаціонные и музыкально-вокальные русскіе вечера, чествуется память великихъ дѣятелей слова и мысли въ Россіи, а иногда и ставятся драматическія произведенія на русскомъ языкѣ. Доступность платы, удачное веденіе дѣла преподаванія и глубина чешскихъ симпатій къ нашему народу создали то, что русскій кружокъ въ Прагѣ не только процвѣтаетъ самъ, но и далъ толчокъ основанію подобныхъ кружковъ какъ въ предмѣстьяхъ Праги, такъ и по всему лицу чешской и моравской земли; изъ предмѣстій Праги имѣютъ въ настоящее время свои спеціальные русскіе кружки Смиховъ и Виноградъ, при чемъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ дѣло изученія русскаго языка идетъ съ одушевленіемъ и успѣхомъ; въ случаѣ пріѣзда русскихъ гостей-лекторовъ, артистовъ и т. д. всѣ кружки Праги и предмѣстій объединяются при посѣщеніи лекцій, концертовъ и т. д. „Славянскій клубъ“ въ Прагѣ тоже открылъ у себя лекціи русскаго языка и удачно ведетъ дѣло обученія ему. Энергія предсѣдателей и дѣятелей кружковъ, усердіе учащихся и готовность учителей безвозмездно жертвовать свое время и трудъ идейному дѣлу поставили пражскіе русскіе кружки на заслуживающую подражанія высоту. Большее оживленіе русско-чешскихъ сношеній за послѣднее время еще болѣе содѣйствуетъ процвѣтанію указанныхъ кружковъ чешской столицы, и надо полагать, что при болѣе дѣятельномъ посѣщеніи русскими гостями Праги русскаго кружка исчезнетъ и отсутствіе для чеховъ достаточной практики въ русскомъ языкѣ. Усиленіе торговыхъ сношеній Россіи съ Чехіей, сближеніе русскихъ и чешскихъ журналистовъ, моральная, а равно и матеріальная поддержка книгами чешскихъ друзей со стороны русскихъ людей были бы особенно желательными явленіями въ дѣлѣ укрѣпленія русско-чешской связи, не малымъ подспорьемъ для которой могло бы служить и давно желаемое чехами учрежденіе русскаго консульства въ Прагѣ; русская церковь въ Прагѣ въ лицѣ членовъ ея причта вложила уже не малую лепту въ дѣло усиленія этой связи.

Серьезность постановки чехами дѣла изученія нашего языка должна быть отмѣчена не только въ отношеніи къ чешской столицѣ, но и къ провинціи; здѣсь особенно большой похвалы заслуживаетъ дѣятельность неутомимаго создателя русскихъ кружковъ по Чехіи г. Шаманка съ именемъ котораго связано основаніе русскихъ кружковъ въ Либерцахъ, Турновѣ, Новой Пакѣ, Краловомъ Дворѣ и др. чешскихъ городахъ; выдающеюся энер-

гіей отличается и предсѣдатель кружка любителей русскаго языка въ Индриховомъ Градцѣ г. Гоура. Однимъ словомъ, сѣть русскихъ кружковъ, покрывающая собою чешскую землю и составляющая своего рода учебный округъ, является знаменательнымъ фактомъ въ исторіи славянскихъ отношеній.

Подобно Чехіи проявляетъ большой интересъ къ изученію русскихъ языка, исторіи и литературы и однородная съ нею по языку и характеру населенія Моравія, и если въ Чехіи центромъ изученія русскаго языка является ея общій культурный центръ „золотая Прага“, то въ Моравіи такую же роль играетъ ея столица, „австрійскій Манчестеръ“, Брно. Въ Брнѣ существуетъ хорошо организованный русскій кружокъ, во главѣ котораго стоитъ выдающійся патріотъ директоръ Лугачовицкихъ водъ д-ръ Веселый; до послѣдняго времени въ этомъ кружкѣ состоялъ преподавателемъ спеціально приглашенный изъ Россіи молодой учитель Н. П. Неѣловъ, руководившій изученіемъ русскаго языка и въ другихъ городахъ Моравіи, какъ то Преровѣ, Угорскомъ Градищѣ и т. д.

Чехи наряду съ нашими русскими собратіями изъ Буковины и Галиціи являются наиболѣе многочисленными членами кружка любителей русскаго языка въ Вѣнѣ, энергично ведущаго работу подъ руководствомъ Д. Н. Вергуна. За послѣднее время Вѣнскій кружокъ получилъ возможность нанимать просторное и удобное помѣщеніе; въ этомъ кружкѣ лучше, чѣмъ во многихъ другихъ, поставлены и практика русскаго языка благодаря сравнительному обилію природныхъ русскихъ, и организація лекцій, спектаклей и т. д.

Заслуживаетъ вниманія и возможной поддержки русскаго общества существующая въ Вѣнѣ русско-чешская секція „клуба австрійскихъ народностей“. Ставя себѣ ближайшею задачею духовно-культурное и торгово-промышленное сближеніе русскаго и чешскаго народа, эта секція благодаря царящему въ ней воодушевленію, съ честью ведетъ свое дѣло; ея секретарь В. И. Манъ, убѣжденный сторонникъ русско-чешскаго сближенія, употребляетъ всѣ усилія, чтобы работа общества была плодотворна.

Въ Словакіи, съ ея культурнымъ центромъ Турчанскимъ Св. Мартиномъ стремленіе къ изученію Россіи, ея языка, литературы, очень значительно, если принять во вниманіе глубину симпатій этого даровитаго, но страшно угнетеннаго народа къ нашей родинѣ; суровый мадъярскій режимъ, очень подозрительный къ всякому проявленію славянскихъ и русскихъ симпатій словаковъ, видитъ вездѣ и всюду русскіе рубли, панславистиче-

скую пропаганду и т. д. Конечно, при такомъ положеніи дѣлъ открытіе кружковъ для изученія русскаго языка является невозможнымъ; тѣмъ не менѣе частнымъ образомъ словаки изучаютъ нашъ языкъ, слѣдя за нашей литературой, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ и словацкіе переводы съ русскаго, и статьи о Россіи въ журналахъ, и газетахъ, и наличность такихъ хорошо знающихъ русскій языкъ и обладающихъ русскими библіотечками лицъ, каковъ извѣстный пѣвецъ „Татръ и моря“, авторъ глубокихъ стихотвореній „Изъ подъ ярма“ С. О. Гурбанъ-Ваянскій, являющійся неутомимымъ борцомъ за національную идею, или А. О. Шкультети, редакторъ словацкаго научно-литературнаго журнала „Slovenské Pohľady“. Надо полагать, что съ перемѣной внѣшнихъ условій, въ случаѣ водворенія въ венгерскомъ парламентѣ правильнаго представительства словацкаго народа при всеобщей прямой тайной и равной подачѣ голосовъ, измѣнится и угнетенное въ настоящее время въ Словакіи положеніе русскаго языка.

Не касаясь, по неимѣнію свѣдѣній, лужицкихъ сербовъ въ ихъ отношеніи къ русскому языку, и оставляя пока въ сторонѣ галичанъ и буковинцевъ, для которыхъ русскій языкъ является въ сущности роднымъ языкомъ, отмѣтимъ, что за послѣднее время у поляковъ Австріи и Германіи растетъ постепенно интересъ къ изученію русскаго языка и къ ознакомленію съ Россіей; при желательной перемѣнѣ къ лучшему русско-польскихъ отношеній въ Россіи, будутъ несомнѣнно улучшаться и отношенія русскихъ людей съ зарубежными поляками, что, по нашему убѣжденію, особенно важно, какъ для блага этихъ многочисленнѣйшихъ славянскихъ народовъ, такъ и для блага славянства вообще.

Изъ юго-славянъ, находящихся подъ австрійскимъ владычествомъ, первыми устроившими у себя кружокъ любителей русскаго языка являются словенцы; этотъ культурный и богато одаренный небольшой народъ, житель поэтической страны, сочетавшій въ себѣ выдающіяся красоты природы, поставилъ въ своей столицѣ Люблянѣ дѣло изученія русскаго языка на очень серьезную почву, и благодаря заслуживающей большого уваженія работѣ д-ра Л. М. и Т. М. Іенко не только достигаетъ большихъ успѣховъ въ знаніи и пониманіи русскаго языка, но даже и въ разговорной рѣчи; составленіе библіотеки, устройство собраній съ чаепитіемъ и разговорами, наконецъ устройство музыкально-вокальныхъ вечеровъ и даже первый и очень удачный въ этомъ году опытъ исполненія любителями драматическаго

произведенія на русскомъ языкѣ содѣйствуютъ популярности этого симпатичнаго учрежденія. Благодаря энергіи тѣхъ же дѣятелей г.г. Іенко основался русскій кружокъ и въ Тріестѣ, гдѣ выдающуюся заботу о немъ проявляетъ его предсѣдатель г. Вильфанъ, секретарь г-жа М. Бартоль, а дѣло преподаванія съ успѣхомъ ведетъ прекрасно образованная и любящая Россію г-жа З. И. Бубало. Одно время близко было къ осуществленію основаніе русскихъ кружковъ въ Цельѣ и Горицѣ, и надо полагать, что рано или поздно и оно будетъ совершившимся фактомъ.

У хорватовъ въ ихъ столицѣ Загребѣ возникъ въ прошломъ году русскій кружокъ благодаря почину такихъ выдающихся дѣятелей, какъ Эд. и Фр. Поточняки, писатель Шандоръ-Джальскій и другіе; въ кружкѣ приняли участіе хорваты, сербы и чехи, и работа закипѣла; серьезнымъ затрудненіемъ для этого молодого учрежденія является вопросъ объ учителѣ; необходимо было бы со стороны русскаго общества поддержка какъ всѣмъ перечисленнымъ русскимъ кружкамъ вообще, такъ этому еще не окрѣпшему въ особенности; та исключительно моральная поддержка, которая была проявлена къ нему нѣкоторыми русскими при его возникновеніи, конечно, слишкомъ недостаточна; помимо своихъ основателей кружокъ многими обязанъ энергіи и любви къ дѣлу со стороны предсѣдателя г. Э. Поточняка и секретаря г. Л. Гутши.

Нѣсколько раньше этого центральнаго русскаго кружка возникъ въ Загребѣ благодаря нѣсколькимъ барышнямъ-сербкамъ русскій кружокъ въ сербскомъ женскомъ интернатѣ, и, хотя съ возникновеніемъ центральнаго кружка, къ послѣднему присоединилось большинство его членовъ, но онъ все же продолжаетъ съ успѣхомъ работу, встрѣтивши живое сочувствіе со стороны начальницы интерната г. Велисавлевичъ.

Наконецъ, только недавно состоялось въ „бѣломъ Дубровникѣ“ учрежденіе перваго въ Далмаціи кружка любителей русскаго языка; руководимый просвѣщеннымъ потомкомъ древней Дубровичской аристократіи г. Градіи и съ одушевленіемъ поддерживаемый мѣстными сербами и хорватами старшаго и младшаго поколѣній, этотъ юный кружокъ друзей русскаго народа надо полагать, будетъ имѣть успѣхъ. Преподавательницей въ этомъ самомъ молодомъ изъ славянскихъ кружковъ любителей русскаго языка является окончившая Цетинскій Институтъ имп. Маріи г-жа М. Ил. Бубало.

По примѣру „славянскихъ Аѳинъ“, Дубровника, и столица Далмаціи, Задръ, подняла вопросъ о своевременности основать и тамъ кружекъ для изученія русскаго языка,—благо тамъ нѣтъ

недостатка въ лицахъ, знающихъ и могущихъ преподавать русскій языкъ. Въ пользу основанія русскаго кружка въ Задрѣ энергично выступилъ старѣйшій тамъ и весьма почтенный по содержанію и направленію хорватскій органъ „Norodni List“, тогда какъ основанію Дубровницкаго кружка много посодѣйствовала своими сочувственными статьями сербская газета „Dubrovnik„ и прогрессивная хорватская „Crvena Hrvatska“. Мало по малу и другіе города Далмаціи, обнаруживаютъ стремленіе къ изученію русскаго языка, какъ ключа къ пониманію Россіи.

Побольше бы только знанія и вниманія у насъ въ Россіи къ подобнымъ кружкамъ любителей русскаго языка, весьма нуждающимся особенно на первыхъ порахъ въ книгахъ, учебникахъ, журналахъ, газетахъ!

Вслѣдъ за Чехіей, Моравіей, Хорватіей, Далмаціей и Словеніей начинаетъ зарождаться идея основанія кружковъ для изученія русскаго языка и въ оккупированныхъ Австріей, испытывающихъ на себѣ суровый режимъ Босніи и Герцеговинѣ. Тамъ однако, не смотря на замѣченное нами живое сочувствіе идеѣ кружковъ любителей русскаго языка, приходится имѣть дѣло съ цѣлымъ рядомъ препятствій, каковы подозрительность къ этому дѣлу съ стороны оккупаціонныхъ властей, еще большая, чѣмъ въ Австро-Венгріи, трудность въ полученіи русскихъ книгъ, наконецъ недостатокъ учителей русскаго языка. Какъ бы то ни было, но въ Сараевѣ и Мостарѣ есть энергичные люди, серьезно думающіе объ основаніи „кружковъ“ для изученія русскаго языка и у нихъ.

Урегулированіе и удешевленіе книжныхъ сношеній нашей родины съ заграницей, открытіе нашими крупными торговыми фирмами книжныхъ магазиновъ по крайней мѣрѣ въ центрахъ зарубежнаго славянства должны быть признаны первымъ необходимымъ условіемъ успѣшнаго развитія возникающихъ, какъ отмѣчено, кружковъ любителей русскаго языка. Русскія консульства и предсѣдатели существующихъ уже кружковъ могли бы прійти на помощь книготорговцамъ при первой оріентировкѣ.

Вторымъ необходимымъ условіемъ успѣшности изученія русскаго языка славянами, не имѣющими преподаванія его въ школѣ, мы считаемъ облегченіе по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ полученія опытныхъ преподавателей, владѣющихъ какъ русскимъ, такъ и извѣстнымъ мѣстнымъ языкомъ. Для этой цѣли въ будущемъ могла бы послужить особая основанная въ Россіи школа славянскихъ языковъ, которая готовила бы учите-

лей и дипломатовъ для славянскихъ земель; пока же командируемымъ въ славянскія земли молодымъ ученымъ могло бы съ успѣхомъ и съ пользой какъ для нихъ самихъ, такъ и для изучающихъ русскій языкъ славянъ поручаться указанное дѣло преподаванія, при условіи систематичности въ замѣнѣ одного командированнаго другимъ и при условіи вознагражденія за этотъ трудъ, хотя бы въ небольшихъ размѣрахъ, изъ средствъ того или иного славянскаго благотворительнаго общества въ Россіи.

Третьимъ условіемъ успѣшности разсматриваемыхъ кружковъ мы считали бы организацію экскурсій изучающихъ русскій языкъ славянъ въ Россію и организацію поѣздокъ русскихъ людей въ тѣ славянскіе уголки, которые создали у себя очаги для изученія русскаго языка.

Наконецъ, при настоящихъ условіяхъ, въ которыхъ находятся посѣщенные нами въ большинствѣ случаевъ лично кружки любителей русскаго языка въ несвободныхъ славянскихъ земляхъ, была бы весьма полезна для дѣла посылка друзьями славянства, какъ частными лицами, такъ и обществами, учебниковъ, газетъ, журналовъ и сочиненій русскихъ классиковъ въ тѣ или иные кружки любителей русскаго языка. Съ этою цѣлью пишущій эти строки позволяетъ себѣ привести въ концѣ списокъ извѣстныхъ ему кружковъ и ихъ предсѣдателей, на имя которыхъ и могли бы быть направляемы книжныя посылки.

Даетъ себя чувствовать и отсутствіе у „кружковъ любителей русскаго языка“ своего печатнаго органа; лишь въ Прагѣ органъ „Zvěsti“, издаваемый г. Александромъ, большимъ другомъ Россіи, да раньше выходившій въ Вѣнѣ „Славянскій Вѣкъ“ систематически удѣляли на своихъ страницахъ мѣсто вопросу о дѣятельности кружковъ любителей русскаго языка.

Ясно, что съ вступленіемъ нашей родины на новый путь и съ ростомъ ея культурнаго значенія будетъ не при помощи искусственныхъ средствъ, не благодаря проповѣди, а естественно, въ силу сознанія пользы и быть можетъ необходимости распространяться у заграничныхъ славянъ знаніе русскаго языка вмѣсто „всеславянскаго“ пока языка нѣмецкаго. Если на славянскихъ съѣздахъ 1848 и 1867 годовъ славянамъ для взаимнаго пониманія приходилось прибѣгать къ языкамъ нѣмецкому и французскому, то при развитіи сношеній и связей славянъ между собою, быть можетъ, явится возможность при будующихъ съѣздахъ объясняться каждому на своемъ языкѣ въ надеждѣ быть понятымъ, а въ случаѣ необходимости прибѣгнуть къ чужому языку, будетъ

возможно пользоваться тѣмъ „великимъ свободнымъ и могучимъ“ славянскимъ языкомъ, которому воспѣли дивные гимны не только русскіе писатели Тургеневъ и Гоголь, но и вдохновенный современный поэтъ югославянства, словенецъ А. Ашкерцъ, сказавшій:

Ne ti ne moreš služiti tiranom!
Ustvarjen si, da si sveta gospod,
da si glasnik resnice in svobode,
da iz temine k solncu kažeš pot!
Prižigaj luč, mogočni jezik ruski,
vse tam od Balta sinjgea bregov,
črez step in hrib, črez tundre in črez reke
do oceana Tihega valov.
Od morij polunočnih, ledovitih
do solncne Indii tvoj silni glas
vzdiguj potrte iz prahu in bede,
prinašaj narodom prosvete spas!

Нѣтъ! Ты не можешь служить тиранамъ. Ты созданъ быть господиномъ свѣта, быть глашатаемъ правды и свободы, показывать путь отъ тьмы къ солнцу. Возжигай же свѣтъ, могучій русскій языкъ, всюду отъ береговъ синяго Балта, черезъ степи и горы, черезъ тундры и рѣки до валовъ Тихаго Океана. Отъ полуночныхъ ледовитыхъ морей до солнечной Индіи пусть твой мощный голосъ подымаетъ изъ праха и бѣды угнетенныхъ, пусть вѣщаетъ онъ народамъ спасительное просвѣщеніе!

Такой мощью и вѣрой въ русскій языкъ звучитъ стихъ поэта несвободнаго югославянства, стихъ поэта-прогрессиста и гуманиста!

Какъ стоитъ русскій языкъ въ свободныхъ славянскихъ земляхъ Болгаріи, Сербіи и Черногоріи, будетъ указано нами, на основаніи личныхъ наблюденій, въ недалекомъ будущемъ.

П. Заболотскій.

Списокъ „кружковъ любителей русскаго языка“.

Чехія. Прага—Kružek Ruski v Praze, предс. . . . . Iv. Iv. Havelka
Kružek Ruski na Smichově . . . . . B. B. Velc.
Индриховъ Градецъ . . . . . V. Houra.
Моравія. Брно—Ruski kružek, Hôtel Slavie . . . . . D-r Veselý.
Vizovice—Ruski kružek . . . . . D-r F. Barvič.
Prostějov—Ruski kružek . . . . . Vacl. Ianka.
Словенія. Любляна—Ruski kružok, Jurčičev trg. 3. . . D-r L. Ienko.
Приморье. Тріестъ—Ruski kružok, Hôtel Balkan . . . D-r Wilfan.
Хорватія. Загребъ—Ruski kružok, Akademicki trg, 12. D-r E. Potočnjak
Далмація. Дубровникъ—Ruski kružok . . . . . D-r B. pl. Gradi
Вѣна. „Кружокъ любителей русскаго языка“ . . . D-r D. N. Vergun.
(Wien, VIII, Hammerlingplatz, 14).

Къ вопросу о польской автономіи.

Польскіе патріоты засѣдаютъ въ Государственной Думѣ, въ качествѣ депутатовъ избравшаго ихъ народа, безъ сомнѣнія, въ ожиданіи того, чтобы, когда до этого дойдетъ дѣло, заявить свою претензію по вопросу первой для нихъ необходимости — по вопросу о дарованіи автономіи польскому народу. Но, какъ бы въ руководство того, въ какомъ смыслѣ долженъ быть рѣшенъ этотъ вопросъ, и въ назиданіе тѣмъ, кому объ этомъ надлежитъ вѣдать, досужіе защитники интересовъ своего народа уже заранѣе выпустили въ печать нѣсколько трудовъ, въ которыхъ вопросъ о польской автономіи освѣщается именно съ польской точки зрѣнія. И въ силу особенной горячности, отзывающейся болью и внутреннимъ надрывомъ, съ какой ведется защита польской автономіи, преимущественное вниманіе привлекаетъ къ себѣ недавно вышедшая брошюра „Полякъ русскимъ“ неизвѣстнаго автора, скрывшаго свое имя подъ иниціалами X. Y. Z. Въ основаніе своей защиты, подкупающей при первомъ впечатлѣніи искренностью тона, авторъ положилъ снисходительно-аристократическое отношеніе къ Россіи и самоувѣренно-преувеличенное — къ Польшѣ.

„По исторіи, по историческому возрасту, по языку, по культурѣ, стоя во всякомъ случаѣ не ниже Россіи, Польша ни при какихъ условіяхъ не войдетъ въ кругъ ея культурнаго вліянія“ (стр. 77). „Мы — единственный народъ въ Европѣ, обладающій міровой исторіей, культурой, письменностью, слѣдовательно всѣми элементами жизнеспособности, и лишенный способности нормально жить“... (87). „Сто лѣтъ реакціи разложатъ Россію, какъ національность, поляковъ же, быть можетъ, обезсилятъ, но не уничтожатъ... Если же реакція будетъ съ перерывами, то достаточно годъ—два передышки, чтобы возстановить то національное добро, на разрушеніе котораго пошло лѣтъ двадцать-тридцать“... (25). Поэтому защита польской автономіи ведется въ томъ смыслѣ, будто-бы она не столько нужна самой Польшѣ, ради сохраненія ея національности, сколько необходима Россіи, ради поддержанія ея могущества. „Не въ порабощеніи поляковъ, а въ единеніи съ ними та сила, которой Россія лишилась, и которая ей необходима“... (75). „Въ тотъ моментъ, когда была бы провозглашена

автономія Польши, само собою возстановилась бы великодержавная мощь Россіи на Западѣ, почувствовалось бы, что въ ея сторону повернули взоры, надежды и силы всего славянства"... (38).

Не менѣе важное значеніе приписывается автономіи Польши и по отношенію ея къ той созидательной работѣ, которая ведется теперь въ Думѣ. „По стопамъ автономной Польши и параллельно ей, шла бы уже въ настоящее время созидательная работа и въ Россіи. Въ Думѣ образовался бы, какъ крупное большинство, умѣренный, національно конституціонный центръ, который вовлекалъ бы въ себя очевидностью живой работы и всѣхъ работоспособныхъ представителей народной массы. Лѣвый флангъ, лишенный возможности взвинчивать себя остротою аграрнаго вопроса, поставленнаго на надлежащее мѣсто, превратился бы въ лагерь идеологовъ, которымъ подчасъ можно было бы прислушиваться со вниманіемъ и уваженіемъ, но которые на ходъ работъ не могли бы оказывать рѣшающаго давленія. На правомъ флангѣ реакція лишена была бы возможности тыкать палку въ колесницу новой Россіи во имя патріотизма, такъ какъ очевидный, несомнѣнный и несомнѣнно русскій патріотизмъ уже проникалъ бы живой струей всю дѣятельность Думы"... (39—40).

Однимъ словомъ, будто бы безъ Польши Россія пропадетъ и не выполнитъ той міровой миссіи, которая ей предназначена. „Семьдесятъ лѣтъ назадъ, Мицкевичъ въ томъ возрастѣ, въ какомъ убитъ былъ Пушкинъ, сломалъ свое перо поэта и весь ушелъ въ мистическое созерцаніе „умирающаго Запада и возрожденія міра посредствомъ славянской цивилизаціи". Но въ то время еле брезжащую ея зарю скорѣе предчувствовали, чѣмъ видѣли, одни народные пророки. Ея еще не было, когда пышныя амфоры искусства переливались, искрились, опьяняли. Вырабатывался языкъ, натягивались струны, создавались формы, но не было духа, намѣчался путь къ горѣ Синаю, но не прозвучалъ еще всенародно символъ вѣры. Этотъ символъ прозвучалъ бы въ рокотѣ первой же могучей волны освободительнаго движенія и направилъ бы его въ мощное, цѣлебное, хрустальночистое русло, но онъ оборвался на первыхъ звукахъ, потому что на эти звуки не могла отвѣтить воскресающимъ „осанна" свободная Польша. Не буду, не дерзаю въ нѣсколькихъ строкахъ касаться сущности той славянской цивилизаціи, которой предопредѣленъ былъ міровой расцвѣтъ, если не убиваемый, то отодвигаемый въ далекое будущее русско-польскою кашновой борьбой. Теперь стягъ ея могла бы еще удержать въ

своихъ рукахъ Россія; въ чьихъ рукахъ окажется онъ въ будущемъ, рѣшитъ исторія. Во всякомъ случаѣ, отказъ Польшѣ въ правѣ на автономію равнозначенъ съ отказомъ отъ стяга и попраніемъ его ногами. И если первымъ словомъ молодой Россіи была автономія Польши, то, повторяю, это было слово патріотическаго проникновенія, это было инстинктивное стремленіе удержать право русскаго народа на то, что въ его возможномъ будущемъ наиболѣе цѣнно и славно" (41—42).

Таковы прекраснодушныя завѣренія, расчитанныя на легкомысленность и полное довѣріе мало-культурнаго, въ смыслѣ славянской цивилизаціи, русскаго читателя. Но для него, крайне небрежнаго въ отношеніи къ исторіи славянскихъ народовъ, ихъ литературъ и взаимныхъ отношеній, необходимо было бы противопоставить всему этому иную точку зрѣнія, основанную на близкомъ, историческомъ изученіи сущности трактуемыхъ вопросовъ. И такое противопоставленіе послужило бы огражденіемъ отъ тѣхъ инсинуацій по адресу Россіи, которыя искусно переплетены здѣсь съ благорасположеніемъ къ ней и съ сознаніемъ необходимаго для Польши единенія не иной какой либо страной, а именно съ Россіей; мало того, всестороннее освѣщеніе запутанныхъ польско-русскихъ отношеній необходимо и въ виду тѣхъ противорѣчій, на которыя при внимательномъ чтеніи наталкиваешься невольно. Въ самомъ дѣлѣ, если „въ мученичествѣ Польши неповинненъ ни русскій народъ, ни русская культура, а лишь суррогаты того и другого", то почему же „всякій сознательный, культурный русскій (будто бы) всегда чувствовалъ себя глубоко виноватымъ передъ Польшей, и этимъ сознаніемъ проникнута была, до земскихъ съѣздовъ включительно, вся русская независимая мысль и дѣятельность?" Съ другой стороны, если однимъ изъ смертныхъ грѣховъ Россіи поставляется обрусеніе Польши, то почему для полноты картины взаимныхъ отношеній совершенно умолчено объ угнетенномъ положеніи русскихъ среди польскаго населенія Западнаго Края? [1]) Или, какъ, наконецъ, согласовать увѣреніе, что польскій народъ — „естественный союзникъ всякаго государственнаго обновленія, всякаго нравственнаго очищенія, всякаго общественнаго порядка", съ угрозою, что „какими камнями ни загромождайте чистый путь равноправія, — или эти камни будутъ убраны или послужатъ твердынями смуты и анархіи. Tertium non datur"?

Эль—Эль.

1) А также русскихъ въ Галичинѣ. (Прим. Редакціи).

Библіографія.

R. Targo. Vyhubit. Obraz slovenského utrpení. U Telči 1907.

Книжка небольшая—въ 60 страничекъ,—а картина, нарисованная въ ней, поражаетъ громадностью страданій, выпавшихъ на долю словацкаго народа. Все, что читалось въ послѣднее время въ славянскихъ газетахъ, всѣ дикія черты грубаго мадьярскаго насильничества и произвола, собраны здѣсь въ одно цѣлое и должны по намѣренію автора показать Европѣ воочію, что такое мадьярская культура, и какъ исполняютъ мадьяры роль „передовой стражи европейской цивилизаціи на Востокѣ“, которую хотятъ имъ приписать ихъ западно-европейскіе друзья.

На первомъ мѣстѣ ставитъ авторъ положеніе въ школѣ. Года три тому назадъ мы старались обратить вниманіе русскаго общества на словацкую школу въ особой статьѣ„ Начальная школа у словаковъ“, напечатанной въ„Русской Школѣ“, а потомъ вышедшей особой брошюркой. Тамъ со словъ чешско-моравскаго учителя Карла Калаля, посвятившаго всю свою жизнь дѣлу чешско-словацкаго сближенія, нарисованъ рядъ списанныхъ прямо съ натуры картинъ поразительнаго нравственнаго беззаконія и дикости. Авторъ разбираемой брошюры, Тарго дѣйствуетъ на читателя не образами, а цифрами. У него нѣтъ художественныхъ красокъ Калаля; его книжка—политическая брошюра, но и здѣсь мѣстами попадаются факты, говорящіе не уму только, а и воображенію. Извѣстна мадьярская поговорка о словакахъ: Tót nem ember (Словакъ не человѣкъ). Есть въ Розенбергѣ извѣстный писатель и учитель вѣроисповѣданій евангелической школы Карлъ Сальва; онъ въ изданномъ имъ календарѣ энергически выступилъ противъ этой поговорки, доказывая, что каждый словакъ—человѣкъ (čo slovák, to človek). Въ результатѣ его уволили отъ службы, усмотрѣвъ въ его статьѣ проповѣдь панславизма, а панславистомъ называется у мадьяръ всякій, кто открыто признаетъ себя словакомъ. Въ парламентѣ 2 іюля 1907 г. словацкій посолъ Юрига требовалъ, чтобы за деньги словацкаго народа позволено было словакамъ по крайней мѣрѣ открыть хоть одну словацкую гимназію.

„Веревки вамъ на шею надо, а не гимназіи“, послышалось съ мадьярскихъ скамей. „Всякаго учителя, который не захочетъ сдѣлать изъ своего питомца хорошаго мадьярина, я лишу возможности учить дѣтей. Въ нашемъ государствѣ господиномъ долженъ и можетъ быть только мадьяринъ“, торжественно заявилъ въ 1907 г, въ парламентѣ графъ Аппоньи. Школьная политика въ совершенствѣ проводитъ эту идею на практикѣ. Ни высшей, ни средней школы у словаковъ нѣтъ; въ начальной преподаваніе все ведется на мадьярскомъ языкѣ. Словацкій сохранился еще въ конфессіональныхъ школахъ, да и тамъ послѣ извѣстнаго циркуляра 1902 года, изданнаго

Влашичемъ и предписывающаго для обученія мадьярскому языку отвести отъ 17 до 24 часовъ въ недѣлю, для языка словацкаго фактически не осталось времени.

Но школа въ сущности вездѣ почти только учитъ, а не воспитываетъ. Ея антинароднымъ притязаніямъ всегда можетъ дать отпоръ семья. Безконечно опаснѣе и вреднѣе мадьяризація при помощи церкви. Между тѣмъ церковь, одинаково и католическая и протестантская, находятся въ полномъ подчиненіи у мадьяръ. Первенство принадлежитъ здѣсь католикамъ. Церковные писатели стараются уничтожить все, что хоть сколько-нибудь напоминаетъ ихъ паствѣ о славянствѣ и ея славянскомъ происхожденіи. Епископы воспрещаютъ священникамъ давать при крещеніи имя Кирилла: „это панславистскій святой". Остригомскій каноникъ Комлошъ, родомъ словакъ, увидѣвъ въ одномъ изъ словацкихъ костеловъ образъ св. Кирилла и Меѳодія, раскричался на мѣстнаго протоіерея: „этого Кирилла и Меѳодія извольте замазать; намъ не нужны панславистскіе святые".

Въ протестантской церкви дѣла въ смыслѣ народномъ до недавняго времени шли нѣсколько лучше. Была одна діецезія, гдѣ словаки составляли большинство. При автономіи, которою пользуется въ Венгріи протестантская церковь, эта діецезія могла стать живымъ оплотомъ народности. Въ 1894 г. мадьяры его уничтожили, раздѣливъ весь край наново по діецезіямъ такъ, чтобы словаки нигдѣ не имѣли большинства. Изъ 970000 венгерскихъ евангеликовъ мадьяръ всего только девятая часть—100000. Между тѣмъ они и здѣсь теперь играютъ главную роль. Епископы и значительная часть священниковъ ярые мадьяризаторы. „Наша церковь—читаемъ въ евангелическихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ за 1905 г.—всегда была первымъ бойцомъ за мадьярскую государственность и таковымъ останется и на будущее время". Священниковъ, дѣти которыхъ не знаютъ по мадьярски, или у которыхъ есть чешскія и словацкія книги, увольняютъ отъ должности. Только смѣльчаки рѣшаются выписывать по почтѣ словацкіе журналы и газеты. Не довольствуясь мадьяризаціей словаковъ у себя дома въ Венгріи, министерство Влашича отправляло священниковъ—мадьяроновъ въ Америку, чтобы и тамъ среди переселенцевъ вести далѣе дѣло мадьяризаціи и искоренить окончательно словацкій языкъ изъ церкви, какъ онъ уже искорененъ ихъ школы.

Особую главу посвящаетъ г. Тарго описанію положенія дѣлъ въ комитетскомъ и общинномъ управленіи. Минуя многое, остановимся здѣсь на нѣсколькихъ фактахъ, показывающихъ, какъ осуществляется въ Венгріи право собраній, и что такое венгерское народное представительство.

Въ 1893 г. праздновалось столѣтіе со дня рожденія Коллара. Жандармы штыками помѣшали собравшимся войти въ Мошовце, гдѣ еще сохранился домикъ Коллара. Народъ поставилъ въ Глубокомъ памятникъ надъ могилой Іосифа Гурбана. Собралась горсточка его почитателей, но на кладбище жандармы ее не пустили. Сынъ покойнаго, извѣстный поэтъ Свѣтозаръ Гурбанъ-Ваянскій написалъ объ этомъ статью: его посадили на 12 мѣсяцевъ въ тюрьму. Когда при Коломанѣ Селлѣ, провозгласившемъ при вступленіи своемъ на министерскій постъ девизъ: „законъ, право и справедливость", положеніе нѣсколько улучшилось, власти стали разрѣшать собранія, но на нихъ нельзя было произнести слова: „словакъ, словацкій". При одномъ упоминаніи этого имени, комиссаръ закрывалъ собраніе: въ Венгріи словаки не пользуются правомъ на существованіе. Законъ знаетъ только мадьяръ.

Для характеристики народнаго венгерскаго представительства доста-

точно указать на одинъ только фактъ: до 1901 г. безъ малаго трехмилліонное словацкое населеніе не имѣло ни одного своего представителя въ парламентѣ, хотя выборныхъ словацкихъ округовъ 55. Какъ это могло произойти? На всемъ свѣтѣ нѣтъ такихъ злоупотребленій и правительственнаго давленія при выборахъ, какъ въ Венгріи. Подкупъ, водка, порча избирательныхъ списковъ и наконецъ вооруженная сила—вотъ средства мадьярскаго воздѣйствія, вотъ пьедесталъ, на которомъ поставлена статуя мадьярскаго государственнаго идола—Magyar ur. При Селлѣ четыремъ словакамъ удалось проникнуть въ парламентъ, но кто хочетъ знать всѣ ухищренія мадьярской избирательной политики, пусть прочтетъ у г. Тарго о выборахъ 1906 г. въ Врбовскомъ округѣ: онъ поймет, что такое мадьярское избирательное право и, какъ проявляетъ свою волю народъ въ мадьярскомъ конституціонномъ государствѣ.

Остальныя главы книги г. Тарго посвящены суду, путямъ сообщенія, почтѣ, телеграфу, промышленности и торговлѣ. Мы остановимся только на послѣднихъ, чтобы сказать, что даже и совершенно свободныя профессіи у словаковъ находятся подъ сильнѣйшимъ давленіемъ мадьярской государственной власти. Стоитъ портному или сапожнику вывѣсить словацкую вывѣску—онъ лишается заказчиковъ. Кто, имѣя заработокъ за границей, держитъ себя при пріѣздѣ на родину свободно и сколько-нибудь независимо, тому не даютъ послѣ паспорта на отъѣздъ и подрываютъ такимъ образомъ все его благосостояніе. Печальную роль играютъ въ Словачинѣ евреи: они и словацкое дворянство—самые ревностные слуги мадьярства. На 846000 еврейскаго населенія 609 тысячъ считаютъ себя мадьярами, и обыкновенно это отъявленные шовинисты.

До чего мадьярская государственная идея вобралась въ плоть и кровь общества, какъ мало при этомъ мадьяре считаются съ основными началами нравственности, видно изъ существованія „Верхне-венгерскаго культурнаго общества“, такъ называемой Фемки. Задача его мадьярить маленькихъ словацкихъ дѣтей. Съ этой цѣлью агенты общества объѣзжаютъ словацкіе комитеты и лестью, хитростью и обѣщаніями, а иногда и насиліемъ отбираютъ у бѣдныхъ словаковъ малютокъ-дѣтей, чтобы отдавать ихъ на воспитаніе въ бездѣтныя мадьярскія семьи южновенгерскихъ комитетовъ, гдѣ дѣти среди совершенно чужого населенія, не слыша ни звука родной рѣчи, выростаютъ мадьярами. Въ 1874 г. была устроена Фемкой первая такая экспедиція, и было увезено 400 дѣтей. Въ 1887 г. произошла новая вербовка. Завербованныхъ выставили въ городѣ Сентеши публично на площади, и каждый могъ выбрать себѣ ребенка по вкусу, разлучая брата съ сестрой. Дѣтей продавали какъ поросятъ. Въ 1888 г. уже силою выловили изъ отцовскихъ домовъ 86 дѣтей. Въ 1892 г. изъ Нитранской столицы вывезли 174 ребенка. Тогда это обратило на себя вниманіе всей Европы, и съ тѣхъ поръ на 8 лѣтъ экспедиціи прекратились. Но въ 1900 году вновь было взято изъ Тренчанской столицы 24 ребенка.

Здѣсь цивилизація мадьяръ, этихъ „піонеровъ западной культуры“ на востокѣ достигла своихъ Геркулесовыхъ столбовъ. Какіе успѣхи дѣлаетъ по крайней мѣрѣ внѣшняя мадьяризація, видно изъ отчетовъ общества по мадьяризаціи именъ и фамилій (есть и такое общество въ Венгріи!). Съ 1867 до 1880 г. помадьярено 2677 именъ. Съ образованіемъ вышеозначеннаго общества въ одномъ 1896 г. омадьярилось 1589 фамилій, въ 1897 г. 1841! Единственнымъ утѣшительнымъ явленіемъ за послѣднее время можно счи-

тать выборъ 4 словаковъ въ парламентъ. Но можетъ-быть и въ этомъ виденъ не столько ростъ словацкаго самосознанія, сколько политическій расчетъ мадьяръ, которые, сознавая свою силу, для видимости и соблюденія приличій опустили на время возжи мадьяризаціи?

Идолъ мадьярской государственной идеи (Magyar allam eszme) стоитъ, какъ стоялъ, и по прежнему приносятся ему въ жертву живые народные организмы. Что дѣлать словакамъ? какъ бороться за свободу народнаго развитія? Г. Тарго отвѣчаетъ: „прежде всего надо знать правду, знать истинное положеніе вещей“. Его книжка, обращенная къ еврейскому общественному мнѣнію (она должна выйти на нѣсколькихъ языкахъ, по англійски, французски, нѣмецки, мадьярски и русски), ставитъ себѣ задачей показать эту правду. Но разсчитывать на Европу недостаточно. Народъ крѣпнетъ и растетъ собственными силами. Правда о словакахъ отлично извѣстна тому, кому прежде всего надлежитъ ее знать,—словакамъ и мадьярамъ. Какъ же они ею воспользовались? Есть ли у словаковъ опредѣленная программа народнаго дѣйствія? Выработанъ-ли хоть какой нибудь планъ мирнаго сожительства съ мадьярскимъ народомъ? Ни того, ни другого нѣтъ ни въ книжкѣ г. Тарго, ни въ словацкой литературѣ, какъ нѣтъ программы и въ жизни. Создать ее должно быть первою задачей словацкихъ общественныхъ дѣятелей, и можно было бы намѣтить уже теперь нѣкоторыя черты этой будущей программы. Но объ этомъ въ другой разъ и на другомъ мѣстѣ.

Андрей Сиротининъ.

Галицко-русская библіографія XIX столѣтія, дополненная русскими изданіями, вышедшими въ Венгріи и Буковинѣ 1801—1886, составилъ И. Е. Левицкій. Томъ I. Хронологическій списокъ публикацій 1801—86. Львъ. 1888. Томъ II. Хронологическій списокъ публикаціямъ 1861—86. Львовъ 1895 изд. автора.

Среди библіографическихъ трудовъ молодой еще галицко-русской науки обращаетъ на себя серьезное вниманіе капитальный трудъ г. Левицкаго, результатъ многолѣтней и кропотливой работы. Если у насъ въ Россіи условія работы библіографа заставляютъ еще желать многаго, то тѣмъ болѣе тяжело выполненіе, а потомъ изданіе библіографическаго труда въ зарубежной Руси, гдѣ и работа въ библіотекахъ не всегда обставлена удобствами и гдѣ издателя для строго спеціальнаго изданія найти еще труднѣе, чѣмъ у насъ.

Исходя изъ положенія, что „Библіографія есть почти единственный источникъ для исторіи умственнаго развитія каждаго народа и вообще культуры“ [1]), г. Левицкій рѣшается собственными силами выполнить тотъ колоссальный трудъ, который поглотилъ у него массу силъ, энергіи и средствъ: онъ имѣетъ въ виду сознаніе пользы своего труда какъ для науки, такъ и для своего роднаго народа; съ этимъ сознаніемъ онъ неутомимо собираетъ, классифицируетъ и наконецъ издаетъ матеріалы, долженствующіе нарисовать картину духовной работы зарубежной Руси.

Предшественниковъ у труда г. Левицкаго, по его собственному указанію, было мало, и онъ указываетъ въ качествѣ таковыхъ: 1) списокъ галицко-русскихъ изданій 1772—1848, составленный Я. Головацкимъ и напечатанный въ Галичанинѣ 1863, 309—327, 2) списокъ учебниковъ для народ-

1) Сохраняемъ языкъ оригинала.

ныхъ школъ, изданный правительствомъ на русскомъ языкѣ 1848—1863; (Галичан. 1893), 3) отдѣлъ галицко-русской литературы въ извѣстной „Библіографіи“ Межова за время 1837—62 и нѣсколько другихъ, пользованіе которыми, помимо ихъ неполности и неточности, крайне затруднительно вслѣдствіе разбросанности ихъ по періодическимъ изданіямъ.

Собравши путемъ усерднаго труда необходимые матеріалы, галицко-русскій библіографъ при обработкѣ своего труда исходилъ изъ принципа, что въ составъ галицко-русской библіографіи должны войти:

1) „Всѣ публикаціи, напечатаныя въ Австро-Венгріи на русскомъ языкѣ такъ кирилловскими и гражданскими, якъ также латинскими письменами, безъ взгляда на народность авторовъ;

2) Всѣ сочиненія, появившіяся печатью такъ въ Австро-Венгріи, якъ и заграницею, на языкахъ: польскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и другихъ, которыхъ авторами суть галицко-русскіе уроженцы“.

При такомъ принципѣ, положенномъ въ основу труда, „Библіографія“ г. Левицкаго должна была въ результатѣ дать картину съ одной стороны трудоспособности и характера духовной дѣятельности русскихъ уроженцевъ Галиціи, Буковины и Венгріи, а съ другой стороны выяснить объемъ писанной на рускомъ языкѣ литературы въ Руси зарубежной.

Конечно, для еще большей полноты разсматриваемой библіографіи было бы весьма желательно присоединеніе отдѣла и о томъ, что писалось о Галицкой Буковинской и Угорской Руси иноземными авторами, но это, конечно, не составитъ особаго труда послѣ того, какъ г. Левицкимъ выполнена колоссальнѣйшая часть работы. Не вполнѣ согласны мы съ языкомъ библіографіи, представляющимъ смѣсь литературнаго языка съ мѣстнымъ, и хотя этотъ языкъ, несомнѣнно, понятенъ всякому русскому, но во всякомъ случаѣ онъ напоминаетъ намъ тотъ искусственный языкъ, который у сербовъ XVIII и начала XIX в. носилъ названіе славено-сербскаго или славено-русскаго и долго удержаться не могъ.

Что касается выдающихся достоинствъ труда г. Левицкаго, то, помимо обилія матеріала, тщательности его подбора и классификаціи, мы въ особую заслугу автору ставимъ то, что онъ использовалъ матеріалы, представляемые періодическою печатью, и далъ раскрытіе цѣлаго ряда псевдонимовъ: такимъ образомъ его трудъ вышелъ за предѣлы простой библіографіи. Мало того, въ вступительныхъ частяхъ, особенно къ I тому, г. Левицкій сдѣлалъ и выводы о ростѣ, колебаніяхъ, причинахъ измѣненія въ развитіи галицко-русской письменности. Подведя итоги собранному матеріалу, составитель далъ рядъ весьма цѣнныхъ таблицъ, снабженныхъ къ тому же историко-культурными поясненіями, а именно: 1) таблицу изданій по годамъ и десятилѣтіямъ, 2) таблицу изданій по мѣстамъ печати, 3) статистику изданій по письму, 4) распредѣленіе изданій по отраслямъ наукъ и 5) статистику изданій по ихъ объему. Картина литературно-научной работы Галицкой Руси въ до-конституціонный періодъ (1801—60) представлена съ образцовой полнотой въ I томѣ разсматриваемаго труда, снабженнаго цѣннымъ указаніемъ именъ авторовъ и заглавій статей въ алфавитномъ порядкѣ, тогда какъ порядокъ распредѣленія матеріала въ самомъ трудѣ хронологическо-алфавитный. Всѣхъ названій въ I томѣ Галицко-русской библіографіи приведено 1354.

Второй томъ, предназначенный обозрѣнію духовной дѣятельности зарубежной Руси въ конституціонный періодъ, обнимаетъ періодъ съ 1861—86 г., и представляетъ собою объемистую книгу въ 736 стр. съ 3420 назва-

ніями и незамѣнимымъ алфавитнымъ указателемъ. Довершенію труда г. Левицкаго много содѣйствовали, по его собственному признанію, Ставропигійскій Институтъ и покойный уже проф. Шараневичъ.

Во вступительной части къ этому тому авторъ ярко рисуетъ тѣ затрудненія, которыя встрѣчалъ онъ на своемъ пути при выполненіи задуманнаго труда: несовершенство отдѣловъ, посвященныхъ прикарпато-русской литературѣ, въ лучшихъ народныхъ библіотекахъ Львова: библіотекѣ „Народнаго Дома“ и библіотекѣ общества „Просвѣта“, а также и въ библіотекѣ Львовскаго университета, индифферентизмъ къ начатому авторомъ дѣлу со стороны владѣтелей частныхъ библіотекъ и отсутствіе отвѣтовъ на вопросы автора со стороны лицъ, отличающихся, по словамъ его, „крикливымъ патріотизмомъ“—всѣ эти неблагопріятныя условія приходилось преодолѣвать г. Левицкому при выполненіи своей работы, и онъ, надо отдать ему справедливость, преодолѣлъ ихъ съ честью.

Съ особой признательностью относился зато почтенный труженикъ къ тому учрежденію и тому лицу, которыя неизмѣнно оказывали ему нравственную и матеріальную поддержку при выполненіи его задачи. Имъ онъ и посвящаетъ второй томъ своего труда, говоря: „Памяти тружениковъ, успѣвшихъ въ тяжелыя для Прикарпатской Руси времена учредить на рубежахъ неизмѣримыхъ русскихъ земель пріютную твердыню національной жизни, славившуюся въ исторіи на югѣ Россіи подъ названіемъ Львовское Успенское братство, праздновавшую въ 1886 г. 300-лѣтній юбилей своего существованія, а равно и современнымъ членамъ сего многозаслуженнаго національнаго учрежденія, именуемаго нынѣ Ставропигійскій Институтъ на руки Старѣйшины сего Института профессора Львовскаго университета Д-ра Исидора И. Шараневича свой многолѣтній трудъ посвящаетъ авторъ“.

Особенно цѣнными въ разсматриваемомъ томѣ, какъ и въ первомъ, представляется намъ раскрытіе г. Левицкимъ многочисленныхъ псевдонимовъ, а также обстоятельныя замѣчанія относительно исторіи, характера и состава упоминаемыхъ въ трудѣ періодическихъ изданій Прикарпатской Руси.

Помимо добавленій къ указаннымъ двумъ томамъ, выпущенныхъ отдѣльными книжками, каковы: Галицко-русская библіографія за 1887, 1888, 1889 г. Львовъ 1888—90 „Галицко-русска библіографія за роки 1772—1800, Львъ. 1903“ и др., г. Левицкій продолжаетъ и по настоящее время свой трудъ, доведенный, какъ мы видѣли, въ выпущенныхъ томахъ лишь до 80-хъ годовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ качествѣ цѣннаго дополненія къ своей библіографіи онъ готовитъ къ печати другой свой капитальный трудъ „Прикарпатская Русь въ XIX столѣтіи въ жизнеописаніяхъ и портретахъ ея дѣятелей (1801—1895)“, при чемъ этотъ трудъ, по свидѣтельству автора, основанъ главнымъ образомъ на автобіографіяхъ и источникахъ, извлеченныхъ изъ архивовъ.

Цѣна труда г. Левицкаго является высокой (именно 7½ рубл.—1-й томъ и 30 рубл.—2-й томъ), и дороговизна изданія объясняется тѣмъ, что, будучи строго спеціальнымъ, оно имѣетъ въ виду необычнаго покупателя, а ученыя и высшія учебныя учрежденія, библіотекамъ которыхъ необходимо имѣть этотъ библіографскій трудъ на ряду съ другими капитальными славянскими библіографіями.

П. Заболотскій.

Jiří Karásek ze Lvovic, Umění jako kritika života. Essaye. Symposion. Прага, 1906. Стр. 154. Цѣна 3 кроны.

Слѣдя по возможности за всѣми явленіями культурной жизни славянъ, мы не разъ давали отзывы о новыхъ книгахъ по искусству. Въ большинствѣ случаевъ это были книги по польскому искусству стараго времени. Не менѣе интересно и чешское искусство, особенно современное, почему мы предполагаемъ познакомить читателей „Славянскихъ Извѣстій“ съ нѣсколькими книгами, посвященными исторіи и теоріи чешскаго искусства, и прежде всего остановимся на „Искусствѣ, какъ критикѣ жизни“, Ю. Караска.

Одинъ изъ наиболѣе выдающихся чешскихъ художественныхъ критиковъ и поэтовъ—модернистовъ, Юрій Карасекъ (изъ Львовицъ),—у насъ совершенно неизвѣстенъ. Ему 35 лѣтъ, какъ и большинство славянскихъ беллетристовъ, онъ служитъ—почтовымъ чиновникомъ въ Прагѣ и началъ писать съ 1892 года. Сборники его стихотвореній: „Zazděná okna“, „Sodoma“ (былъ конфискованъ), „Kniha aristokratická“, „Sexus necans“, „Hovory se smrti“, „Lasky absurdné“ и другіе пользуются большой популярностью. Кромѣ того, онъ написалъ нѣсколько романовъ — „Bezcesti“, „Stojaté vody“, „Mimo život“, „Goticka duše“, трагедію „Horici duše“, драму „Apollonius z Tyany“ и рядъ критическихъ очерковъ по философіи, литературѣ и искусствамъ изобразительнымъ. Это—„Renessanční touhy ve umění“ („Ренессансовыя томленія въ искусствѣ“), „Impressionisté a ironikové“ („Импрессіонисты и юмористы“), „Chimerické výpravy“ („Химерическіе экскурсы“) и „Umění jako kritika života“ (Искусство, какъ критика жизни“). Послѣдній сборникъ представляетъ собой девятый томъ недавно законченнаго полнаго собранія сочиненій Караска и состоитъ изъ очерковъ о А. Гарбергѣ, Штукенбергѣ, Р. Демелѣ, Лиліенкронѣ, Ст. Пшибышевскомъ, А. Хольцѣ, І. Шлафѣ, Л. Якобовскомъ, Ф. Гельдѣ, Фр. Эверсѣ, Р. Клейнѣ, Л. Андріанѣ, Фр. Геббелѣ, Г. Ибсенѣ, В. Витманѣ, Д. Россетти и статьи „Соціализація искусства“.

Въ предисловіи чешскій критикъ сѣтуетъ на то, что часто искусству указываютъ опредѣленное мѣсто въ общественной жизни, требуютъ отъ него соціальной пользы, — и ничто такъ не унижаетъ искусства, какъ подобныя требованія, такъ какъ „искусство выше жизни; оно является ея критикой“. Опредѣляя сущность вѣчнаго, самодовлѣющаго искусства, Ю. Карасекъ говоритъ, что „соціальная полезность искусства, поскольку это тождественно популяризаціи его, знаменуетъ безповоротную гибель искусства. Много говорится объ искусствѣ широкомъ, безграничномъ, всеобъемлющемъ. Но это—однѣ фразы. Жизнь и расцвѣтъ каждаго искусства имѣютъ глубокіе корни во внутренней сущности самого художника, проявляющейся критикой жизни, т. е. способомъ единственнымъ, индивидуальнымъ, свободнымъ отъ всего случайнаго и отъ предубѣжденій большинства, посредственности. Поэтому искусство всегда и будетъ инстинктивно ненавистно толпѣ. Но на это художникъ не долженъ обращать вниманія. Пусть онъ, не связанный временемъ, въ которое живетъ, какъ человѣкъ, и пространствомъ, которое его держитъ, и которое могли бы назвать его отечествомъ, — мечтаетъ и творитъ. Въ обструкціи заключается мечта и символъ, какъ сказалъ Тэнъ. Пусть онъ не обращаетъ вниманія на бренныя краски и пусть смотритъ на души вещей, на ихъ сокровеннѣйшія біенія. Пусть проникаетъ въ ихъ глубины и стремится къ синтезу жизни, а этимъ путемъ — къ высочайшему идеалу каждаго художника, къ синтезу искусства“.

Этого синтеза у Караска много въ любой его статьѣ и больше всего—

въ послѣднемъ по мѣстѣ очеркѣ, заглавіе котораго приведено выше. Не отличаясь оригинальностью, многія статьи Караска, написанныя живо и горячо,— были бы интересны русскимъ читателямъ, если бы кто-нибудь перевелъ ихъ.

А. И. Яцимирскій.

dr. Fr. X. Harlas, Doba a umění. Прага 1906 г. Стр. 254. Изданіе I. Вилимка въ серіи „Věděnim a životem". Цѣна 2. 50 кроны.

Напечатанныя въ разныхъ чешскихъ и нѣмецкихъ журналахъ, статьи и очерки Фр. Гарласа собраны въ изящномъ томикѣ, — и интересъ ихъ сосредоточивается главнымъ образомъ въ томъ, что хорошій знатокъ чешскаго искусства новаго времени, авторъ въ то-же время знакомъ и съ общими вопросами эстетики. Такова, напримѣръ, большая статья „Слогъ и вкусъ XIX столѣтія", гдѣ на первомъ планѣ стоитъ синтезъ. Далѣе слѣдуютъ статьи „Объ искусствѣ для народа", „Милитаризмъ и искусство", „Современная эстетика", „Феминизмъ въ современномъ искуствѣ", „Современная архитектура", „Фотографія и искусство„, „Современное безвкусіе", очеркъ о Ex libris'ахъ и др. Особый отдѣлъ посвященъ чешскому искусству, напр. „Сто лѣтъ чешской живописи", „О французскихъ вліяніяхъ на чешскую живопись нашего времени", „Глава изъ художественной жизни Праги", — и отдѣльнымъ его дѣятелямъ: Карлу Пуркиня, Вацлаву Брожику, Альфонсу Мухѣ и Людеку Марольду.

Слабое знакомство русскихъ читателей съ славянскими языками вообще и особенно съ чешскимъ дѣлаетъ особенно интереснымъ переводъ на русскій языкъ, хотя бы нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ статей Гарласа. Надѣемся, что современемъ это будетъ сдѣлано, — а пока остановимся на одной изъ нихъ, которая представляетъ на нашъ взглядъ общій интересъ, и познакомимся съ главными мыслями автора. Очеркъ „Милитаризмъ и искусство" начинается мыслями объ отраженіи каждой эпохи въ ея искусствѣ, о предъявляемомъ къ искусству настоящаго времени требованіи, чтобы въ художественныхъ произведеніяхъ запечатлѣвался вѣрный обликъ современной ему жизни—общество, его нравы, обычаи, одежды, обстановка и т. д. Такъ было во время долгаго господства реализма, такъ оно остается и теперь, когда настало царство модернизма, охватившаго искусство всѣхъ европейскихъ народовъ, въ томъ числѣ и славянъ. Поэтому и милитаризмъ нашелъ себѣ неизбѣжное отраженіе въ искусствѣ. Это — историческія и жанровыя картины, изображающія битвы, схватки, сраженія, походы, отступленія, отдѣльныя сцены войны и мира, наконецъ, портреты военныхъ героевъ. Журнальныя иллюстраціи, иллюстраціи къ историческимъ сочиненіямъ, романамъ, повѣстямъ и разсказамъ на военныя темы, памятники, статуэтки и т. д.—все это представляетъ собой слишкомъ обычное для насъ явленіе, а начало его восходитъ къ Франціи, гдѣ послѣ извѣстныхъ военныхъ успѣховъ французской арміи въ началѣ XIX вѣка возникъ особый „героическій стиль". „Милитаристическое искусство" можно начинать съ полотна Давида „Присяга Гораціевъ". Если и раньше, во время 30 лѣтней войны, въ Нидерландахъ мы уже встрѣчаемъ изображенія битвъ, то здѣсь художники были прежде всего „анималистами" и останавливались на военныхъ сюжетахъ прежде всего потому, что послѣдніе давали имъ интересный матерьялъ исключительно для художественныхъ цѣлей. „Идейная" же сторона „военной живописи" стояла на второмъ планѣ и въ XVIII столѣтіи, когда изображенія

„баталій“ и „бомбардировокъ“ сводилось такъ сказать къ публицистикѣ. Только Наполеоновскіе походы такъ сказать санкціонировали этотъ жанръ, какъ опредѣленную отрасль исторической живописи. Отъ Верне до Невилля французы писали военныя полотна съ большой виртуозностью, отъ нихъ переняли этотъ жанръ нѣмцы и русскіе. Франко-прусская и русско-турецкая войны особенно оживали „военную“ живопись, — и именамъ Бисмарка и Мольтке принадлежитъ въ данной области не послѣднее мѣсто. Въ Австріи этотъ жанръ не процвѣталъ; у поляковъ появился Артуръ Гроттеръ, снимки съ антимилитаристическихъ рисунковъ котораго теперь свободно продаются всюду, а прежде долгое время находились подъ цензурнымъ запретомъ. У другихъ народовъ развитіе „военной“ живописи шло одновременно съ военными успѣхами, и картины на военные сюжеты появились напримѣръ, въ Америкѣ только послѣ недавней войны съ испанцами; въ Японіи — во время войны съ китайцами и т. д. Особое вниманіе удѣляетъ Фр. Гарласъ Верещагину, этому славянскому апостолу мира; антимилитаристическія большія и малыя полотна, краснорѣчиво и властно говорятъ одно—„долой оружіе!“

Свой очеркъ Фр. Гарласъ заканчиваетъ такой антитезой. „Въ эпоху альтруизма, когда должны разрѣшиться соціальные вопросы, когда въ воздухѣ раздаются возгласы о гуманности и цивилизаціи, когда собираются мирныя конференціи, когда баронесса Зуттнеръ приказываетъ человѣчеству бросить оружіе,—въ ту же самую эпоху процвѣтаетъ милитаризмъ, который все покоряетъ себѣ, которому служитъ и искусство. На встрѣчу миролюбивымъ призывамъ гремятъ выстрѣлы, и раздаются, словно звуки трубъ, крики воюющихъ народовъ. „Культурный“ XIX вѣкъ, который „приготовлялъ почву для плодотворной работы“ XX вѣку, чтобы оно занялось прежде всего соціальными отношеніями, эта просвѣщенная, высоко прогрессивная эпоха призываетъ старыхъ гунновъ и не знаетъ болѣе возвышенныхъ цѣлей, какъ „примѣрное наказаніе“ цѣлыхъ народовъ и уничтоженіе ихъ „бронированнымъ кулакомъ“... Приливъ атавистическаго варварства затопилъ духовную жизнь. Объ этомъ свидѣтельствуетъ искусство, хотя изображенная имъ картина эпохи, выходитъ болѣе идеальной, чѣмъ настоящая жестокая дѣйствительность. Постичь правду и сдѣлать нагляднымъ станетъ задачей міровой исторіи, которая кичливое „Vae victis“ превратитъ въ мощное: „Бѣда побѣдителямъ!“

Такого характера и остальныя статьи Фр. Гарласа. Критикъ свѣдущій, обладающій вкусомъ и имѣющій опредѣленный общественный взглядъ, онъ не обладаетъ темпераментомъ и не имѣетъ опредѣленнаго эстетическаго credo,—почему всѣ его статьи, всегда содержательныя и интересныя въ самомъ чтеніи, не оставляютъ глубокаго впечатлѣнія.

А. И. Яцимирскій.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ
С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества.

I.

Общее собраніе

14-го Мая 1907 г.

Передъ началомъ общаго собранія, состоявшагося 14-го мая въ 2 часа дня, было отслужено въ помѣщеніи Общества благодарственное молебствіе по случаю избавленія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА отъ готовившагося злого на него умысла.

Открывая затѣмъ собраніе, предсѣдательствующій А. С. Будиловичъ отъ имени Совѣта предложилъ присутствующимъ просить Министра Внутреннихъ Дѣлъ повергнуть къ стопамъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА всеподданнѣйшую телеграмму слѣдующаго содержанія:

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО.

Славянское благотворительное общество въ годовомъ собраніи, помолившись Господу о долголѣтіи и благополучіи Вашего царствованія и объ умиротвореніи родной страны, приноситъ Вамъ, ГОСУДАРЬ, выраженіе живѣйшей своей радости по поводу избавленія отъ опасности грозившей Вамъ отъ ужаснаго преступнаго замысла. Царствуйте, Великій ГОСУДАРЬ, многая лѣта на благо Россіи и всего Славянства.

Предложеніе было принято единогласно и съ величайшимъ воодушевленіемъ.

Затѣмъ поставленъ былъ на очередь вопросъ объ избраніи въ дѣйствительные члены Общества предложенныхъ Совѣтомъ кандидатовъ. Избраны: ген.-отъ-инфантеріи А. П. Скугаревскій и т. с. Н. А. Илларіоновъ.

Далѣе предсѣдательствующій сообщилъ собранію поступившее на его имя отъ группы членовъ Совѣта заявленіе о внесеніи въ настоящее общее собраніе предложенія объ избраніи

въ почетные члены Славянскаго Общества: проф. И. С. Пальмова, проф. П. А. Кулаковскаго и предсѣдателя Кіевскаго славянскаго благотворительнаго общества—проф. Т. Д. Флоринскаго. Предложенныя лица избраны единогласно.

Происходившіе затѣмъ выборы трехъ членовъ Совѣта взамѣнъ выбывающихъ по очереди на осн. § 17 Устава и двухъ членовъ Совѣта взамѣнъ совершенно выбывшихъ изъ Совѣта П. А. Гейсмана (за отъѣздомъ изъ С.-Петербурга) и Н. П. Писаревскаго (за смертью),—дали слѣдующіе результаты. Избранными оказались (при 20 баллотировавшихъ записками и 19 баллотировавшихъ шарами): А. В. Васильевъ (19 голосовъ записками и 17 шарами), С. В. Семеновъ (18 гол. зап. и 16 шар.), К. Я. Гротъ (17 гол. зап. и 16 шар.), В. Н. Кораблевъ (17 гол. зап. и 16 шар.) и С. А. Соллертинскій (17 гол. зап. и 16 шар.).

Въ члены Повѣрочной Комиссіи избраны: Н. В. Зимайловъ, П. П. Смердынскій и О. Ю. Стано и кандидатами къ нимъ: А. М. Мичатекъ и В. Ф. Фельдтъ.

Въ состоявшемся вслѣдъ за симъ засѣданіи Совѣта единогласно избранъ казначеемъ Общества—С. В. Семеновъ.

II.

Составъ Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества къ 15 Мая 1907 года.

Предсѣдатель: Графъ Николай Павловичъ Игнатьевъ.

Товарищи Предсѣдателя: Сенаторъ А. А. Нарышкинъ.
Профессоръ А. С. Будиловичъ.

Секретарь: В. Н. Кораблевъ (избр. 1907 г.).

Казначей: Камергеръ С. В. Семеновъ (избр. 1907 г.).

Члены: д. с. с. А. А. Башмаковъ (избр. 1906 г.).
т. с. А. В. Васильевъ (избр. 1907 г.).
д. т. с. М. Н. Галкинъ-Враской (избр. 1906 г.
проф. К. Я. Гротъ (избр. 1907 г.).

ген.-м. Н. А. Епанчинъ (избр. 1905 г.).
проф. П. А. Кулаковскій (избр. 1906 г.).
ген.-м. Н. Р. Овсяный (избр. 1906 г.).
проф. И. С. Пальмовъ (избр. 1905 г.).
проф., прот. С. А. Соллертинскій (избр. 1907 г.).
бар. М. Ф. Таубе (избр. 1906 г.).

Редакторъ: **В. Н. Кораблевъ.** Типографія В. Д. Смирнова.

Славянски Гласъ

Органъ на Славянското Благотворително Дружество въ България.

„Славянски Гласъ" има за задача да печати научно-популярни статии по историята, книжнината, етнографията на славянитѣ; да дава извѣстия за съврѣменния политически и културенъ животъ въ славянскитѣ земи и да слѣдва движението на книжнината по славянството. Той дава отчети за дѣятелността на Славянското Благотворително Дружество въ България.

„Сл. Гласъ" излиза въ размѣръ отъ 3—3½ печатни коли, голѣмъ форматъ и се издава по една книга на всѣки 2 мѣсеца.

Годишна цѣна за България е 3 л. а за чужбина—3½ лева (фр.).

„Zvěsti"

Извѣстія

Чешско-русскій журналъ, посвященный промышленности, литературѣ и искусству.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ на русскомъ и чешскомъ языкѣ въ Прагѣ (Žižkov, Havlíčkova ul. č. 19). Подп. цѣна 3 руб. въ годъ.

Редакторъ **I. Alexander.**

Въ книжномъ складѣ Спб. Славянскаго Общества (Звенигородская, 24) продаются

СЛОВАРИ:

Словенско (словацко)-русскій словарь съ краткой грамматикой словацкаго языка (Slovensko-ruský slovník a skrátena mluvnica slovenského jazyka). Составилъ Л. А. Мичатекъ. Turč. Sv. Martin 1900, стр. IV+332+15. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Словинско-русскій словарь съ краткой грамматикой словинскаго языка (Slovensko-ruski slovar in slovnica slovenskego jezika составилъ М. Хостникъ. Горица, 1901, стр. XV+377+279. Цѣна 1 руб. 50 к.

Чешско-русскій словарь съ краткой грамматикой чешскаго языка (Česko-ruský slovník). Составилъ І. В. Ранкъ. Прага 1902, стр. 874+30. Цѣна 12 кронъ —4 р. 80 к., а для членовъ славянскаго общества и **для учащихся—3 руб.**

Русско-словинскій словарь (Rusko-slovenski slovar in kratka slovnica ruskego jezika). Составилъ М. М. Хостникъ. V Gorici 1897, стр X+365+85. Цѣна 1 р. 50 к.

Русско-словенскій (словацкій) словарь (Rusko-slovensky slovnik). Составилъ Л. А. Мичатекъ. Turč. Sv. Martin 1892, стр. V+366+34. Цѣна 1 р. 50 к.

Русско-сербскій словарь. Составилъ П. А. Лавровскій. Спб. 1880, стр. II+578. Цѣна 2 руб.

Сербско-(хорватско-русскій словарь. Составилъ Л. А. Мичатекъ. Спб. 1903 г., стр. 727+58, цѣна 2 руб 50 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

съ января мѣсяца на 1907 г.

(ПЯТЫЙ ГОДЪ ПО ВОЗОБНОВЛЕНІИ)

НА

„СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ".

Журналъ выходитъ **восемь** разъ въ годъ, въ **послѣднихъ** числахъ каждаго мѣсяца, книжками не менѣе 4 печатныхъ листовъ.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПЕЧАТАЮТЯ: научно-популярныя статьи по исторіи, литературѣ, церковной жизни, этнографіи славянъ; статьи и извѣстія, касающіяся современной политической и культурной жизни всѣхъ славянскихъ народовъ; письма и корреспонденціи изъ славянскихъ земель; библіографическіе отчеты о выдающихся книгахъ по всѣмъ вопросамъ славяновѣдѣнія; переводы лучшихъ произведеній славянскихъ писателей; отчеты о дѣятельности С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго Общества и объявленія.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

Н. Н. *Бахтинъ* (Новичъ), *А. А. Башмаковъ*, *К. Д. Бербенко* (Софія), *проф. А. С. Будиловичъ*, *Л. Л. Васильевъ*, *И. Я. Вацликъ*, *О. Вильчинскій*, *Н. Н. Виноградовъ*, *прив.-доц. Э. А. Вольтеръ*, *проф. К. Я. Гротъ*, *проф. П. А. Гейсманъ*, *Н. С. Державинъ*, *П. Д. Драгановъ*, *А. Ф. Еркевичъ* (Боснія), *П. А. Заболотскій*, *проф. В. Н. Златарскій* (Софія), *А. А. Кирѣевъ*, *В. Н. Кораблевъ*, *В. А. Кракау*, *проф. П. А. Кулаковскій*, *А. Л. Липовскій*, *Л. П. Лобовъ*, *В. А. Лугаковскій*, *Э. Э. Лямбекъ*, *А. Ф. Музыченко*, *д-ръ Э. Ю. Мука (В. и Н. Лужицы)*, *Н. Р. Овсяный*, *проф. М. П. Павловичъ* (Бѣлградъ), *проф. И. С. Пальмовъ*, *проф. Н. М. Петровскій*, *прив.-доц. М. А. Полѣевктовъ*, *д-ръ Ив. Пріятель* (Вѣна), *С. А. Радичъ* (Загребъ), *П. А. Ровинскій* (Черногорія), *Св. Ст. Симичъ* (Бѣлградъ), *А. Н. Сиротининъ*, *А. П. Соловьевичъ*, *д-ръ Ст. Стаиовичъ* (Бѣлградъ), *прив.-доц. А. І. Степовичъ*, *бар. М. Ф. Таубе*, *проф. И. П. Филевичъ*, *С. В. Штейнъ*, *Ю. А. Яворскій*, *д-ръ А. И. Яцимирскій* и *многіе другіе*.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкою и пересылкою для городскихъ подписчиковъ **3** руб., для иногородныхъ **3** р. **50** к. и заграницу **4** р. Цѣна за отдѣльную книжку **50** к.

О всѣхъ новыхъ книгахъ по славяновѣдѣнію, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются извѣщенія или помѣщаются рецензіи.

Всѣ статьи, корреспонденція и вся переписка съ редакціей адресуются: **С.-Петербургъ, въ редакцію „СЛАВЯНСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ". Вас. Остр., 5 лин., д. 34, кв. 16.**

Рукописи съ неоплаченными почтовыми расходами не возвращаются. Комплекты журнала за 1902/3, 1903/4, 1904/5 и 1906 г. высылаются за 3 руб.

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній „Извѣстія" рекомендованы для фундаментальныхъ библіотекъ кадетскихъ корпусовъ и допущены Ученымъ Комитетомъ Мин-ва Земледѣлія и Гос. имуществъ въ библіотеки подвѣдомственныхъ Мин-ву учебныхъ заведеній.

Подписка принимается: 1) въ редакціи **„Славянскихъ Извѣстій"**, С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5-я линія, домъ 34, кв. 16,—и въ помѣщеніи Славянскаго Благотворительнаго Общества, СПБ. Звенигородская, 24.

Редакторъ *В. Н. Кораблевъ.*